

ISSN 2076-2577 (Print)  
ISSN 2541-982X (Online)

**FU** **Финно-угорский мир**  
**Finno-Ugric World**  
*Том 13, № 4. 2021*





**Журнал основан в 2008 г.**  
*Выходит ежеквартально*

Зарегистрировано Федеральной службой  
по надзору в сфере связи, информационных  
технологий и массовых коммуникаций  
Свидетельство ПИ № ФС77–70644  
от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала –  
Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс в Объединенном  
каталоге «Пресса России» – 42059

**Учредитель и издатель:**  
федеральное государственное  
бюджетное образовательное  
учреждение высшего образования  
«Национальный исследовательский  
Мордовский государственный университет  
им. Н. П. Огарёва».  
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,  
ул. Большевикская, 68

**Адрес редакции:**  
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,  
ул. Большевикская, 68  
Телефон: +7 8342 474423, +7 8342 478220  
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>  
E-mail: [journal@csfu.mrsu.ru](mailto:journal@csfu.mrsu.ru)

**Главный редактор Н. П. Макаркин**

Дата выхода 29.12.2021.  
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 12,0.  
Тираж 1000 экз. (1-й завод – 150 экз.).  
Цена свободная. Заказ № 2038

Отпечатано в типографии  
Издательства Мордовского университета  
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,  
ул. Советская, 24

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2021

**The journal was founded in 2008.**  
*Published quarterly*

Registered by The Federal Service  
for Supervision of Communications,  
Information Technology, and Mass Media  
Certificate ПИ № ФС77–70644  
August 3, 2017

Distributed In Russian Federation and foreign  
countries

Subscribe index: 42059,  
Catalog "The Press of Russia"

**Founder and Publisher:**  
Federal State  
Budgetary Educational  
Institution of Higher Education  
"National Research  
Ogarev Mordovia  
State University"  
68 Bolshevikskaya Str., Saransk  
430005, Republic of Mordovia, Russia

**Editorial board:**  
68 Bolshevikskaya Str., Saransk  
430005, Republic of Mordovia, Russia  
Phone: +7 8342 474423, +7 8342 478220  
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>  
E-mail: [journal@csfu.mrsu.ru](mailto:journal@csfu.mrsu.ru)

**Editor in Chief N. P. Makarkin**

Released on December 29, 2021.  
Format 70 × 108 1/16. Press sheets 12.0.  
Circulation 1000 copies (1st – 150 copies).  
Free price. Order No. 2038

Printed in the Publishing House of National  
Research Ogarev Mordovia State University  
24 Sovetskaya Str., Saransk  
430005, Republic of Mordovia, Russia

© National Research Mordovia State University, 2021



Редакция журнала «Финно-угорский мир Finno-Ugric World» строит политику издания на общепринятых этических принципах научных публикаций. Редакция поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, а также руководствуется Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций».

Редакционная политика формулируется с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала (Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors), разработанном Комитетом по публикационной этике (Committee on Publication Ethics).

Редакция открыта для взаимодействия с профессиональными научными ассоциациями и отраслевыми сообществами с целью обеспечения высокого качества работы ученых.

Редакция не оказывает платных или агентских услуг. Публикация в Журнале бесплатная. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Редакция не навязывает авторам цитирование статей, ранее опубликованных в Журнале, с целью искусственного улучшения его наукометрических показателей, а также принципиально не оказывает такую «помощь» другим изданиям или конкретным авторам.

«Финно-угорский мир Finno-Ugric World» – журнал открытого доступа (Open Access): все пользователи могут абсолютно свободно и бесплатно читать, загружать, копировать, передавать, а также ссылаться на публикуемые материалы в соответствии с принципами Будапештской инициативы открытого доступа (BOAI).

Авторы сохраняют за собой авторские права и предоставляют Журналу право публикации работы. Неисключительные права на использование материалов Журнала принадлежат ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» как учредителю и издателю.

В Журнале может быть опубликован любой автор, представивший ранее не опубликованный материал.

Журнал считает своей миссией распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризацию их языков, народной культуры и искусств, истории. Исходя из понимания данной миссии, редакция Журнала публикует материалы, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов. Также публикуются информационные сообщения о важных научных событиях, семинарах, симпозиумах и конференциях, связанных с тематикой издания.

Материалы Журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

Допускается свободное воспроизведение материалов Журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. При цитировании ссылка на Журнал обязательна. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.



The editorial board of the journal "Finno-Ugric World" is committed to generally accepted ethical principles of Journal publications. The editors support Code of Ethics of Journal Publications, developed by Committee on Ethics of Journal Publications (Moscow, Russia), and Declaration of the Association of Journal Editors and Publishers "Ethical Principles of Journal Publications".

The editorial policy is based on ethical norms of the work of editors and publishers written in Code of Conduct and Guidelines for Best Practice for the Editor of the Journal, developed by the Committee on Publication Ethics.

The Editors shall be open for cooperation with professional scientific associations and industry-specific communities to ensure high quality work of scientists.

The editorial board does not provide paid services. All publications in the Journal are free. The editorial board does not charge the authors for the preparation, download and printing of materials.

The editors shall never impose citing papers, which were previously published in the Journal, on the authors, for the purpose of improving its scientometric indicators, as well as shall not provide other journals or specific authors with such "help".

The "Finno-Ugric World" is an open access Journal which means that all content is freely available without charge to the user or his/her institution. Users are allowed to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of the articles, or use them for any other lawful purpose, without asking prior permission from the publisher or the author. This is in accordance with the BOAI definition of open access.

The authors retain copyright holder exclusive rights over their articles and assign copyright to the Journal. Non-exclusive rights to use the papers of the Journal belong to National Research Mordovia State University as a founder and publisher.

The Journal publishes any author, if he presents a material not released before and not supposed to be published simultaneously in other journals. Receipt of articles for publication is effected permanently.

The Journal seeks to develop Finno-Ugric Studies, dissemination of their languages, folk culture and arts, and the history in the territory of the Russian Federation and abroad. In order to fulfil these aims the Journal welcomes the articles on the various aspects in linguistics, literature, culture, history and ethnography of the Finno-Ugric peoples. It also regularly includes the information about important sciences events, seminars, symposiums and conferences relevant to the Journal.

All the materials of the "Finno-Ugric World" journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Free reproduction of the Journal's materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.



- Макаркин Николай Петрович** – председатель совета, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Россия), makarkin@mrsu.ru
- Бахлова Ольга Владимировна** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), olga.bahlova@gmail.com
- Бояркин Николай Иванович** – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), bojarkin\_ni@mail.ru
- Братчикова Надежда Станиславовна** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова» (г. Москва, Россия), n.bratchikova@mail.ru
- Вичинене Дайва** – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузыкологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivarster@gmail.com
- Глухова Наталья Николаевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингвистики Центра гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gluhnatalia@mail.ru
- Жеребцов Игорь Любомирович** – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), zherebtsov@mail.illkomisc.ru
- Илюха Ольга Павловна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), iljuha@krc.karelia.ru
- Кауппала Пекка** – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Кондратьева Наталья Владимировна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Корнишина Галина Альбертовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), kornishina@rambler.ru
- Лууттонен Йорма** – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркуского университета (г. Турку, Финляндия), luutonen@utu.fi
- Матичак Шандор** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Мишанин Юрий Александрович** – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межэтническим отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (г. Саранск, Россия), mordvarf@mail.ru
- Мосина Наталья Михайловна** – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), natamish@rambler.ru
- Муллонен Ирма Ивановна** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), mullonen@krc.karelia.ru
- Нуриева Ирина Муртазовна** – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия), nurieva-59@mail.ru
- Попов Александр Александрович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), doctor\_porov@mail.ru
- Пустаи Янош** – доктор филологии, профессор, директор NH «Collegium Fenno-Ugricum» (г. Бадачоньтомай, Венгрия), janos\_pusztay@hotmail.com
- Ракин Анатолий Николаевич** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), anatolij.rakin@mail.ru
- Родняков Алексей Викторович** – секретарь совета, заместитель руководителя Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), aleviro@mail.ru
- Сейленталь Тынү** – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seilu@ut.ee
- Тултаев Петр Николаевич** – председатель президиума Совета ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» (г. Саранск, Россия), afunrf@yandex.ru
- Тулуз Ева** – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com
- Шаланки Жужанна** – доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Шилов Николай Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры юридических дисциплин ОЧУ ВО «Еврейский Университет» (г. Москва, Россия), n\_shilov@uni21.org
- Шкалина Галина Евгеньевна** – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gshkalina@mail.ru



- Nikolay P. Makarkin** – Chairman of the Board, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russia), makarkin@mrsu.ru
- Olga V. Bahlova** – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), olga.bahlova@gmail.com
- Nikolay I. Boyarkin** – Doctor of Arts, Professor, Lead Research Fellow, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), boyarkin\_ni@mail.ru
- Nadezhda S. Bratchikova** – Doctor of Philology, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), n.bratchikova@mail.ru
- Daiva Vyčiniénė** – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com
- Natalia N. Glukhova** – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages and Linguistics, Center for Humanitarian Education, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia), gluhatalia@mail.ru
- Igor L. Zherebtsov** – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi, Research Center of Ural Branch of Russian Academy of Science (Syktyvkar, Russia), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
- Olga P. Ilukha** – Doctor of History, Lead Research Fellow, History Section, Institute of Language, Literature and History, Karelia Scientific Center of Russian Academy of Science (Petrozavodsk, Russia), iljuha@krc.karelia.ru
- Pekka Kauppala** – Ph. D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Natalia V. Kondratieva** – Doctor of Philology, Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Galina A. Kornishina** – Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), kornishina@rambler.ru
- Jorma Luutonen** – Ph. D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi
- Sándor Maticsák** – Ph. D. {Philology}, Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Yuri A. Mishanin** – Doctor of Philology, Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russia), mordvarf@mail.ru
- Natalya M. Mosina** – Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), natamish@rambler.ru
- Irma I. Mullonen** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Institute of Language, Literature and History, Karelia Research Center of Russian Academy of Science (Petrozavodsk, Russia), mullonen@krc.karelia.ru
- Irina M. Nurieva** – Doctor of Arts, Lead Research Fellow, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of Russian Academy of Science (Izhevsk, Russia), nurieva-59@mail.ru
- Alexander A. Popov** – Doctor of History, Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of the Komi Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), doctor\_popov@mail.ru
- János Pusztay** – Ph. D. {Philology}, Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos\_pusztay@hotmail.com
- Anatolij N. Rakin** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Science (Syktyvkar, Russia), anatolij.rakin@mail.ru
- Aleksei V. Rodniakov** – Secretary of the Board, Deputy Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), aleviro@mail.ru
- Tõnu Seilenthal** – Ph. D. {Philology}, Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seilu@ut.ee
- Pyotr N. Tultaev** – Chairperson of the Presidium of the Council of Association of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation (Saransk, Russia), afunrf@yandex.ru
- Eve Toulouse** – Ph. D. {Philosophy}, Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouse@gmail.com
- Zsuzsanna Salánki** – Ph. D. {Philology}, Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Nikolai V. Shilov** – Doctor of History, Professor, Department of Legal Disciplines, PHEO “Jewish University” (Moscow, Russia), n\_shilov@uni21.org
- Galina E. Shkalina** – Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia), gshkalina@mail.ru

## ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Т. П. Арискина. Сложные прилагательные в эрзянском и венгерском языках ..... 348
- К. Г. Костина. Функционирование возвратного залога глагола в современном удмуртском языке .. 358

## ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Н. Н. Бушмелева, Л. Л. Шубин. Медицинская помощь и служба охраны материнства и детства Удмуртской АССР в послевоенные годы (1945–1950) ..... 369
- О. П. Илюха. Женская повседневность в письмах карельской крестьянки начала XX в. .... 379
- Т. Г. Миннихметова, Р. Р. Садиков. Посуда и утварь в обрядах жертвоприношений у закамских удмуртов (утилитарные и знаковые функции) ..... 394

## КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Н. В. Горинова. Театральное и драматургическое творчество Олега Уляшева ..... 405
- Т. В. Волдина. «Ритуальные» грибы в традиционной культуре обских угров ..... 417
- Е. Н. Ломшина, О. С. Сафонкина, Е. Н. Антипкина. Исследование этнокультурных ценностей в финно-угорских регионах: доминанты финно-угорской культуры и способы их актуализации в современном социуме ..... 428

## СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, КНИГИ

- А. Ф. Мышкина. Новое слово в марийской литературной науке ..... 440
- Ю. В. Норманская. Новый академический русско-удмуртский словарь – важная веха финно-угорского языкознания ..... 445
- А. А. Ямашкин. Студентам об этнологической практике ..... 449
- Г. Е. Шкалина. Социокультурная динамика идентичности современной молодежи ..... 451
- О. И. Налдеева, В. И. Рогачев, М. М. Акашкин. Вершины корнями сильны... (к 85-летию со дня рождения В. М. Ванюшева) ..... 454
- Ш. Матичак, Н. В. Казаева. К юбилею Ласло Керестеша ..... 460

**PHILOLOGY**

T. P. Ariskina. Compound adjectives in the Erzya and Hungarian languages .....	348
K. G. Kostina. Functioning of the verb's reflexive voice in the modern Udmurt language .....	358

**HISTORICAL STUDIES**

N. N. Bushmeleva, L. L. Shubin. Medical assistance, maternal and child welfare service of the Udmurt ASSR during the post-war period (1945–1950) .....	369
O. P. Ilyukha. Female everyday life in letters by a Karelian peasant woman of the early XX century ...	379
T. G. Minniyakhmetova, R. R. Sadikov. Dishes and utensils used in sacrificial rites of the Trans-Kama Udmurts (functional and symbolic meaning) .....	394

**CULTURAL STUDIES**

N. V. Gorinova. Theatrical and dramatic work of Oleg Ulyashev .....	405
T. V. Voldina. "Ritual" mushrooms in the traditional culture of the Ob Ugrians .....	417
E. N. Lomshina, O. S. Safonkina, E. N. Antipkina. Study of ethnocultural values in the Finno-Ugric regions: dominants of Finno-Ugric culture and ways of their actualization in modern society .....	428

**EVENTS, PEOPLE, BOOKS**

A. F. Myshkina. A new word in Mari literary science .....	440
J. V. Normanskaya. The new academic Russian-Udmurt dictionary is an important milestone in Finno-Ugric linguistics .....	445
A. A. Yamashkin. For students about ethnological practice .....	449
G. E. Shkalina. Sociocultural dynamics of identity of modern youth .....	451
O. I. Naldeeva, V. I. Rogachev, M. M. Akashkin. The tops are strong by roots... (to the 85th anniversary from the birth of V. M. Vanyushev) .....	454
S. Maticsák, N. V. Kazaeva. To the anniversary of László Keresztes .....	460





## Сложные прилагательные в эрзянском и венгерском языках

Татьяна Павловна Арискина

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,  
Саранск, Россия*

**Введение.** Словосложение – один из ведущих способов обновления лексики. Сложное слово представляет собой результат соединения двух и более значений на лексико-семантическом, словообразовательном, синтаксическом уровнях, что обуславливает разносторонние подходы к его изучению, включая сравнительно-исторический. Цель исследования – сравнительно-историческое изучение сложных прилагательных эрзянского и венгерского языков. Она может быть достигнута путем рассмотрения моделей образования сложных прилагательных; анализа сложных прилагательных в эрзянском и венгерском языках; выявления типов отношений между компонентами сложного слова; статистических расчетов.

**Материалы и методы.** Материал для анализа был сформирован методом сплошной выборки из двуязычных словарей: эрзянско-русского и венгерско-русского. Использовались методы определения генетической принадлежности языковых данных; установления системы соответствий и аномалий в сравниваемых языках; пространственной локализации языковых явлений.

**Результаты исследования и их обсуждение.** Композиты в эрзянском и венгерском языках подразделяются на две большие группы: 1) образованные на основе сочинительной связи и 2) созданные на основе подчинительной связи между компонентами. Как показало исследование, сложные прилагательные подчинительного типа в эрзянском языке малочисленны, тогда как в венгерском языке они составляют большинство. В эту группу входят слова с первой частью – именем прилагательным, именем существительным, именем числительным. Сложные имена прилагательные сочинительного типа, преобладающие в эрзянском языке, могут быть образованы в результате слияния двух собственно прилагательных, двух производных прилагательных, повтора производных прилагательных. В венгерском языке доля сложных прилагательных сочинительного типа невелика. Среди них отмечаются парные и образованные по типу слов-близнецов.

**Заключение.** Результаты исследования свидетельствуют о том, что словообразование сложных прилагательных в венгерском и эрзянском языках – активный процесс.

**Ключевые слова:** сложные слова, сложные прилагательные, сочинительная связь, подчинительная связь, словообразовательная модель, эрзянский язык, венгерский язык

**Для цитирования:** Арискина Т. П. Сложные прилагательные в эрзянском и венгерском языках // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 4. С. 348–357. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.348-357.

### Введение

Словосложение в настоящее время сохраняет позиции одного из ведущих способов обновления лексики. В некоторых языках сложные слова составляют значительную часть всех новых лексем. Сложные имена прилагательные – большая группа имен с высокой частотностью употребления, они помогают украсить речь, более четко выразить мысль, передать оттенки смысла. Сложное прилагательное представляет собой результат соединения двух и более основ, а следовательно, и значений на разных уровнях – лексико-семантическом, словообразовательном, синтаксическом, что обуславливает разнообразие подходов к их изучению.

Актуальность исследования определяется возрастающим интересом лингвистов к сравнительно-сопоставительному описанию языков. В настоящее время в сравнительно-исторической лингвистике заметное место заняла реконструкция текстов. Этот подход позволяет обнаружить связь языка и культуры с исторических позиций, на основе которой разрабатывается ностратическая гипотеза о существовании большой группы языков, включающей разные языковые семьи.

Современное сравнительно-историческое языкознание тесно связано с лингвокультурологией, с попытками ученых определить «культурную память» слов.

Слово, рассматриваемое как проводник культуры, хранитель исторической памяти, становится главным связующим звеном между языком и национальным характером, языком и культурой. Одна из возможностей установления культурной памяти слов какого-либо языка – их сопоставление с эквивалентами в других языках, родственных и неродственных. Данный метод дает возможность обнаружить в семантике слов универсальные пласты культурной памяти, иначе говоря, явления общечеловеческого плана.

В сравнительно-историческом языкознании активно применяется принцип системной реконструкции. В частности, ученые анализируют, как изменяется не отдельная единица, а система в целом. Сегодня интерес исследователей смещается с внешней реконструкции (сопоставление разных (родственных) языков) на внутреннюю (исследования внутри одного языка, между вариантами того же языка). В качестве методологических принципов используются основные положения ареальной лингвистики, что обусловлено поисками единого «праязыка», поиском ответа на вопросы о его существовании для индоевропейцев, его возможном виде.

Объектом исследования выступают сложные прилагательные в эрзянском и венгерском языках. Предметом служат способы образования сложных прилагательных, отношения между компонентами сложного слова.

Цель статьи состоит в сравнительно-историческом исследовании сложных прилагательных эрзянского и венгерского языков. Для ее достижения необходимо решить несколько задач: а) рассмотреть модели образования сложных прилагательных; б) проанализировать сложные прилагательные в эрзянском языке; в) описать сложные прилагательные в венгерском языке; г) выявить типы отношений между компонентами сложного прилагательного; д) произвести статистические расчеты.

Научная новизна работы заключается в том, что сложные прилагательные эрзянского и венгерского языков рассматриваются в сравнительно-историческом

аспекте с привлечением примеров из родственных языков, сопоставляются способы их образования, анализируются словообразовательные суффиксы. Анализ языкового материала в русле контрастивной лингвистики и полученные данные сопоставления двух языков будут способствовать углубленному усвоению грамматики венгерского языка при его изучении эрзянами как иностранного, развитию теории и практики перевода, лексикографической практики, а также организации речевого взаимодействия.

### Обзор литературы

Сравнительно-исторический метод в языкознании базируется на ряде требований: анализу подвергаются архаичные формы; сопоставление родственных слов основывается не на чисто внешнем звуковом сходстве, а на строгой системе фонетических соответствий, которая сложилась в результате изменений звукового строя в рассматриваемых родственных языках. Одним из наиболее важных исследовательских приемов данного метода стал анализ имеющихся или существовавших в глубокой древности словообразовательных рядов и суффиксальных чередований.

Сравнительно-исторический метод, по замечанию Е. В. Бирюковой и Л. Г. Поповой, имеет ряд преимуществ:

- относительная простота процедуры, если известно, что сравниваемые морфемы родственны;
- легкость реконструкции или даже отсутствие необходимости в ней для части сравниваемых элементов;
- возможность упорядочения этапов развития ряда явлений в хронологическом плане;
- приоритет формы над функцией [2, 42].

Ограничения метода обусловлены фактором языкового времени:

- язык, взятый для сравнения, может так отдалиться от исходного языка-основы или другого родственного языка, что большая часть унаследованных языковых элементов будет утрачена, тогда данный язык выбывает из сравнения или становится для него ненадежным материалом;

– невозможно реконструировать те явления, древность которых превышает временную глубину данного языка. Материал для сравнения оказывается крайне ненадежным из-за глубоких изменений;

– заимствования представляют трудность в том плане, что в некоторых языках их число превышает число исконных слов [2, 42].

Современное языкознание характеризуется растущим интересом к сравнительному изучению словообразования в одно- и разноструктурных языках. В частности, имеются работы, посвященные анализу сложных прилагательных [4; 6; 8; 11; 14]. Исследование сложных слов важно с точки зрения возможностей их перевода [5; 12; 15], установления принципов правописания [7; 9; 16], рассмотрения словообразовательных вариантов [18], что актуально для всех языков, в том числе финно-угорских.

Ученые-финно-угроведы активно анализируют словосложение имен прилагательных [1; 3; 11; 13; 17; 20–23]. Д. А. Ефремов утверждает, что в современном удмуртском языке словосложение прилагательных – продуктивный способ словообразования наряду с деривацией. Автор выделяет сложные имена прилагательные на **-о (-ё)**, **-ем**. Что касается сложных прилагательных сочинительного типа на **-о (-ё)**, то существуют две модели их образования: а) посредством суффиксации формантом **-о (-ё)** всех компонентов исходного сложного существительного; б) на основе свободных словосочетаний, аффиксацией всех частей суффиксом **-о (-р)**. Композиты подчинительного типа на **-о (-ё)** создаются суффиксально-сложным способом, а именно путем лексикализации словосочетания при одновременной его суффиксации. Сложные прилагательные на **-ем** (бывают только подчинительного типа) также образуются суффиксально-сложным способом [6].

А. П. Гуськова осуществила подробное сравнение разных частей речи, включая сложные прилагательные, венгерского

и русского языков. Перед ней стояла задача не только выяснить специфику грамматического строя и тем самым продемонстрировать морфологические отличия двух разнотипных языков, но и установить в них общие черты, а также критерии и единые подходы к группированию частей речи и описанию грамматических категорий, проследить развитие научных взглядов на части речи, выделить разные подходы к их изучению, описать и интерпретировать классы слов обоих языков последовательным сопоставлением языковых фактов. При этом главный акцент делался на выявлении в них несоответствий, контрастных черт и грамматических расхождений. Последовательное сопоставление грамматических фактов венгерского и русского языков позволило исследователю установить степень соотносительности их частеречных систем и выявить в них схождения и расхождения [4].

### Материалы и методы

В работе использовались методы, принятые в сравнительно-историческом языкознании: определение генетической принадлежности языковых данных; установление системы соответствий и аномалий в сравниваемых языках; пространственная локализация языковых явлений. Главным приемом выступает сравнение, основанное на системном подходе к языку и используемое преимущественно на морфологическом уровне.

Материал для анализа был сформирован методом сплошной выборки. Сложные прилагательные в эрзянском языке изучались на материале Эрзянско-русского словаря<sup>1</sup>, в венгерском языке – Венгерско-русского словаря<sup>2</sup>.

Сравнительно-исторический метод позволяет установить изменения в истории языка, обнаружить закономерности его развития. Одним из условий его применения является наличие в сравниваемых языках генетически близких элементов, так как метод основывается на идее о генетических связях языков.

<sup>1</sup> См.: Эрзянь-рузонь валкс = Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. М., 1993.

<sup>2</sup> См.: Gáldi L., Uzonyi P. Magyar-orosz szótár = Венгерско-русский словарь. Budapest, 2000.

## Результаты исследования и их обсуждение

Сложные прилагательные в эрзянском и венгерском языках подразделяются на две большие группы: 1) образованные на основе сочинительной связи и 2) созданные на основе подчинительной связи между компонентами.

В венгерском языке применительно к словам с сочинительной связью принято говорить о парных прилагательных общего типа и о прилагательных типа слов-близнецов [10, 165]. Первые с точки зрения семантики членились на две группы: 1) с компонентами, которые отдельно не встречаются либо не имеют самостоятельного значения (*hebe-hurgya* ‘опрометчивый’); 2) с противоположными по значению либо дополняющими друг друга компонентами (*testi-lelki* ‘задушевный’). Прилагательные типа слов-близнецов семантически классифицируются на три группы: 1) оба компонента не имеют значения или не употребляются самостоятельно (*csip-csup* ‘мелкий’); 2) самостоятельно может употребляться только первый компонент (*csonka-bonka* ‘поврежденный, поломанный’); 3) самостоятельно может употребляться только второй компонент (*birdes-bordos* ‘с воланчиками’). Эти прилагательные имеют изобразительный характер, часто встречаются в фольклоре.

Распространены сложные прилагательные, образованные по типу подчинения первого компонента второму. Так, среди образованных бессуфиксным способом выделяются следующие типы: 1) первый компонент – прилагательное, уточняющее и ограничивающее значение второго прилагательного (*világossárga* ‘светло-желтый’); 2) первый компонент – существительное, с которым по какому-либо признаку сравнивается другой предмет (*hófehér* ‘белоснежный’) [10, 167].

В эрзянском языке описаны два способа образования сложных прилагательных сочинительного типа с точки зрения морфологического состава элементов: «1) путем слияния двух собственно прилагательных, 2) путем слияния двух производных прилагательных» [3, 123]. В первой группе выделяются сложные прилагательные, которые

состоят: а) из двух качественных прилагательных; б) качественных прилагательных, обозначающих цвет; в) повтора одного и того же качественного прилагательного. Во вторую группу входят композиты, образованные: а) из двух близких или тождественных по значению прилагательных; б) посредством повтора производных прилагательных. Исходя из возможности самостоятельного употребления составных частей выделяются три группы прилагательных: а) оба компонента имеют самостоятельное значение; б) одна из составных частей самостоятельно не употребляется, но близка к первой по звуковому составу и служит ей звукоподражательным придатком; в) оба компонента самостоятельного значения не имеют.

Материал Эрзянско-русского словаря дает основания говорить о том, что сложные прилагательные подчинительного типа в этом финно-угорском языке действительно крайне малочисленны. Согласно результатам ранее проведенного исследования [1], их доля составила 17,3 % от общего количества выделенных сложных имен прилагательных, причем примерно две трети из них образованы суффиксальным способом от сложных имен существительных: *атя+марень* ‘вишневый’ (*атямарь* ‘вишня (ягода)’), *виде+чинь* ‘правдивый, честный; справедливый’ (*видечи* ‘истина, правда’), *ине+ведень* ‘морской’ (*иневедь* ‘море, океан’), *нупонь+чеень* ‘болотный’ (*нупонь* ‘мох’ + *чеень* ‘–’ ← *чей* ‘осока’).

Д. В. Цыганкин на материале современных мордовских языков сделал более категоричный вывод, что «...сложные прилагательные образуются только по типу сочинения компонентов» [17, 243].

В венгерском языке ситуация иная. Доля сложных прилагательных подчинительного типа здесь существенна – 87,5 % от числа всех слов, выбранных из Венгерско-русского словаря. Среди них отмечаются слова с первой частью – именем прилагательным: *alacsony+rendű* ‘низкий, простейший; низкопробный’ (*alacsony* ‘низкий, невысокий’ + *rendű* ‘с порядком’ < *rend* ‘порядок’), *édes+szájú* ‘1) *нпул.* любящий сладкое; 2) *суц.* сластена, лакомка; сладкоежка’ (*édes* ‘сладкий; свежий; родной’ + *szájú*



‘обладающий (каким-л.) ртом, с (каким-л.) ртом’ < *száj* ‘рот; пасть; губы’), *kékes+zöld* ‘синева-зеленый, иссиня-зеленый’ (*kékes* ‘синева-зеленый; голубой’ < *kék* ‘синий; голубой’ + *zöld* ‘зеленый’), *nemzeti+színű* ‘с национальными цветами’ (*nemzeti* ‘национальный; всенародный, общенародный’ + *színű* ‘имеющий (какой-л.) цвет, (какого-л.) цвета’ < *szín* ‘цвет, краска; окраска’).

Первой частью может служить имя существительное: *acél+kék* ‘стальной, стального цвета, голубой со стальным отливом’ (*acél* ‘1) *сущ.* сталь; 2) *прил.* стальной’ + *kék* ‘синий; голубой’), *alma+zöld* ‘цвета зеленого яблока’ (*alma* ‘яблоко; яблоки’ + *zöld* ‘зеленый’), *cékla+vörös* ‘свекольно-красный, свекольно-красного цвета’ (*cékla* ‘(красная) свекла’ + *vörös* ‘красный, алый; багровый’), *csont+száraz* ‘сухой как кость’ (*csont* ‘кость’ + *száraz* ‘сухой; высохший, засохший’), *farkas+éhes* ‘очень голодный, голодный как волк’ (*farkas* ‘волк; волчица; волчиха’ + *éhes* ‘голодный; стосковавшийся (по чему), жаждущий (чего); жадный (до чего); падкий (на что, до чего)’).

В качестве первой части может выступать имя числительное: *egy+beépített* ‘построенный вплотную друг к другу, состроенный’ (*egy* ‘один (одна, одно; раз)’ + *beépített* ‘встроенный; застроенный’), *egy+idős* ‘одного/одинакового возраста; ровесник/сверстник, ровесница/сверстница’ (*egy* ‘один (одна, одно; раз)’ + *idős* ‘пожилой, старый; в годах, в годах’), *két+féle* ‘1) *прил.* двойкий, двойного рода; двух видов; 2) *сущ.* двух видов’ (*két* ‘два, две’ + *féle* ‘напоминающий (кого/что); вроде (кого/чего-л.)’), *másod+osztályú* ‘*прил.* второго класса; второго сорта’ (*másod-* ‘второй, второ-’ + *osztályú* ‘(какого-л.) класса’ < *osztály* ‘класс’).

Сложные имена прилагательные сочинительного типа эрзянского языка (82,7 % от общего количества выделенных сложных имен прилагательных) были систематизированы по двум группам с несколькими подгруппами [3].

1. Сложные прилагательные, образованные путем слияния двух собственно прилагательных (44,2 % от количества сложных прилагательных сочинительного типа).

1. Сложные слова, образованные в результате слияния двух качественных при-

лагательных: *ёжов-важов* ‘ласковый, приветливый, угодливый’ (*ёжов* ‘хитрый’ + *важов* ‘1) вежливый, 2) льстивый’), *кепе-штанпо* ‘голый, раздетый; бедный, нищий’ (*кепе* ‘босой’ + *штанпо* ‘голый, раздетый, нагой’), *ламбамо-ризаня* ‘кисло-сладкий’ (*ламбамо* ‘1) сладкий, 2) пресный’ + *ризаня* ‘кислый’), *паро-сире* ‘добро, что-то приятное’ (*паро* ‘хороший’ + *сире* ~ *сире пуло* ‘немного’).

2. Сложные слова, составленные из качественных прилагательных, обозначающих цвет: *ашиназа-розовой* ‘бело-розовый’ (*ашиназа* ‘беловатый; бледный’ < *ашио* ‘белый; чистый’ + *розовой* ‘розовый’), *ожоза-якстере* ‘оранжевый’ (*ожо* ‘желтый’ + *якстере* ‘красный’), *пижесе-ожо* ‘зеленовато-желтый’ (*пижесе* ‘зеленый’ + *ожо* ‘желтый’), *сэняжа-раужо* ‘иссиня-черный’ (*сэнь* ‘синий’ + *раужо* ‘1) черный, 2) синий’), *чопода-сэнь* ‘темно-синий’ (*чопода* ‘темный’ + *сэнь* ‘синий; голубой’), *чопода-чиняз* ‘темно-рыжий’ (*чопода* ‘темный’ + *чиняз* ‘-’).

3. Сложные слова, образованные путем повтора одного и того же качественного прилагательного. В указанном словаре подобных слов не обнаружено.

II. Сложные прилагательные, образованные путем слияния двух производных прилагательных (55,8 % от количества сложных прилагательных сочинительного типа).

1. Сложные слова, составленные из двух близких или тождественных по значению прилагательных: *виздиця-пелиця* ‘застенчивый, стеснительный’ (*виздиця* ‘прич. застенчивый, стеснительный’ + *пелиця* ‘1) прич. боязливый; 2) *сущ.* трус’), *кудонь-кардазонь* ‘домашний’ (*кудо* ‘дом’ + *кардаз* ‘двор’), *модань-ведень* ‘земноводные’ (*модань* ‘земляной’ + *ведень* ‘водный’), *седеень-максонь* ‘ливерный’ (*седей* ‘сердце’ + *максо* ‘печень’), *сельгев-нолгов* ‘никудашный’ (*сельге* ‘слюна’ + *нолго* ‘сопля’), *эрикс-ашитикс* ‘зажиточный, богатый’ (*эрикс* ‘зажиточный’ + *ашитикс* ‘лишний’).

2. Сложные слова, образованные в результате повтора производных прилагательных: *сёрмат-сёрмат* ‘пестрый’ (*сёрмав* ‘1) пестрый, 2) пятнистый’).

В венгерском языке доля сложных прилагательных сочинительного типа соста-

вила 11,31 %. Парные представлены такими примерами: *afro-ázsiai* ‘афро-азиатский’ (*afrikai* ‘африканский’ + *ázsiai* ‘азиатский’), *előítélet-mentes* ‘свободный от предрассудков; непредвзятый’ (*előítélet* ‘предрассудок, предубеждение’ + *mentes* ‘свободный (от чего), лишенный (чего)’), *javító-nevelő* ‘исправительно-трудовой’ (*javító* ‘ремонтный’ < *javítani* ‘чинить/по-; ремонтировать/от-; исправлять/исправить; править/вы-’ + *nevelő* ‘1) прил. воспитательный; 2) суц. воспитатель, педагог, ментор, наставник’ < *nevelni* ‘растить; воспитывать/воспитать’). Прилагательные, образованные по типу слов-близнецов, проиллюстрируем следующим образом: *boldog-boldogtalan* ‘(каждый) встречный и поперечный, кто попало’ (*boldog* ‘счастливый; блаженный’ + *boldogtalan* ‘несчастный, несчастливый’), *gidres-gödrös* ‘ухабистый’ (*gidres* ‘-’ + *gödrös* ‘ухабистый, в ямах/рытвинах; с ямочками’).

Сложные прилагательные могут содержать словообразовательные суффиксы. В эрзянском языке выделяются такие:

а) **-нь**: *виде-паронь* ‘настоящий’ (*виде* ‘1) суц. правда; 2) прил. прямой; правильный; верный, точный; правдивый; настоящий; 3) нареч. правильно’ + *паронь* ← *паро* ‘хороший; богатый (напр. об урожае); добротный, доброкачественный, прочный’), *видечинь* ‘правдивый, честный; справедливый’ (*виде* ‘1) суц. правда; 2) прил. прямой; правильный; верный, точный; правдивый; настоящий; 3) нареч. правильно’ + *чинь* ‘солнечный; дневной’), *инязоронь* ‘царский’ (*ине* ‘великий’ + *азоронь* ‘хозяйский’);

б) **-в**: *келев-валов* ‘разговорчивый, словоохотливый’ (*келев* ‘острый на язык’ + *валов* ‘-’), *сельгев-нолгов* ‘никудашный’ (*сельге* ‘слюна’ + *нолго* ‘сопля’), *сюнав-канав* ‘богатый’ (*сюнав* ‘1) прил. богатый; 2) суц. богач’ + *канав* ‘-’);

в) **-томо**: *ёнтомо-ёжовтомо* ‘бесчувственный’ (*ён* ‘хороший, добротный; красивый; лучший’ + *ёжов* ‘хитрый’);

г) **-сть**: *икельсть-удалсть* ‘пятистенный’ (*икеле* ‘предыдущий; предшествующий; вчерашний’ + *удало* ‘позади, сзади’).

В венгерских сложных прилагательных отмечены следующие словообразовательные суффиксы:

а) **-i**: *állam+közi* ‘межгосударственный’ (*állam* ‘государство, держава’ + *közi* ‘-’ < *köz* ‘промежуток, расстояние; пробел’), *az + napi* ‘происшедший в тот день, связанный с тем днем’ (*az* ‘тот (та, то)’ + *napi* ‘дневной, за день; суточный’ < *nap* ‘солнце; день’), *ember+feletti* ‘сверхчеловеческий’ (*ember* ‘человек’ + *feletti* ‘(находящийся) над’ < *felett* ‘над (кем/чем)’), *görög+országi* ‘греческий’ (*görög* ‘1) прил. греческий; 2) суц. грек’ + *ország* ‘страна’), *közép-európai* ‘среднеевропейский’ (*közép* ‘середина’ + *európai* ‘европейский’);

б) **-ű**: *viola+színű* ‘фиолетовый, сиреневый, лиловый’ (*viola* ‘виола’ + *színű* ‘имеющий (какой-л.) цвет, (какого-л.) цвета’ < *szín* ‘цвет, краска; окраска’), *vastag+bőrű* ‘толстокожий’ (*vastag* ‘толстый’ + *bőrű* ‘обладающий (какой-л.) кожей, с (какой-л.) кожей’), *kő+szívű* ‘бездушный, бессердечный, жестокосердный’ (*kő* ‘камень’ + *szívű* ‘обладающий (каким-л.) сердцем, с (каким-л.) сердцем’ < *szív* ‘сердце; душа’), *lőcs+lábú* ‘кривоногий’ (*lőcs* ‘-’ + *lábú* ‘обладающий (какими-л.) ногами, с (какими-л.) ногами’), *jó+szívű* ‘добросердечный, сердечный, добрый’ (*jó* ‘хороший; приятный; удобный, подходящий; благоприятный’ + *szívű* ‘обладающий (каким-л.) сердцем, с (каким-л.) сердцем’ < *szív* ‘сердце; душа’);

в) **-es**: *akció+képes* ‘дееспособный’ (*akció* ‘действие, акция’ + *képes* ‘способный’ < *kép* ‘портрет; изображение; иллюстрация; облик, вид; образ’), *cselekvő+képes* ‘способный действовать; дееспособный’ (*cselekvő* ‘действительный; активный, деятельный’ + *képes* ‘способный (на что)’ < *kép* ‘портрет; изображение; иллюстрация; облик, вид; образ’);

г) **-ő**: *arató-cséplő* ‘зерновой/хлебоуборочный’ (*arató* ‘жнец’ < *aratni* ‘жать/с-’ + *cséplő* ‘молотящий’ < *csépelni* ‘молотить и обмолачивать/обмолотить’), *egy+becsengő* ‘созвучный, гармонирующий, консонантный, звучащий в унисон’ (*egy* ‘один (одна, одно; раз)’ + *becsengő* ‘-’ < *becsengetni* ‘звонить/по-; звать/по-, вызывать/вызвать звонком’), *fej+törő* ‘головоломный’ (*fej* ‘голова’ + *törő* ‘ломающий’ < *törni* ‘разбивать/разбить; ломать; колоть; толочь’);

д) **-tlan/-tlen**: *akció+képtelen* ‘недееспособный’ (*akció* ‘действие, акция’ + *képtelen*



‘неспособный’), *boldog-boldogtalan* ‘(каждый) встречный и поперечный, кто попало’ (*boldog* ‘счастливый; блаженный’ + *boldogtalan* ‘несчастный, несчастливый’), *élet+képtelen* ‘нежизнеспособный’ (*élet* ‘жизнь’ + *képtelen* ‘неспособный (к чему, на что)’ < *kép* ‘портрет; изображение; иллюстрация; облик, вид; образ’);

е) **-ett**: *egy+beépített* ‘построенный вплотную друг к другу, состроенный’ (*egy* ‘один (одна, одно; раз)’ + *beépített* ‘встроенный; застроенный’), *elől+képzett* ‘переднеязычный’ (*elől* ‘вперед’ + *képzett* ‘образованный; подготовленный, квалифицированный; производный’), *szedett-vedett* ‘разношерстный, разнокалиберный’ (*szedett-vedett* ← *szedni* ‘собирать; набирать/набрать; брать; принимать’ + *vedni* ‘защищать, отстаивать, охранять; оборонять’).

Как видно из примеров, и в эрзянском, и в венгерском языке суффиксы активно участвуют в образовании сложных имен прилагательных. Подобный способ образования новых слов – путем деривации и сложения – отмечен и в других финно-угорских языках. Например, в удмуртском в этом процессе участвуют суффиксы **-о**, **-ё** и **-ем** (*шудо* ‘счастливый’, *эрико* ‘свободный’, *пудьем* ‘пудовый’, *даурьем* ‘вековой’) [6]. В финском языке имеется большое количество сложных прилагательных на **-inen** (*kirkassilmäinen* ‘ясноокий’, *pitkäaikainen* ‘долгосрочный’) [19]. В сложных прилагательных селькупского языка отмечены суффиксы **-l** (**-l’**), **-л-ј** (**-i**) (*pagur oлол* ‘трехглавый’, *panna saijii* ‘косоглазый’) [7]. В тихвинском говоре карельского языка суффикс **-n’e** – обязательный компонент при словосложении имен прилагательных (*kūživuodin’e* ‘шестилетний’) [13].

### Заключение

Настоящее исследование было направлено на выявление сходств и различий в образовании сложных имен прилагательных в эрзянском и венгерском языках. В первую очередь установлено, что композиты в рассматриваемых выборках делятся на две большие группы: образованные по типу сочинения компонентов (*эрикс-аштикс* ‘зажиточный, богатый’ (*эрикс* ‘зажиточный;

живущий; жизнеспособный’ + *аштикс* ‘лишний’), *ugri+bugri* ‘попрыгунчик, непоседа’ (*ugri* ‘–’ + *bugri* ‘–’)) и по типу подчинения одного компонента другому (*чопода-ожо* ‘темно-желтый’ (*чопода* ‘темный’ + *ожо* ‘желтый’), *viola+színű* ‘фиолетовый, сиреневый, лиловый’ (*viola* ‘виола’ + *színű* ‘имеющий (какой-л.) цвет, (какого-л.) цвета’ < *szín* ‘цвет, краска; окраска’)). При этом их доля в рассматриваемых языках различна. Если для эрзянского языка более характерны образование и использование сложных прилагательных сочинительного типа, то для венгерского, напротив, подчинительного. И в эрзянском, и в венгерском языках первой частью сложного прилагательного могут выступать имя существительное (*виде-паронь* ‘настоящий’ (*виде* ‘правда’ + *паронь* ← *паро* ‘хороший; богатый (напр. об урожае); добротный, доброкачественный, прочный’), *tűz+piros* ‘алый’ (*tűz* ‘огонь; пламя; огонек’ + *piros* ‘красный; румяный’), имя прилагательное (*местэнь-мостонь* ‘из разных мест’ (*местэнь* ‘здешний’ + *мостонь* ‘тамошний’), *vörös+barna* ‘красно-бурый’ (*vörös* ‘красный, алый; багровый’ + *barna* ‘коричневый; бурый; карий’), в венгерском также имя числительное (*sok+színű* ‘многоцветный, красочный’ (*sok* ‘много, немало’ + *színű* ‘имеющий (какой-л.) цвет, (какого-л.) цвета’ < *szín* ‘цвет, краска; окраска’)). Подобные тенденции наблюдаются и в других финно-угорских языках, например в удмуртском.

В рассматриваемых языках при образовании сложных прилагательных активную роль играют словообразовательные суффиксы. В эрзянском языке речь идет прежде всего о формантах **-нь**, **-в**, **-момо**, в венгерском – **-i**, **-ű**, **-es**, **-ő**, **-tlan/-tlen**, **-ett**. В других языках финно-угорской семьи и их говорах также отмечено образование сложных прилагательных путем сложения основ с одновременной суффиксацией.

Таким образом, можно говорить о том, что словообразование сложных прилагательных в венгерском и эрзянском языках – активный процесс. Здесь отмечаются как общие, так и различные черты, а также особенности, характерные для большинства языков уральской семьи.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арискина Т. П. Сложные прилагательные в эрзянском языке // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 2. С. 126–135. DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.02.126-135.
2. Бирюкова Е. В., Попова Л. Г. О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11, ч. 3. С. 40–43.
3. Вопросы мордовского языкознания. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. 205 с.
4. Гуськова А. П. К вопросу о сопоставительном изучении частей речи в венгерском и русском языках // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14, № 3. С. 395–404.
5. Емец Т. В., Дроздова Т. В., Емец А. В. Переводческий аспект немецких сложных прилагательных (на материале художественного текста) // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13, № 2–3. С. 80–94.
6. Ефремов Д. А. Сложные прилагательные подчинительного типа в удмуртском и венгерском языках. URL: <http://finnugor.elte.hu/UT/19/28Jefremov.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).
7. Комарова Л. Н. Сложные прилагательные с дефисным написанием в ветеринарной лексике на английском языке // Воспитание и обучение: теория, методика и практика: материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2019. С. 209–211.
8. Кравченко О. М., Багана Ж. Сложные и сложнопроизводные прилагательные: способы и модели словообразования в антропологических характеристиках (на материале английского, немецкого и русского языков) // Научная мысль Кавказа. 2013. № 2. С. 146–150.
9. Ларионова Л. Г. Слитно-дефисно-раздельные написания. Правписание сложных имен прилагательных // Русский язык в школе и дома. 2021. Т. 21, № 3. С. 19–21.
10. Майтинская К. Е. Венгерский язык. В 3 ч. Ч. 2. Грамматическое словообразование. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 226 с.
11. Парфенова А. А. Фитонимы с мотивирующим признаком «синяя окраска цветов» в славянских, финно-угорских и тюркских языках: сравнительный анализ // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12, № 1. С. 23–37.
12. Рейнова А. В. Семантические преобразования при переводе сложных прилагательных // Молодая наука: сб. тез. участников III науч.-практ. студен. конф. Симферополь, 2021. С. 87–89.
13. Рягоев В. Д. Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 287 с.
14. Столбовская М. А. Сложные прилагательные в компьютерной лексике (на примере английского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 6. С. 234–238.
15. Суслова Л. В. Особенности функционирования сложных прилагательных в немецком языке и их влияние на выбор способов перевода // Modern Humanities Success. 2020. № 8. С. 225–230.
16. Туткушева Э. С., Майзина А. Н. Правописание сложных имен прилагательных // Правила орфографии современного алтайского языка. Горно-Алтайск, 2019. С. 118–125.
17. Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами лингвиста-финно-угроведа: сб. избр. ст. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. Ч. 5. 284 с.
18. Шандыба Е. В., Авдеев Ю. И. Словообразовательные варианты сложных прилагательных с двумя равноправными основами // Мова. 2019. № 31. С. 61–64.
19. Hakanen A. Adjektiivien vastakohtasuhteet suomen kielella. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1973. 279 p.
20. Hegedűs R. Magyar nyelvtan: formák, funkciók, összefüggések. Budapest: Tinta könyvkiadó, 2004. 335 old.
21. Korchmáros V. M. Lépesenként magyarul. Magyar nyelvtani kézikönyv. Szeged: Jatepess, 2006. 358 old.
22. Magyar grammatika / szerk. B. Keszler. Budapest: Műszaki Könyvkiadó, 2017. 573 old.
23. Polenz P. Synpleremik I: Wortbildung. Lexikon der germanischen Linguistik. Tübingen: Max Niemeyer, 1973. 372 S.

Поступила 25.08.2021; одобрена 02.09.2021; принята 06.09.2021.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Т. П. Арискина** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Финно-угристика» Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, [ariskina82@mail.ru](mailto:ariskina82@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-0927-2283>



## Compound adjectives in the Erzya and Hungarian languages

**Tatiana P. Ariskina**

*National Research Mordovia State University,  
Saransk, Russia*

**Introduction.** Compounding is one of the leading ways to update vocabulary. A compound word is the result of combining two or more meanings at the lexical-semantic, word-formation, syntactic levels, which determines versatile approaches to its study, including comparative-historical. The purpose of the research is a comparative historical study of compound adjectives of the Erzya and Hungarian languages. It can be achieved by considering the formation patterns of compound adjectives; analysis of compound adjectives in Erzya and Hungarian; identifying the types of relationships between the components of a compound word; statistical calculations.

**Materials and Methods.** The material for analysis was formed by the method of continuous sampling from bilingual dictionaries: Erzya-Russian and Hungarian-Russian. It used the methods for determining the genetic affiliation of language data, establishing a system of correspondences and anomalies in the compared languages; spatial localization of linguistic phenomena.

**Research and Discussion.** Compounding in the Erzya and Hungarian languages are divided into two large groups: 1) formed on the basis of a compositional connection and 2) created on the basis of a subordinate connection between components. As the study showed, complex adjectives of the subordinate type in the Erzya language are few in number, while in the Hungarian language they constitute the majority. This group includes words with the first part - an adjective, a noun, a numeral. Compound adjectives of a compositional type, prevailing in the Erzya language, can be formed as a result of the merger of two proper adjectives, two derived adjectives, repetition of derived adjectives. In the Hungarian language, the share of complex adjectives of the compositional type is small. Among them there are the ones paired and formed by the type of twin words.

**Conclusion.** The results of the study indicate that the formation of complex adjectives in the Hungarian and Erzya languages is an active process.

**Keywords:** compound words, compound adjectives, compositional relationship, subordinate relationship, word-formation model, Erzya language, Hungarian language

**For citation:** Ariskina TP. Compound adjectives in the Erzya and Hungarian languages. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;4:348–357. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.348-357.

## REFERENCES

1. Ariskina TP. Compound adjectives in the Erzya language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2019;11;2:126–135. DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.02.126-135. (In Russ.)
2. Biriukova EV, Popova LG. On trends in the development of modern comparative-historical, typological, comparative linguistics. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences. Questions of theory and practice. 2015;11:40–43. (In Russ.)
3. Questions of Mordovian linguistics. Saransk; 1969. (In Russ.)
4. Gus'kova AP. On the question of comparative study of parts of speech in Hungarian and Russian languages. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric studies. 2020;14;3:395–404. (In Russ.)
5. Emets TV, Drozdova TV, Emets AV. The translation aspect of German compound adjectives (based on the material of a literary text). *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem* = Modern studies of social problems. 2021;13;2–3:80–94. (In Russ.)
6. Efremov DA. Complex adjectives of subordinate type in the Udmurt and Hungarian languages. URL: <http://finnugor.elte.hu/UT/19/28Jefremov.pdf> (accessed 10.08.2021). (In Russ.)
7. Komarova LN. Complex adjectives of subordinate type in the Udmurt and Hungarian languages. *Vospitanie i obuchenie: teoriia, metodika i praktika: sb. materialov XIX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Education and training: theory, methodology and practice. Collection of materials of the XIX Interna-

- tional scientific and practical conference. Cheboksary; 2019:209–211. (In Russ.)
8. Kravchenko OM, Bagana Zh. Complex and compound-derived adjectives: methods and models of word formation in anthropological characteristics (based on the material of English, German and Russian languages). *Nauchnaia mysl' Kavkaza* = Scientific Thought of the Caucasus. 2013;2:146–150. (In Russ.)
  9. Larionova LG. Merged-hyphenated-separate spellings. Spelling of complex adjectives. *Russkii iazyk v shkole i doma* = Russian at school and at home. 2021;21;3:19–21. (In Russ.)
  10. Maitinskaia KE. Hungarian language. Grammatical word formation. Moscow; 1959;2. (In Russ.)
  11. Parfenova AA. Phytonyms with the motivating sign “blue color of flowers” in Slavic, Finno-Ugric and Turkic languages: a comparative analysis. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* = Yearbook of Finno-Ugric studies. 2018;12;1:23–37. (In Russ.)
  12. Reinova AV. Semantic transformations in the translation of complex adjectives. *Molodaia nauka: sb. tez. uchastnikov III nauch.-prakt. student. konf.* = Young science. Collection of abstracts of the participants of the III scientific and practical student conference. Simferopol, 2021:87–89. (In Russ.)
  13. Riagoev VD. Tikhvin dialect of the Karelian language. Leningrad; 1977. (In Russ.)
  14. Stolbovskaia MA. Compound adjectives in computer vocabulary (on the example of English and Russian languages). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences. Questions of theory and practice. 2019;12;6:234–238. (In Russ.)
  15. Suslova LV. Features of the functioning of complex adjectives in the German language and their influence on the choice of translation methods. *Modern Humanities Success*. 2020;8:225–230. (In Russ.)
  16. Tutkusheva ES, Maizina AN. Spelling of compound adjectives. *Pravila orfografii sovremennogo altaiskogo iazyka* = Spelling rules of the modern Altai language. Gorno-Altai; 2019:118–125. (In Russ.)
  17. Tsygankin DV. Mordovian languages through the eyes of a linguist-Finno-Ugric scholar. Collection of selected articles. Saransk; 2015;5. (In Russ.)
  18. Shandyba EV, Avdeenko IuI. Word-forming variants of complex adjectives with two equal bases. *Mova* = Language. 2019;31:61–64. (In Russ.)
  19. Hakanen A. Adjektiivien vastakohtasuhteet suomen kielessä. Helsinki; 1973.
  20. Hegedűs R. Magyar nyelvtan: formák, funkciók, összefüggések. Budapest; 2004.
  21. Korchmáros MV. Lépésenként magyarul. Magyar nyelvtani kézikönyv. Szeged; 2006.
  22. Keszler B, ed. Magyar grammatika. Budapest; 2017.
  23. Polenz P. Synpleremik I: Wortbildung. Lexikon der germanischen Linguistik. Tübingen; 1973.

Submitted 25.08.2021; reviewing 02.09.2021; accepted 06.09.2021.

---

## INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

---

**T. P. Ariskina** – Candidate Sc. {Philology}, Senior Research Fellow of “Finno-Ugric” Laboratory, National Research Mordovia State University, ariskina82@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0927-2283>



## Функционирование возвратного залога глагола в современном удмуртском языке

**Ксения Георгиевна Костина**

*Научно-исследовательский институт национального образования,  
Ижевск, Россия*

**Введение.** Глагольная система любого языка обладает огромным потенциалом для обозначения многочисленных действий, совершаемых человеком в различных аспектах его деятельности. Отношения действия или состояния субъекта к его объекту определяются грамматической категорией залога, представленной в удмуртском языке парами понудительного и непонудительного, возвратного и невозвратного залоговых отношений. В фокусе данной статьи оказываются вопросы функционирования возвратного залога глагола в современном удмуртском языке, включая этимологию маркера залога и грамматические значения возвратных глаголов.

**Материалы и методы.** Основным источником исследования послужили Удмуртско-русский словарь (2008) и тексты художественных произведений удмуртской литературы, включенные в состав Национального корпуса удмуртского языка. В работе использовался набор исследовательских методов: описательный, сплошной выборки, контекстуального анализа, учитывающий ситуативную обусловленность залога глагола. Использование перечисленных методов дает возможность рассмотрения на конкретных примерах структуры, динамики и особенностей функционирования возвратного залога глагола в удмуртском языке.

**Результаты исследования и их обсуждение.** В результате проведенного исследования к группе возвратных залогов удмуртского языка нами впервые отнесены выделяемые ранее в качестве отдельного залога глаголы страдательного значения. Основанием этому послужила низкая вероятность использования страдательных конструкций в разговорной речи. Встречающиеся случаи использования страдательного значения глагола в литературе и периодической печати обусловлены калькированным переводом иноязычных конструкций.

**Заключение.** В грамматическом строе удмуртского языка категория залога глагола представлена двумя бинарными залоговыми формами: возвратный/невозвратный залог и понудительный/непонудительный залог. Специфическими показателями возвратности служат аффиксы *-ськ(ы)/-ск(ы)*, *-иськ(ы)/-йськ(ы)*. С точки зрения семантического наполнения выделяются пять семантических групп возвратных залогов: рефлексивные, медиальные, реципрокные, имперсональные, пассивные. Предложенная классификация определяется спецификой отношений субъекта и объекта действия.

**Ключевые слова:** удмуртский язык, грамматика удмуртского языка, финно-угорские языки, глагол, категория залога, возвратный залог

**Для цитирования:** Костина К. Г. Функционирование возвратного залога глагола в современном удмуртском языке // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 4. С. 358–368. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.358-368.

### Введение

В лингвистической системе любого языка важную роль играет глагол, поскольку глагольные формы формируют ядро предложения. Грамматические категории глагола, в свою очередь, позволяют обнаружить отношение действия к внутреннему пределу (категория вида), актуализируют переход на объект (категория переходности-непереходности), отношение действия к моменту речи (категория времени), отношение действия к действительности (категория наклонения), отношение действия к субъекту, устанавливаемое говорящим (категория лица), количество субъектов, отнесенных к действию (категория

числа) [5, 2108]. В этом ряду особое место принадлежит глагольной категории залога, большинство теоретических попыток осмысления которой основываются на формулировке А. В. Бондарко: «Залог – это грамматическая категория, выражающая субъектно-объектные отношения (связаны с семантикой), с одной стороны, и отношения между подлежащим и сказуемым (связаны с синтаксисом) – с другой»<sup>1</sup>. Позднее теория языковеда дополняется А. А. Холодовичем понятием

<sup>1</sup> Бондарко А. В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость // Вопросы языкознания. 1976. № 3. С. 47.



«диатеза», определяющим соответствие между ролями глагольной системы (субъектом, объектом и адресатом) и выражающими их членами предложения (подлежащим и дополнением)<sup>2</sup>. Иначе говоря, информация, которая содержится в конструкции глагола, равна информации, закодированной в лексикографическом толковании слова [8, 169]. Отчасти поэтому в последние годы все больше внимания уделяется семантическому аспекту залоговых отношений [13, 74].

Залоговая система глагола удмуртского языка характеризуется следующими группами: непонудительный/понудительный залог, специфическим маркером которого служит аффикс **-т(ы)-**; невозвратный/возвратный залог с морфемами **-ськ-/(-ск-), -иськ-/(-йськ-)**<sup>3</sup>.

Основная цель статьи заключается в изучении функционирования возвратного залога глагола в современном удмуртском языке. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: а) выявить грамматический статус категории залога в удмуртском языке; б) определить маркеры обозначения возвратного залога глагола и их этимологию; в) рассмотреть семантические значения возвратного залога.

С учетом вышесказанного объектом исследования является грамматическая категория залога глагола в удмуртском языке. Предмет исследования – возвратный залог глагола и его категоризация с учетом грамматических значений.

### Обзор литературы

Начало изучения вербальных единиц возвратного залога глагола в удмуртском языке, как и их фиксация, относится ко второй половине XVIII в., когда В. Пуцек-Григоровичем в первой научной грамма-

тике удмуртского языка были описаны действительное и страдательное значения глаголов. Как отмечается автором, при образовании страдательного значения основой служит действительный глагол в сочетании с маркером **кысь** – *вераськысько* ‘разговариваю’ – либо глагол с усилительно-личным местоимением **ачид** ‘сам’ – *тонъ астэ ачидъ вераськодъ* ‘ты сам себя сказываешь’<sup>4</sup>. Идея использования действительного знаменования в качестве основы для создания страдательного развита в «Опыте краткой удмуртской грамматики» М. Могилина<sup>5</sup>.

Детальное изучение возвратного залога было продолжено исследователями XIX в. Так, И. Видеманом в числе грамматических значений медиума с суффиксом **-ськ-** выделяются рефлексивное и пассивное<sup>6</sup>.

В научных трудах в области морфологии удмуртского глагола начала XX в. количественная характеристика грамматических значений современного возвратного залога расширяется до пяти видов. В частности, Г. Е. Верещагиным, П. П. Глезденевым выделяются следующие залоговые формы: действительный (*Учы бине пузкар* ‘Соловей вьет гнездо’), страдательный (маркер **-ське-**: *лэсьты* ‘делаю’ – *лэсьтыське* ‘делается’), возвратный (маркер **-ськы-**: *мисьта* ‘мой’ – *мисьтаськы* ‘мойся’), взаимный (маркер **-ськы-**: *жугы* ‘дерись’ – *жугыськы* ‘дерется’)<sup>7</sup>, средний (*пурт ныжсое* ‘нож тупится’ (*пурт ныж луэ* ‘нож становится тупым’), *пу квасме* ‘дерево сохнет’ (*пу көс луэ* ‘дерево становится сухим’)) залог<sup>8</sup>. Как замечает Г. Е. Верещагин, глаголы среднего залога не имеют внешних различительных признаков. Для обозначения залоговой принадлежности следует ориентироваться

<sup>2</sup> См.: Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979. С. 117.

<sup>3</sup> См.: Морфология удмуртского языка: науч.-учеб. изд. / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина и др. Ижевск, 2011.

<sup>4</sup> См.: Сочинения, принадлежащие к вотской грамматике. СПб., 1775. С. 53. URL: <https://elibrary.unatlib.ru/handle/123456789/25424> (дата обращения: 13.07.2021).

<sup>5</sup> См.: Могилин М. Краткой отяцкия Грамматики опыт = Опыт краткой удмуртской грамматики. Ижевск, 1998. С. 164–165.

<sup>6</sup> См.: Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. S. 115–118.

<sup>7</sup> См.: Глезденев П. П. Краткая грамматика языка народа удмурт. Вятка, 1921. С. 34–35.

<sup>8</sup> См.: Верещагин Г. Е. Руководство к изучению вотского языка // Собрание сочинений. В 6 т. Т. 6, кн. 1. Труды по языкознанию. Ижевск, 2002. С. 114.



на семантику глагола и рассматриваемый контекст<sup>9</sup>.

Г. Е. Верещагиным предлагается использовать следующие термины для обозначения глаголов возвратного залога: *лэсьтон сярысь веран* 'действительный', *аслыз берытскысь* 'возвратный', *чочен лэсьтон* 'взаимный', *лэчкысь ужкыл* 'средний', *асбордаз кылжысь* 'страдательный'<sup>10</sup>. Современными исследователями отмечается, что данные дефиниции внесли существенный вклад в разработку залоговой терминологии глагола на удмуртском языке [2, 447].

Грамматические категории глагола позволяют обнаружить отношение действия к внутреннему пределу (категория вида), актуализируют переход на объект (категория переходности-непереходности), отношение действия к моменту речи (категория времени), отношение действия к действительности (категория наклонения), отношение действия к субъекту, устанавливаемое говорящим (категория лица), количество субъектов, отнесенных к действию (категория числа). В этом ряду особое место принадлежит глагольной категории залога.

Функциональная нагрузка и семантическое наполнение показателя возвратного залога раскрываются в грамматиках удмуртского языка указанного периода. Так, И. В. Яковлевым различаются собственно-возвратное, взаимно-возвратное и дуративное значения суффикса *-ськ(ы)*<sup>11</sup>. Значением многократности наделяется

аффикс *-іськ-* в грамматиках А. И. Главатских, А. И. Емельянова<sup>12</sup>.

Семантику возвратного, страдательного и взаимного залога глагольных форм суффикса с залоговым значением *-ськ* и его фонетического позиционного варианта *-ск* рассматривает Б. А. Серебренников<sup>13</sup>. А. А. Поздеева дополняет спектр значений семантикой безличности и непрерывности действия<sup>14</sup>.

Новый взгляд на теоретическое осмысление грамматической категории залога был предложен в различных научных трудах по удмуртскому языку второй половины XX – начала XXI в. [1; 10], а также в грамматиках<sup>15</sup> и учебной литературе<sup>16</sup>. В данных изданиях выделяются залоговые пары понудительности-непонудительности и возвратности-невозвратности. Состав грамматических значений возвратного залога расширяется, при этом глаголы со страдательным значением, представляемые ранее отдельно функционирующим залогом, относятся к одному из значений возвратного залога.

Для исследования возвратного залога удмуртского языка важными являются научные размышления И. А. Котковой, изложенные в статьях «Грамматические значения глаголов возвратного залога в удмуртском языке» [6] и «К вопросу о залогах в удмуртском языке» [7], а также монография коми лингвиста Е. А. Цыпанова «Грамматические категории глагола в коми языке» [12]. Именно в этих работах представлены наиболее содержательные сведения о функционировании залога и семантических формах возвратного залога.

Как можно заметить, в вышеперечисленных исследованиях зафиксированы отдель-

<sup>9</sup> См.: Верещагин Г. Е. Указ. соч. С. 114.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> См.: Яковлев И. В. Удмурт кылрадъян: (Элементарная грамматика удмуртского языка). Ижевск, 1931. С. 44. URL: <https://elibrary.unatlib.ru/handle/123456789/18673> (дата обращения: 13.07.2021).

<sup>12</sup> См.: Главатских А. И. Удмурт грамматика: шор ёзо школаын 5 араз дышетскон книга. 1-тй локет: Морфология. Ижкар, 1933. С. 79–84. URL: <https://elibrary.unatlib.ru/handle/123456789/19003> (дата обращения: 12.07.2021); Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка. Л., 1927. С. 70.

<sup>13</sup> См.: Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М, 1963. С. 333–334.

<sup>14</sup> См.: Поздеева А. А. Удмурт кыл грамматика. 1-тй локетэз: Фонетика но морфология: неполной средней но средней школы учебник. Ижевск, 1949. С. 139. URL: <https://elibrary.unatlib.ru/handle/123456789/19148> (дата обращения: 13.07.2021).

<sup>15</sup> См., например: Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962; Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск, 2001.

<sup>16</sup> См., например: Морфология удмуртского языка. С. 211–220.

ные аспекты функционирования категории возвратного залога в системе удмуртского и родственных пермских языков: разработана терминология для обозначения залоговых форм, частично определено их грамматическое содержание, выделены семантические значения категории. Очевидной становится необходимость комплексного представления возвратного залога глагола в удмуртском языке, его маркеров, грамматических значений.

### Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили научные тексты ведущих отечественных и зарубежных лингвистов в области морфологии глагола удмуртского и коми языков, таких как Ф. И. Видеман, Н. В. Кондратьева, И. А. Коткова, Г. А. Ушаков, Е. А. Цыпанов. Основным источником корпуса возвратных глаголов послужили данные Удмуртско-русского словаря под редакцией Л. Е. Кирилловой<sup>17</sup>. Тексты художественных произведений прозаиков удмуртской литературы в составе Национального корпуса удмуртского языка<sup>18</sup> стали источниковой базой исследования.

Для достижения поставленной цели был использован комплекс исследовательских методов: описательный, сплошной выборки, контекстуального анализа. Применение указанных методов позволяет на конкретных примерах рассмотреть структуру, динамику и особенности развития и функционирования возвратного залога удмуртского глагола.

### Результаты исследования и их обсуждение

При определении понятия «глагольный залог» исследователями вкладывается в него разнообразное содержание, вследствие чего в языкознании функционирует несколько подходов к рассмотрению данной категории. В саамском, финском, венгерском, хантыйском, мансийском языках выделяются активная и пассивная залого-

вые формы глагола. В языках агглютинативного типа речь идет о каузативных и рефлексивных (возвратных) формах, каждая из которых имеет отличительные грамматические маркеры. Так, отечественными лингвистами в финно-угорских языках выделяются каузативные (или понудительные) и рефлексивные (или возвратные) формы залога [3, 73].

В удмуртском языке выделяются пять семантических групп возвратных залогов: рефлексивные, медиальные, реципрокные, имперсональные, пассивные. К ним отнесены и выделяемые ранее в качестве самостоятельной категории глаголы страдательно-возвратного залога. Основанием для этого является то, что границы между возвратными и страдательными глаголами оказываются размытыми из-за наличия общего формального признака – суффиксов **-ськ/-ск-**, **-иськ/-йськ-**.

Формальным признаком возвратного (рефлексивного) залога глагола в удмуртском языке, функционирующего в бинарной оппозиции с невозвратным, является наличие аффиксов **-ск(ы)/-ськ(ы)-**, **-иськ(ы)/-йськ(ы)-**. Данные показатели формируют возвратность на основе глаголов действительного залога. Диалектными вариантами маркера выступают суффиксы **-чк(ы)-**, **-цк(ы)-**, **-к(ы)-**: *грах.*, *кыр. кучкыны* ‘начаться’ (*лит. кутскыны*), *сч. дышецкыны* или *сред. дышеткыны* ‘учиться’ (*лит. дышетскыны*) [6, 25]. Как отмечает Б. А. Себребренников, этимология показателей возвратности глагола восходит к аффиксу **-sk** и его фонетическому позиционному варианту **-sk**, что наделяет действительные глаголы семантикой возвратности, страдательности и взаимности. Лингвистом дополнительно выделяется суффикс **-ask** – в качестве вариативного аффикса глаголов второго спряжения с основой на **a-** (*vižmanu* ‘образумить’ – *vižmaskyny* ‘образумиться’),

<sup>17</sup> См.: Удмуртско-русский словарь: ок. 50 000 слов / сост.: Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008.

<sup>18</sup> См.: Национальный корпус удмуртского языка. URL: <http://udmcorpus.udman.ru/home> (дата обращения: 13.07.2021).

**-jask** – для глаголов в инфинитиве на **-jany** (*pogjany* ‘комкать’ – *pogjaskyny* ‘измяться’), **-mjask** – для выражения притворности действия<sup>19</sup>.

В саамском, финском, венгерском, хантыйском, мансийском языках выделяются активная и пассивная залоговые формы глагола. В языках агглютинативного типа речь идет о каузативных и рефлексивных (возвратных) формах, каждая из которых имеет отличительные грамматические маркеры. Так, отечественными лингвистами в финно-угорских языках выделяются каузативные (или понудительные) и рефлексивные (или возвратные) формы залога.

По мнению А. И. Емельянова, **-šk** образуется из сочетания **-yšk, -isk** в результате: а) палатализации согласной **t** перед суффиксом под влиянием соседнего **s** и образования с последним глухой аффрикаты **ts**: *berytyske* > *berytiske*; б) потери палатализации и отвердения согласного **t** под влиянием **s**: *uatyskem* > *uatskem*<sup>20</sup>. Обстоятельный взгляд на этот вопрос изложен Ф. И. Видеманом и Д. Фокош-Фуксом, которые на основе сопоставления суффикса **-šk** в пермских языках отмечают их общий праисточник с первоначальным смыслом длительного, континуативного, значения и относят его к финно-угорскому возвратному суффиксу<sup>21</sup>. Значение многократности ими отвергается, хотя Б. А. Серебренников считает эту семантику наиболее древней<sup>22</sup>.

Зарубежными лингвистами показатели возвратности глаголов включаются в число словообразовательных<sup>23</sup>. Данная тенденция оправдана, поскольку маркер **-ск- (-ськ-)** в

удмуртском языке помимо наделения глагола действительного залога значением возвратности служит словообразовательным средством при вербализации других частей речи, например существительного: *шер* ‘брусок, точило’ (сущ.) – *шерыны* ‘точить’ (инф.) – *шериськыны* ‘точить на точиле, заниматься точкой’ (гл. возвр. з.), наречия: *сьорлань* ‘назад’ (нар.) – *сьорланьскыны* ‘отодвинуться назад’ (гл. возвр. з.)<sup>24</sup>. Э. Винклер показатели рефлексивности рассматривает в качестве морфем, изменяющих валентность глаголов и наделяющих глагол собственно-возвратными и взаимно-возвратными значениями<sup>25</sup>.

Суффиксы **-ск-/-ськ-, -иськ-/-йськ-** могут занимать в слове различную позицию – как перед показателем многократности глагола, так и после него: *шуккиськылыны* и *шуккылйськыны* ‘ударяться’. Маркер сохраняется и в лексемах других частей речи, образованных от возвратных глаголов, в частности деепричастия: *люкаськыкуз* ‘собираясь’<sup>26</sup>. Кроме того, одна лексема может совмещать одновременно возвратный и понудительный залогов, например: *лыдзиськытыны* ‘понудить заниматься чтением’ или: *басьяськытыны* ‘понудить заниматься покупками’. Такие глаголы являются двухзалоговыми: *Пичиесь адымиос бадзъмёс вёзын сяськаяськытйзы та огшоры буш кыллись вырйылэз* «Маленькие люди рядом со взрослыми заставили расцвести эту свободную землю»<sup>27</sup>.

По принципу дифференциации залоговых значений глаголов с учетом признаков отношения раздельность-нераздельность субъекта и объекта действия и с учетом имеющегося опыта изучения категории залога в пермских языках нами выделены пять семантических категорий глаголов возвратного залога в удмуртском языке.

<sup>19</sup> См.: Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963. С. 334.

<sup>20</sup> См.: Емельянов А. И. Указ. соч. С. 70.

<sup>21</sup> См.: Wiedemann F. J. Op. cit. S. 85–86; Fuchs D. R. Die reflexiven Zeitwörter des Syrjänischen // Keleti Szemle. 1913. XIV. Kötet. Old. 106–129; 282–305.

<sup>22</sup> См.: Серебренников Б. А. Указ. соч. С. 311–320.

<sup>23</sup> См.: Csúcs S. Chrestomathia Votiaca. Budapest, 1990.

<sup>24</sup> См.: Морфология удмуртского языка. С. 211.

<sup>25</sup> См.: Winkler E. Udmurtische Grammatik. Wiesbaden, 2011. S. 122.

<sup>26</sup> Ibid. S. 212.

<sup>27</sup> Здесь и далее использованы примеры из Национального корпуса удмуртского языка, к которым автором статьи приведен подстрочный перевод.

### Глаголы рефлексивного значения

Вербальные единицы обозначают действие, субъект и объект которого заключаются в подлежащем, выраженном одушевленным лицом (чаще человеком) или местоимением [14, 20]. Действие, направленное непосредственно на его инициатора, характеризуется:

а) тотально-рефлексивным значением (оказанием тотального влияния). В подобных конструкциях глаголы возвратного залога можно заменить сочетанием глагола и усилительно-личного местоимения *ассэ ачиз* 'сам себя'<sup>28</sup>: *Кышномуртлэсь куалектэмзэ шöдыса, соку ик со воштйськиз* «Почувствовав испуг женщины, он тут же поменялся»; *Тöл кытчы ке пельтэ, тон но отчы ик куасалскиськод* «Гнешься туда, куда ветер дует»; ср.: *Поручик ассэ ачиз сэзъялтйз но юн-юн кариськиз* «Поручик отряхнулся и стал стойким»;

б) парциально-рефлексивным значением (не полностью переходящим на субъект влиянием). Действие либо производится некоторыми частями тела инициатора, либо переходит на некоторые части тела или его поверхность [4, 217; 9, 227]: *Немец кыллы дышетйсьмы но уроке яркыт буяськыса лыктэ* «И учитель немецкого языка приходит на урок, ярко накрасившись»; *Нош туннэ, синучкон азын мычискыса сылыкуз, азбартй пырись нылэз адзиз* «Сегодня, когда брился, стоя перед зеркалом, увидел входившую во двор девушку».

Разновидностью парциально-рефлексивных глаголов служат единицы, обозначающие действие, вызванное соприкосновением с объектом действия: *Кымысыным шорк! шуккиськи укно пияла борды* «Лбом шарк! ударила об оконное стекло»; *Му-вырьёс борды канжасько, усё* «Спотыкаются о бугорки, падают».

### Глаголы реципрокного (взаимно-возвратного) значения

Глагольные единицы выражают действие двух или нескольких лиц, являющихся друг для друга одновременно субъектами и объектами. Взаимность

действий подчеркивается множественным числом глаголов и субъектов: *Ми чупаськиськом* «Мы целуемся»; *Шудо-а, жугисько-а озьы?* «Играют или дерутся так?».

При использовании глагола в единственном числе объект действия выражается существительным в творительном падеже или с послелогом: *Со дырысен мон Мишаен öй пумиськылы на* «С тех пор я с Мишей еще не встречалась»; *Ана-ез борды зыгыртйськиз, ымнырзэ солэн гадяз ватйз* «Обнялась с мамой, лицо спрятала в ее груди». В отдельных случаях маркер взаимно-возвратного значения глагола *-ськ-*, с которым вербализуются именные части речи, передает характер отношений между исполнителями действий: *Кык пиос Лева но Рудик городысь из юртын öдйг подъездын уло но туж эшъясько* «Двое парней, Лева и Рудик, живут в одном подъезде кирпичного дома и дружат».

Интерес представляют примеры типа *Вераське Устинов* «Говорит Устинов» [11], возвратный глагол в которых, на первый взгляд, обозначает взаимно-возвратное действие. Однако таковым оно является в предложении *Ма быдэс гурт вераське ук!* «А ведь вся деревня говорит!», где предполагается коммуникация нескольких людей. В примере про Устинова выражается одностороннее значение глагола, не предполагающее собеседников. Это свойственно монологическим текстам публичного характера.

### Глаголы медиального значения

Данные формы глагольных единиц показывают, что действие совершается собеседником в его интересах. К этой категории относятся глаголы, выражающие характер изменений, протекающих в субъекте под влиянием внешних факторов [12]:

а) глаголы, выражающие изменения в психофизиологическом состоянии субъекта, появление или обретение качества, свойства: *Зэм, нырысь-валысь талэсь возьдаськылй* «И вправду, сначала это-

<sup>28</sup> См.: Морфология удмуртского языка. С. 213.



го стеснялась»; *Малы со сокем лекъяське зоотехниклы?* «Почему он так злится на зоотехника?»;

б) медиальные глаголы со значением изменения пространственного положения, направления движения субъекта: *Нош гуртын соосты нокин но кылзйсь övöl, кышкаса палэнтйське* «В деревне их никто не слушает, от страха отстраняются»; *Васька гурт палаз озёлскиз* «Василий пошел в сторону деревни»;

в) медиально-занятийные глаголы со значением постоянной или длительной продолжительности выполнения действия. В частности, это обозначение профессиональной деятельности людей: *Воргоронъес бергало юртъер котыртйзы, мар ке лусйиське, йыгаське* «Мужчины крутятся вокруг дома, что-то строгоают, стучат»; *Переводчик пыр юалляськызы солэсь* «При помощи переводчика опросили ее»; декоративно-прикладных, бытовых занятий: *Гидкуазысы потыса, Кирила мар но со утялтйськыны кутскиз вал, чапак со куспын капкаетй пырысь луиз* «Выйдя во двор, Кирилл начал убираться, но в это время кто-то вошел в ворота»; ...*анаеныз атаез кужмысь косыса но дораз пукиз – черсйськиз, куиськиз, нужыятйськиз* «...несмотря на настоячивые просьбы родителей, сидела дома – пряла, ткала, вышивала»;

г) глаголы с семантикой начала, намерения, прекращения действия: *Школаын но, Можга педучилищезын дышетскыкум но, мон кылбуръёсгес гожъяллай, нош Литературной институтысен веросьёс борды басътйськи* «Когда училась в школе и в Можгинском педучилище, я больше писала стихотворения, а в Литературном институте взялась за рассказы»; *Ларивон кошкем бере, Васялэн песьятаез но мунчое дасяськыны кутскиз* «После ухода Илариона и дед Васи начал готовиться к бане»;

д) глаголы, подчеркивающие выполнение действия по велению (просьбе, наставлению) второго лица: *Анаэзлэсь кылзйськыса, враче дышетскиз со* «По наставлению матери выучился на

врача»; *Соослэсь кылзйськыса, Ушаков правлений куинь куреглы требовање гожтытйз* «Послушав их, Ушаков в правлении вынудил выписать требование на трех куриц»;

е) глаголы, обозначающие факт лишения или наделения субъекта действия чем-либо: *Кöня ке улыса, Тимофей но кышнояськиз* «Через некоторое время Тимофей женился»; *Автор та учыре но удмурт литератураын азьвыл “дышем сямлэсь” куштйське: со Митрошин кадьёсты но валаны тырше, соосты карикатура, фельетон амалъёсын гинэ уг возматыв, зэмос реализм амалэз кутэ* «Автор в этом случае отстраняется от устаревших “привычных подходов” в литературе: он аналогичных Митрошину героев старается понять, изображает их не только при помощи карикатуры, фельетона, но и использует прием реализма». К этой же подкатегории относятся глаголы в переносном значении: *Мылкыд кыче ке бурдъяське* «Душа окрыляется»;

ж) глаголы со значением автомативного, импульсивного действия, совершаемого предметами самостоятельно. Указанное значение предполагает неодушевленность субъекта действия или представление его в виде отдельной части тела человека: *Син азиям ик лыз-вож котретъёс адскизы* «Перед глазами показались сине-зеленые круги»; *Мыжыкъёсыз лосыр кырмиськызы, пиньёсыз зикыр-р! куртчиськызы* «Кулаки с хрустом вцепились, зубы со скрипом вгрызлись». В приведенных примерах действия частей тела и кругов перед глазами создает ощущение того, что они олицетворены и что действие выполняется одушевленными лицами. Отчасти по этой причине данная категория финскими лингвистами была названа автомативами<sup>29</sup>.

Среди глаголов медиального значения в удмуртском языке функционируют также вербальные конструкции с безобъектным значением, представленным категориями активно-безобъектного и пассивно-безобъектного значения:

<sup>29</sup> См.: Bartens R. Permiläisten kielten kehitys ja rakenne. Helsinki, 2000. S. 288–289; Koivisto V. Itämerenrefleksiivit. Helsinki, 1995. S. 265; Sakuma J. Reflexive verbs and anti-causativity in the Finnish language // Journal of Slavic Linguistics. 2013. No. 9. P. 25.

з) глаголы активно-безобъектного значения. Они передают действия, являющиеся свойственной субъекту специфической способностью. Дополнительным признаком служит отсутствие объекта в структуре отношений (объект – действие – субъект): *Со [вал] весь жуштэ, чыжаське, султыны выре* «Она [лошадь] постоянно стонет, лягается, пытается встать»; *Мес кунян ке вордйське, соиз уг лекаськы* «Если рождается телка, то она не бодается». Заметим, что эта подгруппа чаще представлена глаголами – дериватами зоонимов, посредством которых выражаются присущие тем или иным животным постоянные поведенческие манеры;

и) глаголы пассивно-безобъектного значения. С их помощью выражаются свойства субъектов, вызванные действиями внешних причин: *Но отын ву ярдурозь ик пальккаське* «А там вода до берегов расплескивается»; *Пуртсэ но кияз чигиськы-са кылем ньөрзэ сэрпалтыса, корказ пыриз* [Со] «Выкинув нож и сломанную в руках ветку, [Она] зашла домой». В этих примерах расплескивание воды и разлом ветки вызваны внешними воздействиями. В первом предложении инициатором действия выступает ветер, во втором – человек.

### Глаголы имперсонального значения

В конструкциях с глаголом имперсональной семы, иначе именуемой пассивно-возвратным или непроизвольно-пассивным значением [12], подлежащее отсутствует. Активность осуществляется непроизвольно, по причинам, не зависящим от носителя действия [15, 64]: *Жаде-меным озьы кылйське ни, дыр, – ассэ ачиз буйгатйз Дима* «От усталости так слышится, наверное, – успокоил себя Дима»; *Улйськиз, шуисько, Георгий Ильич! Э-эх-ма, улйськиз...* «Жилось, говорю, Георгий Ильич! Э-эх-ма, жилось».

### Глаголы пассивного значения

Сущность глаголов пассивного значения заключается в актуализации объекта действия путем выдвигания его в позицию подлежащего [10, 64; 17, 35]. В от-

личие от индоевропейских в финно-угорских языках пассивом можно обозначить только ту активность, которую совершил одушевленный деятель (человек), поэтому в текстах художественной литературы инициатор события может отсутствовать, но определяться из контекста: *...общественной порядкез утёнын калыкен чош ужано, со понна сыче но сыче совет но дружина кылдытйське* «...в сохранении общественного порядка надо работать сообща с народом, для этого создаются такие совет и дружина»; *Та удысын табере колхозьеслы бадэым эрик сетйське* «В этой отрасли теперь колхозам независимость предоставляется». В приведенных предложениях инициаторами действий, о которых идет речь (создаются совет и дружина, предоставляется независимость колхозам), являются одушевленные лица – народ и, возможно, представители административной власти<sup>30</sup>. Во втором примере истинный субъект действия опущен и установить его по одному предложению сложно, но это можно сделать при изучении событийной структуры глагола и контекстуальной ситуации [16, 1712].

Два последних из рассмотренных значений возвратного залога довольно трудно различить, так как обе категории используются в текстах официально-делового стиля и в текстах художественных произведений, построенных, как правило, калькированием аналогичных форм индоевропейских, и прежде всего русского, языков. Поэтому необходимо отметить, что в удмуртском языке пассивное значение предполагает наличие субъекта действия.

### Заключение

Как видно из представленной классификации, в удмуртском языке выделяются пять семантических групп возвратных залогов: рефлексивные, медиальные, реципрокные, имперсональные, пассивные. К ним отнесены и выделяемые ранее в качестве самостоятельной категории глаголы страдательно-возвратного залога. Основанием для этого является то, что границы между возвратными и страдательными

<sup>30</sup> См.: Морфология удмуртского языка. С. 218–219.





глаголами оказываются размытыми из-за наличия общего формального признака – суффиксов **-ськ/-ск-**, **-иськ/-йськ-**. Кроме того, предложения со страдательными конструкциями для разговорной речи нетипичны, а возникающие в литературе, средствах массовой печати и текстах официально-делового стиля подобные схемы, как правило, образуются методом калькирования с русского языка.

## УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>гл. возвр. з.</i> –	глагол возвратного залога
<i>грах.</i> –	граховский говор удмуртского языка
<i>инф.</i> –	инфинитив
<i>кыр.</i> –	кырымасский говор удмуртского языка
<i>лит.</i> –	литературный язык
<i>нар.</i> –	наречие
<i>сред.</i> –	срединый говор
<i>сущ.</i> –	существительное
<i>сч.</i> –	среднечепецкий говор удмуртского языка

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Алатырев В. И. Первая научная грамматика 1775 года и развитие удмуртского языкознания // 200 лет удмуртской письменности. Ижевск, 1976. С. 15–37.
- Кондратьева Н. В., Костина К. Г. История изучения грамматической категории залога в удмуртской лингвистике // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 3. С. 444–452.
- Кондратьева Н. В. Туала удмурт кылысь залог каблэн пöрмемез но кутйськемез // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2009. № 1. С. 73–86.
- Корепина Н. А. Возвратные конструкции с глаголами физического действия // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 7. С. 215–219.
- Костина К. Г. Категория понудительного залога глагола в современном удмуртском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 7. С. 2108–2112.
- Коткова И. А. Грамматические значения возвратного залога глагола в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. 1993. № 6. С. 24–27.
- Коткова И. А. К вопросу о залогах в удмуртском языке // Вестник Удмуртского университета. 1993. № 6. С. 20–24.
- Писарева В. В. Собственно-рефлексивные глаголы в сопоставительном аспекте // Stephanos. 2018. № 4. С. 167–172.
- Салыхова З. И. Рефлексивные формы глагола в башкирском языке // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 3. С. 226–229.
- Салыхова З. И. Трактровка страдательного залога глагола в тюркологии // Университетский научный журнал. 2016. № 23. С. 62–67.
- Ушаков Г. А. К вопросу о залоговых значениях глаголов // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка. Устинов, 1986. С. 112–116.
- Цыпанов Е. А. Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2005. 284 с.
- Шабанов О. А., Шарифзодя Х. М. Теория ролевой семантики в трактовке категории залога в современном английском языке // Вестник Пятигорского государственного университета. 2019. № 1. С. 73–76.
- Alexiadou A. Active, middle, and passive: the morpho-syntax of Voice // Catalan Journal of Linguistics. 2014. No. 13. P. 19–40.
- Gulyás N. F. Speshilova Yu. Impersonals and passives in contemporary Udmurt // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 2014. No. 38. P. 59–91.
- Kaufmann I. Middle voice // Lingua. 2007. No. 117. P. 1677–1714.
- Ten M. G., Kakzhanova F. A. The category of voice and aspect and their interaction // European Journal of Natural History. 2019. No. 1. P. 35–38.

Поступила 14.07.2021; одобрена 02.08.2021; принята 06.09.2021.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**К. Г. Костина** – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института национального образования, kostinaxenja@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9007-1245>



## Functioning of the verb's reflexive voice in the modern Udmurt language

Ksenia G. Kostina

*Institute of National Education,  
Izhevsk, Russia*

**Introduction.** Any language's verb system has many resources for denoting various actions of people. The relations of the action or state of the subject to its object are determined by the grammatical category of the voice, represented in the Udmurt language by the pairs of causative – non-causative, reflexive – non-reflexive forms of voices. The article considers the functioning of the verb's reflexive voice in the modern Udmurt language, including the etymology of the voice's affix, the grammatical meanings of reflexive verbs.

**Materials and Methods.** The main material of the research is based on the Udmurt-Russian Dictionary (2008) and the texts of Udmurt writers included into the National Corpus of the Udmurt Language. The article used a set of such research methods as descriptive, continuous sampling, contextual analysis, taking into account the situational conditioning of the verb voice. On specific examples, the use of these methods makes it possible to consider the structure, dynamics and features of the functioning of the reflexive voice of the verb in the Udmurt language.

**Results and Discussion.** As a result of the research, for the first time, among the reflexive voice's groups we include verbs of passive voice. The reason of it is the low probability of using passive constructions in colloquial speech. The frequent cases of using passive meanings of verbs in the literature and in the press are defined by the calcified translation of foreign-language constructions.

**Conclusion.** The grammatical structure of the Udmurt language is represented by two binary voice's forms: reflexive/non-reflexive voice and causative/non-causative voice. Specific indicators of reflexive voice are affixes **-ськ(ы)/-ск(ы), -уськ(ы)/-уськ(ы)**. From the point of view of semantic content, five semantic groups of returnable pledges are distinguished: reflexive, medial, reciprocal, impersonal, passive. The proposed classification is determined by the specifics of the relations between the subject and the object of action.

**Keywords:** Udmurt language, Udmurt grammar, Finno-Ugric languages, verb, category of voice, reflexive voice

**For citation:** Kostina KG. Functioning of the verb's reflexive voice in the modern Udmurt language. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;4:358–368. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.358-368.

## REFERENCES

1. Alatyrev VI. The first scientific grammar of 1775 and the development of the Udmurt linguistics. *200 let udmurtskoï pis'mennosti* = 200 years of Udmurt writing. Izhevsk; 1976:5–37. (In Russ.)
2. Kondratieva NV, Kostina KG. History of study of the grammatical category of the voice in the Udmurt linguistics. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2021;11:444–452. (In Russ.)
3. Kondratieva NV. On the formation and functioning of the voice's form in modern Udmurt language. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istorii i filologiya* = Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology. 2009;1:73–86. (In Udm.)
4. Korepina NA. Reflexive constructions with verbs of physical action. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* = Bulletin of Irkutsk State Technical University. 2015;7:215–219. (In Russ.)
5. Kostina KG. The category of the causative voice of the verb in the modern Udmurt language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological sciences. Questions of theory and practice. 2021;7:2108–2112. (In Russ.)
6. Kotkova IA. Grammatical meanings of verb's reflexive voice in the Udmurt language. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* = Bulletin of Udmurt University. 1993;6:24–27. (In Russ.)
7. Kotkova IA. To the questions of voices in the Udmurt language. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* = Bulletin of Udmurt University. 1993;6:20–24. (In Russ.)
8. Pisareva VV. Proper-reflexive verbs in the comparative aspect. *Stephanos*. 2018;4:167–172. (In Russ.)

9. Saliakhova ZI. Reflexive verb forms in the Bashkir language. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia* = The world of science, culture, education. 2011;3:226–229. (In Russ.)
10. Saliakhova ZI. Interpretation of the passive voice of the verb in Turkology. *Universitetskii nauchnyi zhurnal* = University Scientific Journal. 2016;23:62–67. (In Russ.)
11. Ushakov GA. On issues of the voice meanings of verbs. *Voprosy fonetiki i grammatiki udmurtskogo iazyka* = Questions of phonetics and grammar of the Udmurt language. Ustinov; 1986. (In Russ.)
12. Cypanov EA. Grammatical categories of the verb in the Komi language. Syktyvkar; 2005. (In Russ.)
13. Shabanov OA, Sharifzoda KhM. The theory of role semantics in the interpretation of the pledge category in modern English. *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Pyatigorsk State University. 2019;1:73–76. (In Russ.)
14. Alexiadou A. Active, middle, and passive: the morpho-syntax of Voice. *Catalan Journal of Linguistics*. 2014;13:19–40.
15. Gulyás NF, Speshilova Yu. Impersonals and passives in contemporary Udmurt. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 2014;38:59–91.
16. Kaufmann I. Middle voice. *Lingua*. 2007;117:1677–1714.
17. Ten MG, Kakzhanova FA. The category of voice and aspect and their interaction. *European Journal of Natural History*. 2019;1:35–38.

Submitted 14.07.2021; reviewing 02.08.2021; accepted 06.09.2021.

---

### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

---

**K. G. Kostina** – Senior Research Fellow, Scientific Research Institute of National Education, kostinaxenja@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9007-1245>



## Медицинская помощь и служба охраны материнства и детства Удмуртской АССР в послевоенные годы (1945–1950)

Наталья Николаевна Бушмелева  
Лев Леонидович Шубин

*Ижевская государственная медицинская академия,  
Ижевск, Россия*

**Введение.** В статье рассматривается состояние охраны материнства и детства в Удмуртской АССР в послевоенный период. Анализируются качество оказания медицинской помощи и службы охраны материнства и детства, оснащённость лечебных учреждений медицинскими кадрами и укомплектованность отделений койко-местами и необходимым инвентарем для оказания медицинской помощи детям и матерям.

**Материалы и методы.** В работе использованы данные Центрального государственного архива Удмуртской Республики. Проведен конъюнктурный анализ состояния и развития сети акушерско-гинекологической помощи. Исследованы и обобщены материалы, содержащиеся в научных трудах, дающих представление о рассматриваемой проблеме, а также правовые документы.

**Результаты исследования и их обсуждение.** В рассматриваемый период в республике была создана сеть женских консультаций, родильных домов, акушерско-гинекологических отделений. Возросло количество коек для беременных и рожениц. Организовано специализированное отделение патологии беременности. Значительно снизились показатели материнской смертности, мертворожденности и смертности новорожденных. В больницах введена обменная карта. С созданием методического кабинета развернулась работа по проработке программ по дошкольному воспитанию, стали проводиться кустовые и районные конференции. На конференциях разбирались случаи смерти, особое внимание уделялось вопросам поздней госпитализации. С 1949 г. стал практиковаться метод обслуживания детей по системе «единого педиатра».

**Заключение.** Охраняя интересы матери и ребенка, Удмуртская АССР в послевоенные годы оказывала большую помощь беременным женщинам и матерям. В частности, начала создаваться сеть женских консультаций, родильных домов, акушерско-гинекологических отделений, организовано специализированное отделение патологии беременности, увеличена детская коечная сеть и т. д.

**Ключевые слова:** Удмуртия, охрана материнства и детства, послевоенные годы, детские больницы, женские консультации, родильные дома, акушерско-гинекологические отделения

**Для цитирования:** Бушмелева Н. Н., Шубин Л. Л. Медицинская помощь и служба охраны материнства и детства Удмуртской АССР в послевоенные годы (1945–1950) // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 4. С. 369–378. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.369-378.

### Введение

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Удмуртская АССР была одной из госпитальных баз глубокого тыла. Все усилия здравоохранения были сосредоточены на помощи больным и раненым воинам. Параллельно медицинскими кадрами велась огромная работа по предотвращению эпидемий в тылу. В послевоенные годы наряду с массовыми противоинфекционными мероприятиями на передний план выдвинулась охрана материнства и детства. В основу работы учреждений охраны здоровья материнства и

младенчества было положено выполнение первоочередных задач: снижение детской заболеваемости и смертности, улучшение качества медицинского обслуживания, повышение квалификации педиатрических кадров, дальнейшее расширение сети детских учреждений [4].

### Обзор литературы

В основу исследования положены архивные материалы, позволившие проследить историю рассматриваемого вопроса – охрану материнства и детства в

Удмуртской АССР в послевоенный период<sup>1</sup>, а также коллективные монографии, изданные при участии и под редакцией советского и российского ученого, врача-хирурга, организатора системы удмуртского здравоохранения, заслуженного работника здравоохранения Удмуртской Республики В. Н. Савельева [11; 13; 15]. Проблемам послевоенного здравоохранения и их решения в республике посвящены работы О. П. Аптрахимовой, Э. Р. Валирахмановой, А. М. Шабардина, Л. Л. Шубина [16; 17], в области охраны материнства и детства – О. М. Бакеевой, А. К. Дитятевой, Е. Д. Мешариной, Д. Д. Трефиловой и других ученых [2–4; 9; 10].

### **Материалы и методы**

В статье на основании данных Центрального государственного архива Удмуртской Республики анализируются структура организации медицинской помощи в послевоенные годы, состояние и развитие сети акушерско-гинекологической помощи и службы охраны материнства и детства в 1946–1950 гг. Рассматриваются законодательные акты Советского государства в области здравоохранения, затрагивающие фертильный возраст женщин (беременные, роженицы, родильницы), период до и после рождения ребенка, в рамках детского медицинского обслуживания – возраст до 14 лет. Работа выполнена с применением исторического и проблемно-хронологического методов исследования.

### **Результаты исследования и их обсуждение**

Советское государство всегда рассматривало охрану материнства и детства, а также обеспечение женщине возможности сочетать производственную и обще-

ственную деятельность с материнством и воспитанием детей как важную государственную задачу [5]. Государственная система охраны здоровья женщин и детей в послевоенный период была нацелена на преодоление демографического кризиса в СССР в условиях восстановления народного хозяйства страны и использования женского труда в качестве основного резерва<sup>2</sup>. Специальное законодательство предусматривало охрану труда женщины, особенно в период беременности. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. отпуск по беременности и родам работницам и женщинам-служащим был увеличен с 63 до 77 календарных дней (35 дней до родов и 42 дня после родов). В случае ненормальных родов или рождения двойни отпуск составлял 91 день (35 дней до родов и 56 дней после родов). С четырех месяцев беременности запрещалось привлекать женщин к сверхурочным работам на предприятиях и учреждениях, а имеющих грудных детей – к работам в ночное время на период кормления ребенка<sup>3</sup>.

В послевоенные годы начала создаваться сеть женских консультаций, родильных домов, акушерско-гинекологических отделений в больницах, в сельской местности – сеть колхозных родильных домов и фельдшерско-акушерских пунктов [1]. В 1945 г. в Удмуртии количество коек для беременных и рожениц составило 223 тыс. (в 1940 г. – 147,1 тыс.); было организовано специализированное отделение патологии беременности [8]. Организация дородового наблюдения и патронажной помощи беременным женскими консультациями, обеспечение рожениц и родильниц медицинской помощью способствовали значительному снижению материнской смертности, мертворожденности и смертности новорожденных.

<sup>1</sup> Отчеты министерства о состоянии лечебно-профилактической помощи детям за 1946 г. и об охране материнства и младенчества за 1948 г. // ЦГА УР (Центральный государственный архив Удмуртской Республики). Ф. Р-568. Оп. 1. Д. 197. Л. 1–152.

<sup>2</sup> См.: Удмуртская Республика. Здравоохранение: энцикл. / гл. ред. В. А. Гаврилов. Ижевск, 2019. С. 345.

<sup>3</sup> См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». URL: <https://www.dokipedia.ru/document/5288316> (дата обращения: 20.07.2021).



Неуклонно росли расходы на здравоохранение. В 1949 г. по сравнению с 1945 г. они составили 164,5 %, в расчете на 1 чел. в год – 156,0 % (в абсолютных цифрах – 103 руб. 50 коп.) [7].

В родильных домах и родильных отделениях для детских палат выделялись самые лучшие и чистые помещения. В палатах имелись термометры. Для соблюдения теплового режима больницы располагали 1–2-месячным запасом топлива. Подвоз топлива организовывался путем прикрепления колхозов к больницам и родильным домам [17].

В целях улучшения обслуживания ребенка до 1 года и совершенствования патронажного наблюдения за новорожденными в Удмуртии был регламентирован прием новорожденных педиатрами в родильных домах. Врачи-педиатры или, в случае домашних родов, акушерка направляли экстренное извещение о рождении ребенка участковому врачу (фельдшеру) и в детско-женскую консультацию. В дальнейшем фельдшер был обязан ежедекадно проводить патронаж и направлять патронажную карту в консультацию<sup>4</sup>.

Детские больницы, выведенные в самостоятельные в военные годы [14], обслуживали детей от 0 до 14 лет. Всего в республике работали 6 самостоятельных детских больниц: в Ижевске – 4, Воткинске – 1 и Сарапуле – 1. В Глазове и Можге имелись детские отделения на 60 коек, в сельской местности в общих больницах – 50 детских коек. Количество детских коек в республике составляло 9 % от общего числа всех коек против необходимых 20 % по нормативу. Карантинные палаты были только в двух больницах Ижевска и Сарапула. Санпропускники в виде общих ванных комнат были оборудованы во всех больницах. Больные госпитализировались по направлению ясельных и участко-

вых врачей с указанием общего и эпидемиологического анализа. Так как все детские больницы размещались в приспособленных помещениях, отдельных койко-мест для матерей не было, имелись только выделенные 2–3 дежурные койки, где матери могли отдыхать по очереди<sup>5</sup>.

В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР № 2004 от 18 мая 1949 г. к концу 1950 г. в республике число больничных учреждений достигло 110, из них 42 в городах, 68 в сельской местности, коечный фонд вырос до 5 545 коек, из них 3 615 в городах и 1 930 в сельских лечебных учреждениях. План прироста коечной сети был выполнен на 99,7 %. В состав больничных учреждений включались поликлинические и амбулаторные учреждения: в городах – 50, в селах – 60. Кроме того, в сельской местности насчитывалось 172 фельдшерских, 303 фельдшерско-акушерских, 625 сестринских трахоматозных пунктов, 436 колхозных родильных домов (но план по ним остался невыполненным)<sup>6</sup>.

В больницах Ижевска после войны была введена обменная карта для беременных женщин [11]. Целью данного новшества было создание прочной связи между женскими консультациями и родовспомогательными учреждениями, а также обеспечение преемственности в ведении врачами беременных женщин от консультации до родильного дома.

Детские больницы осуществляли санитарно-просветительную работу. В послевоенное время число бесед медицинского персонала с родителями постоянно росло, только в 1948 г. было проведено 4 175 бесед против 1 373 в 1945 г.

В больницах Воткинска в 1948 г. имелись сеть детских яслей, туберкулезные ясли, две соматические больницы и дом ребенка. Активно велась профилактическая работа – вакцинация против оспы, дифтерии, тифа. В летний период в ию-

<sup>4</sup> Отчет министерства об охране здоровья, материнства и детства за 1948 г. // ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 1. Д. 342. Л. 21–22.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> См.: Постановление Совета Министров СССР № 2004 от 18 мая 1949 г. «О мероприятиях по расширению сети детских учреждения и роддомов и улучшению их работы». URL: <https://docplayer.com/112550804-Sovet-ministrov-sssr-postanovlenie-ot-18-maya-1949-g-n-2004.html> (дата обращения: 20.07.2021).



нерских лагерях дети подвергались фагированию 1 раз в 5–6 дней<sup>7</sup>.

В республике ежегодно проходили конференции медицинских работников по актуальным проблемам того времени, связанным с желудочно-кишечными заболеваниями, туберкулезом и трихофитией, по вопросам снижения заболеваемости и смертности. Традиционным стало республиканское совещание для врачей детских домов. В целях повышения квалификации кадров организовывались трехмесячные курсы сестер-воспитательниц для сезонных яслей. Также проводились курсы повышения квалификации для патронажных сестер и сестер детских домов.

В апреле 1946 г. в Ижевске на базе клинической больницы № 2 был создан методический кабинет, в котором под руководством заведующего работали врач-методист и методист-педагог. Его сотрудниками в течение первого послевоенного года были собраны и систематизированы директивные и инструктивно-методические материалы Министерства здравоохранения РСФСР и Министерства здравоохранения СССР за 5 лет [15]. Была развернута работа по составлению программ занятий по дошкольному воспитанию, организации индивидуальных и групповых консультаций, изготовлению наглядных материалов (альбомов, макетов, таблиц, теневых и кукольных постановок) к темам для каждой возрастной группы. Были подготовлены инструкции и предложена методика вычисления показателей по улучшению качества годовых отчетов детских учреждений. Актив методического кабинета участвовал в кустовых и районных конференциях, конференциях для директоров школ и дошкольных учреждений, врачей, в проведении докладов, лекций на радио. На конференциях обсуждались насущные вопросы, такие как профилактика эпидемического паротита, лечение рахита массивными дозами витамина Д, применение пенициллина в детской практике, особенности течения дизентерии у де-

тей, лечение и профилактика скарлатины и др. Для медицинских сестер и сестер-воспитательниц детских учреждений при базовых яслях в Ижевске проводились семинары.

Ижевская детская клиническая больница совместно с методическим кабинетом являлась объединяющим центром детских учреждений республики и базой повышения квалификации для районных врачей. В детской больнице № 2 проходили повышение квалификации средние медработники: медицинские сестры и фельдшеры. Ежемесячно в городах Удмуртской АССР проводились конференции детских врачей, на которых обсуждались организационные вопросы, осуществлялись разбор диагнозов и степени тяжести заболевания пациентов, анализ детской заболеваемости и смертности [12].

На заседаниях Общества детских врачей под руководством заведующего кафедрой детских болезней Ижевского государственного медицинского института А. И. Перевошиковой два раза в месяц анализировалась работа клиники детских болезней в Ижевске (по материалам вскрытия детских трупов и обсуждения расхождения клинических диагнозов с патологоанатомическими), заслушивались отчеты ясельных врачей, планы работы по борьбе с дизентерией, рахитом, гипотрофией и прочими заболеваниями; некоторые заседания проходили с демонстрацией больных с целью анализа расхождения клинических и амбулаторных диагнозов [11]. В филиалах Общества (в Сарапуле и Глазове) под председательством главного врача городской больницы педиатры еженедельно собирались на заседания для обсуждения работы, разбирались все случаи смерти, особое внимание уделялось вопросам поздней госпитализации.

Важным звеном в системе детских лечебно-профилактических учреждений являлись молочные кухни. В послевоенные годы в республике их насчитывалось 24. Они размещались в приспособленных по-

<sup>7</sup> Отчеты городских здравотделов, домов ребенка о состоянии детских лечебных учреждений за 1948 г. // ЦГА УР. Ф. Р-568. Оп. 1. Д. 344. Л. 2.

мещениях с примитивным оснащением. Однако ввиду недостаточного финансирования и невнимания со стороны руководящих организаций к 1950 г. их осталось только 19 – остальные закрылись из-за отсутствия снабжения молоком.

При поликлиниках Ижевска имелись свои лаборатории и рентгеновские кабинеты, в других городах Удмуртии поликлиники обслуживались городскими или общегородскими лабораториями. В 1950 г. при всех поликлиниках были организованы подростковые кабинеты [10].

Пенициллинотерапия использовалась очень ограниченно из-за отсутствия средств. Применялись большие дозы витамина Д для лечения рахита «по оригинальному методу».

В Удмуртии в послевоенное время функционировали 6 детских санаториев, из них 5 были круглосуточными круглогодичными, а один, в Глазове, дневным на 25 коек. Санатории были размещены в приспособленных помещениях, не были достаточно оснащены мягким и жестким инвентарем и не соответствовали нормативам. Например, в костно-туберкулезных санаториях для дошкольного возраста не было мешков или одеял для проведения дневного сна на воздухе, а также валенок и пальто для пребывания детей на воздухе в зимний период.

Внебольничная помощь детям оказывалась в поликлиниках и детских консультациях. Всего в республике работали 7 детских поликлиник и 53 детские и женско-детские консультации. Принцип обслуживания в городах был участковый. Прием в поликлиниках вели по специальностям: терапия, глазные болезни, дерматология, зубные болезни, нервные болезни, оториноларингология. Эти же кабинеты специализированной помощи обслуживали и детей. При увеличении контингента детей раннего возраста в 1947 г. стало практиковаться раздельное обслуживание пациентов старшего и младшего возрастов. Во всех городах республики был введен раздельный прием больных и здоровых детей с отдельными фильтрами. Температурирующие и инфекционные больные обслуживались на дому [9].

Для обслуживания школ, детских садов и детских домов в послевоенные годы был укомплектован штат из 37 школьных врачей, 92 детских сестер и 7,5 единицы зубных врачей. Средняя нагрузка врача в то время составляла 1 500–2 500 чел., нагрузка школьного врача – 2 000–2 500 детей, врача детского сада – 600–700 детей [10]. На амбулаторном приеме нагрузка врача-педиатра была 15 посещений в день и 2–3 выхода для оказания помощи на дому.

В Сарапуле и частично Ижевске с 1949 г. практиковалось обслуживание детей по принципу «единого педиатра». Работа проводилась по трехзвенной системе, когда врач ежедневно работал три часа в больнице (за это время он принимал 5–6 больных), полтора часа на участке (выход на дом) и полтора часа в консультации. После внедрения данной системы повысились качество обслуживания больных на участке и квалификация врачей, снизились смертность и процент расхождения поликлинических диагнозов с клиническими. Переход на такую систему обслуживания для всех учреждений был затруднителен из-за крайне недостаточной детской коечной сети.

При городских консультациях были организованы пункты сбора грудного молока. В 1947 г. в республике было 36 доноров, от которых было собрано 2 885 л грудного молока. В то время каждый участковый врач имел паспорт своего участка с указанием в нем детей, находящихся на «преждевременном докорме», на искусственном вскармливании, двоен, недоношенных детей, детей, больных рахитом, туберкулезом.

Для выделения из домов ребенка больных туберкулезом в 1949 г. Сарапульский дом ребенка был реорганизован в туберкулезный [2; 3].

В послевоенные годы был введен патронаж в семье до рождения ребенка, предполагавший проверку домашних бытовых условий, подготовки к приему новорожденного, наличия детского приданого, дров и т. д. [14]. Патронажная сестра консультации до исполнения ребенку 1 года посещала его 13 раз, к недо-

ношенным детям и двойням она приходила 27 раз. Врач же посещал ребенка один раз в течение первого месяца жизни.

В летнее время при консультациях организовывались дневные стационары для детей с диспепсией с целью дать возможность матерям-работницам получить трудовни. Детские поликлиники обеспечивали отбор и надзор за проведением оздоровительных мероприятий детей старшего возраста.

В поликлиниках и консультациях проводилась санитарно-просветительная и санитарно-агитационная работа с родителями, лекции на темы защиты материнства и детства читались по радио, практиковались регулярные занятия по технической учебе с медицинским персоналом, создавались школы матерей. В целом в послевоенные годы заболеваемость детей снижалась, в то же время оставалась на высоком уровне или даже увеличивалась заболеваемость пневмонией, дизентерией, токсической диспепсией, корью и коклюшем.

Большое значение придавалось просветительной работе в учебных заведениях. В младших классах преподавались основы гигиены, а в учебные планы училищ еще в годы войны была введена дисциплина «Военно-санитарные знания», включавшая курс по оказанию первой помощи раненым, уходу за больными, организации работы санитарных дружин, транспортировке раненых, профилактике инфекций.

Основной задачей отдела лечебно-профилактической помощи детям министерства и органов здравоохранения в Удмуртской АССР был контроль за реализацией Указа Президиума Верховного Совета от 8 июля 1944 г. и приказов Министерства здравоохранения РСФСР и Министерства здравоохранения СССР, в разрезе которых вопрос о расширении сети детских учреждений и улучшении обслуживания матери и ребенка ставился на обсуждение райисполкомов и Совета Министров Удмуртской АССР. С целью разъяснения данного указа в детских учреждениях и консультациях проводились специальные совещания, выпускались стенгазеты, вопрос также освещал-

ся в местных и республиканских газетах, по радио. В дальнейшем консультации перешли в социально-правовые кабинеты, которые помогали матери в получении государственного пособия, разрешении конфликтов с администрацией по поводу ночных дежурств, соблюдения часов ухода на кормление, устройства детей в детские учреждения. Юристы кабинета представляли интересы женщин и выступали в суде.

К 1950 г. с целью правильной организации грудного вскармливания, своевременного выявления у детей рахита и гипотрофии увеличилось рекомендованное количество посещений родителями с детьми первого года жизни амбулаторного звена. После проведения проверки Главным управлением лечебно-профилактической помощи детям Министерства здравоохранения РСФСР было принято решение довести число посещений консультации здоровым ребенком в течение первого года жизни до 12–13 и запретить самостоятельный прием детей средним медперсоналом [15].

В 1948 г. коечная детская сеть возросла за счет переключения коек в общих больницах на детские. Так, в Ижевске было развернуто отделение на 65 коек, в Можге – на 35, в Сарапуле – на 15; в сельской местности в первом полугодии в общих больницах были переключены на детские 316 коек с общим числом койко-дней 19 365. Дополнительное развертывание коек позволило повысить показатели госпитализации детей на селе до 60–70 % против 20 % в 1947 г.

В городских больницах было организовано диетическое питание. В отделениях новорожденных и детских палатах нагрузка на одну сестру составляла 20–28 чел.

В 1949 г. на фоне снижения заболеваемости корью и коклюшем резко возросла заболеваемость скарлатиной. На прежнем уровне осталась заболеваемость дифтерией, смертность от которой была особенно высока.

Все детские дома имели в своем штате врача, в каждом были организованы попечительские советы. Несмотря на это, в детских домах были распространены чесотка,

пиодермия, конъюнктивиты, трихофития, что указывало на неудовлетворительный санитарно-гигиенический режим.

В целях снижения заболеваемости и летальности от дифтерии были приняты срочные меры к созданию неснижаемого запаса противодифтерийной сыворотки в лечебно-профилактических учреждениях городов и сельских врачебных участков. В случае подозрения на дифтерию сыворотку нужно было вводить немедленно, не дожидаясь результатов лабораторного исследования. Осуществлялся обязательный разбор каждого случая запоздалого введения противодифтерийной сыворотки и запоздалой госпитализации, детально анализировался каждый случай смерти от дифтерии, виновные в смерти детей привлекались к строгой ответственности. В течение года организовывались конференции и семинары для медицинских работников детских учреждений и сельских врачебных участков по вопросам профилактики, диагностики и лечения дифтерии, врачи инфекционных больниц и отделений обучались технике интубации и трахеотомии. В детских поликлинических учреждениях был организован учет детей, подлежащих проведению прививок, выделены отдельные медицинские сестры, ответственные за проведение профилактических прививок против дифтерии. В больницы госпитализировали детей безотказно.

Сотрудники отдела детства и других отделов аппарата Министерства здравоохранения Удмуртской АССР, врачи Ижевска и работники кафедры детских болезней Ижевского медицинского института выезжали в районы республики для оказания практической помощи и осуществления контроля за работой по детству на местах [11].

К 1949 г. все школы были укомплектованы врачами и средним медицинским персоналом. Школы обслуживались участковыми медицинскими работниками. Подростки от 14 до 16 лет были прикреплены к детским поликлиникам. Санитарно-профилактический осмотр детей проводился ежедневно, углубленный медицинский осмотр — два раза в

год. По его результатам выявлялись заболевания и определялась группа здоровья с последующим допуском к занятиям по физкультуре.

Обследование детей на наличие глистной инвазии позволяло проводить своевременную дегельминтизацию.

В трех школах Ижевска были открыты зубоврачебные кабинеты, в которых осуществлялась санация полости рта. В районах и других городах эту работу выполняли районные участковые зубные врачи. Все школы были обеспечены аптечками. В целях повышения квалификации школьных врачей в области физического воспитания проводились обучающие семинары по программе, разработанной Центральным методическим кабинетом Министерства здравоохранения РСФСР.

### Заключение

Таким образом, охраняя интересы матери и ребенка и выполняя Указ Президиума Верховного Совета от 8 июля 1944 г., Удмуртская АССР в послевоенные годы (1945–1950) оказывала большую помощь беременным женщинам и матерям, что выразилось в следующем:

- начала создаваться сеть женских консультаций, родильных домов, акушерско-гинекологических отделений;
- были организованы специализированные отделения патологии беременности в городах;
- введена обменная карта для создания прочной связи между женскими консультациями и родовспомогательными учреждениями;
- стал практиковаться патронаж в семье до рождения ребенка;
- организованы пункты сбора грудного молока при городских консультациях;
- внебольничная помощь детям оказывалась в поликлиниках и детских консультациях;
- увеличилась детская коечная сеть;
- внедрялось обслуживание детей по системе «единого педиатра»;
- детскими поликлиниками обеспечивались отбор оздоровительных мероприятий для детей старшего возраста и надзор за их проведением.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акушерская и гинекологическая помощь / под ред. В. И. Кулакова. М.: МЕДпресс, 2010. 512 с.
2. Бакеева О. М., Дитятьева А. К., Шубин Л. Л. Медицинское обслуживание домов ребенка в Удмуртской АССР в 1947 г. // Modern Science. 2021. № 4-2. С. 23–27.
3. Дитятьева А. К., Бакеева О. М., Шубин Л. Л. Анализ заболеваемости и смертности детей в домах ребенка в Удмуртской АССР в 1947 г. // Modern Science. 2021. № 4-2. С. 36–43.
4. Зиннатуллина Р. Ф., Тихонова Е. Г., Шубин Л. Л. Из истории оказания акушерско-гинекологической помощи в Удмуртской Республике в 1950 году // Modern Science. 2020. № 12-2. С. 100–105.
5. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000. 229 с.
6. Ижевский медицинский институт: 50 лет / сост. Н. Н. Ежова. Ижевск: Удмуртия, 1983. 156 с.
7. Кузнецова Н. В., Ивахненко Г. С. Проблемы медицинского обслуживания сельского населения Нижнего Поволжья в первые послевоенные годы (1945–1948) // Власть. 2012. № 4. С. 122–125.
8. Куриленко Л. И. Организация специализированной акушерско-гинекологической помощи. М.: Медицина, 1978. 191 с.
9. Мешарина Е. Д., Трефилова Д. Д., Шубин Л. Л. Оказание первичной медико-санитарной помощи детям в Удмуртской Республике в 1948 г. // Modern Science. 2021. № 4-1. С. 62–64.
10. Рожина К. А., Корепанова А. А., Шубин Л. Л. Из истории охраны здравоохранения детей в Удмуртии в послевоенные годы // Modern Science. 2021. № 4-1. С. 231–235.
11. Савельев В. Н., Малых Н. В. История здравоохранения Удмуртии. Ижевск: ИГМА, 2012. 190 с.
12. 40 лет Удмуртской АССР. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1960. 223 с.
13. Становление и развитие здравоохранения Удмуртской Республики / редкол.: С. Г. Шадрин, В. Н. Савельев, В. К. Гасников. Ижевск: Вектор, 1996. 335 с.
14. Уваров С. Н. Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: ист.-демогр. анализ // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2014. № 1. С. 64–72.
15. 60 лет здравоохранения Удмуртской АССР / редкол.: В. Н. Савельев, Н. Н. Ежова, Л. Г. Кузелин, В. И. Шиянов. Ижевск: Удмуртия, 1981. 134 с.
16. Шубин Л. Л., Валирахманова Э. Р., Аптрахимова О. П. Об инфекционных заболеваниях и работе санитарно-эпидемиологической службы в Воткинском районе Удмуртской АССР в 1948 году // Modern Science. 2020. № 11-1. С. 249–254.
17. Шубин Л. Л., Шабардин А. М. Пути преодоления проблем послевоенной медицины Удмуртии в 1945–1950 гг. // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 12. С. 228–231.

Поступила 11.08.2021; одобрена 30.08.2021; принята 06.09.2021.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

**Н. Н. Бушмелева** – доктор медицинских наук, доцент кафедры акушерства и гинекологии Ижевской государственной медицинской академии, nnbush17@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7007-226X>

**Л. Л. Шубин** – кандидат медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Ижевской государственной медицинской академии, leva-shubin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5759-7333>





# Medical assistance, maternal and child welfare service of the Udmurt ASSR during the post-war period (1945–1950)

Natalia N. Bushmeleva

Lev L. Shubin

Izhevsk State Medical Academy,  
Izhevsk, Russia

**Introduction.** The article examines the state of protection of mothers and children in the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic in the post-war period of 1945–1950. The article analyzes the quality of medical care and services for the protection of mothers and children, the equipment of medical institutions with medical personnel and the staffing of departments with beds and the necessary equipment for providing medical care to children and mothers.

**Materials and Methods.** The work used the data from the central Republican archive of the Udmurt ASSR. It carried out a market analysis on the state and development of the network of obstetric and gynecological care. The materials contained in research that give an idea of the problem under consideration, as well as legal documents have been investigated and summarized.

**Results and Discussion.** In this period under review, a network of antenatal clinics, maternity hospitals, obstetric and gynecological departments is being created. The number of beds for pregnant women and women in labor increased. A specialized department of pregnancy pathology was organized. The rates of maternal mortality, stillbirth and neonatal mortality have dropped significantly. An exchange card has been introduced in hospitals. With the creation of a methodological office, work began on the development of programs for preschool education, cluster and regional conferences began to be held. The conferences dealt with deaths, with special attention paid to issues of late hospitalization. Since 1949, the method of serving children according to the "single pediatrician" system were practiced.

**Conclusion.** Protecting the interests of mother and child, the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic in the postwar years provided great assistance to pregnant women and mothers, fulfilling the Decree of the Presidium of the Supreme Council of July 8, 1944. Employees of the Childhood Department, doctors of Izhevsk and employees of the department childhood diseases of the Izhevsk Medical Institute traveled to the regions of the Republic to provide practical assistance and control the work on childhood in the field.

**Keywords:** Udmurtia, protection of motherhood and childhood, post-war years, children's hospitals, antenatal clinics, maternity hospitals, obstetric and gynecological departments

**For citation:** Bushmeleva NN, Shubin LL. Medical assistance, maternal and child welfare service of the Udmurt ASSR during the post-war period (1945–1950). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13:4:369–378. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.369-378.

## REFERENCES

1. Kulakov VI, ed. Obstetric and gynecological care. Moscow; 2010. (In Russ.)
2. Bakeeva OM, Dityatyeva AK, Shubin LL. Medical care for orphanages in the Udmurt ASSR in 1947. *Modern Science*. 2021;4-2:23–27. (In Russ.)
3. Dityatyeva AK, Bakeeva OM, Shubin LL. Analysis of morbidity and mortality of children in orphanages in the Udmurt ASSR in 1947. *Modern Science*. 2021;4-2:36–43. (In Russ.)
4. Zinnatullina RF, Tikhonova EG, Shubin LL. From the history of obstetric and gynecological care in the Udmurt Republic in 1950. *Modern Science*. 2020;12-2:100–105. (In Russ.)
5. Zubkova EYu. Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953. Moscow; 2000. (In Russ.)
6. Yezhova NN, comp. Izhevsk Medical Institute: 50 years. Izhevsk; 1983. (In Russ.)
7. Kuznetsova NV, Ivakhnenko GS. Problems of medical care of the rural population of the Lower Volga region in the first post-war years (1945–1948). *Power*. 2012;4:122–125. (In Russ.)

8. Kurylenko LI. Organization of specialized obstetric and gynecological care. Moscow; 1978. (In Russ.)
9. Mesharina ED, Trefilova DD, Shubin LL. Provision of primary health care to children in the Udmurt Republic in 1948. *Modern Science*. 2021;4-1:62–64. (In Russ.)
10. Rozhina KA, Korepanova AA, Shubin LL. From the history of children's health care in Udmurtia in the post-war years. *Modern Science*. 2021;4-1:231–235. (In Russ.)
11. Savelyev VN, Malykh NV. History of health-care in Udmurtia. Izhevsk; 2012.
12. 40 years of the Udmurt ASSR. Izhevsk; 1960. (In Russ.)
13. Shadrin SG, Savelyev VN, Gasnikov VK, eds. Formation and development of health care of the Udmurt Republic. Izhevsk; 1996. (In Russ.)
14. Uvarov SN. Rural population of Udmurtia during the Great Patriotic War: historical and demographic analysis. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istorii i filologii* = Bulletin of the Udmurt University. Series: History and Philology. 2014;1:64–72. (In Russ.)
15. Savelyev VN, Ezhova NN, Kuzelin LG, Shiyanov VI, eds. 60 years of health care of the Udmurt ASSR. Izhevsk; 1981. (In Russ.)
16. Shubin LL, Valirakhmanova ER, Aprakhimova OP. On infectious diseases and the work of the sanitary and epidemiological service in the Votkinsk district of the Udmurt ASSR in 1948. *Modern Science*. 2020;11-1:249–254. (In Russ.)
17. Shubin LL, Shabardin AM. Ways to overcome the problems of post-war medicine in Udmurtia in 1945–1950. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniia* = Problems of modern science and education. 2015;12:228–231. (In Russ.)

Submitted 11.08.2021; reviewing 30.08.2021; accepted 06.09.2021.

---

## INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

---

**N. N. Bushmeleva** – Doctor of Medicine, Associate Professor, Department of Obstetrics and Gynecology, Izhevsk State Medical Academy, nnbush17@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7007-226X>

**L. L. Shubin** – Candidate Sc. {Medicine}, Associate Professor, Department of Public Health and Health Care, Izhevsk State Medical Academy, leva-shubin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5759-7333>

---



## Женская повседневность в письмах карельской крестьянки начала XX в.

Ольга Павловна Илюха

*Институт языка, литературы и истории  
Карельского научного центра РАН,  
Петрозаводск, Россия*

**Введение.** В статье представлены результаты анализа исторического источника редкого типа – крестьянских писем начала XX в., обнаруженных в Национальном архиве Финляндии. Они принадлежат перу двадцатилетней карельской крестьянки Анны Еремеевой-Ряйхя и адресованы мужу, отбывавшему ссылку в Северном Казахстане. Актуальность исследования обусловлена интересом к эпистолярному культурному наследию, в котором особое место занимают письма представителей различных этносов России, а также устойчивым вниманием к истории повседневности.

**Материалы и методы.** В качестве основного метода использован анализ структуры писем с выделением тематических блоков-секвенций, их последующим объединением для специального анализа конкретного вопроса.

**Результаты исследования и их обсуждение.** В статье рассмотрена содержательная сторона писем, отражающая сферу интересов их автора и подкрепленная описанием женской повседневности и жизни карельской семьи. Очерчен круг поднимавшихся вопросов и определен набор тем, в рамках которых представлены быт и поведенческие практики крестьянской женщины, способы ее адаптации к новым обстоятельствам после ареста мужа. Показаны особенности саморепрезентации автора писем, характер построения и оформления текстов. Выявлены диапазон тем и эмоций, обусловленных гендерным фактором, разнообразие регистров их проявления.

**Заключение.** Письма раскрывают систему нравственных ценностей карельской женщины, христианский идеал семейных отношений, особенности трудовой мотивации. «Голос» карельской крестьянки релевантен для изучения изменений женской обыденности начала XX в. и позволяет говорить о вызревании в повседневной жизни запроса на эмансипацию, о постепенном расшатывании традиционного гендерного порядка в карельской деревне.

**Ключевые слова:** карельская культура, этническая история России, история повседневности, гендер, эпистолярное наследие

**Благодарности:** Статья подготовлена в рамках государственного задания Карельского научного центра РАН.

**Для цитирования:** Илюха О. П. Женская повседневность в письмах карельской крестьянки начала XX в. // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 4. С. 379–393. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.379-393.

### Введение

Изучение истории повседневности предполагает не только исследование быта определенного социального слоя, группы или их отдельных представителей, но и анализ мотивов поведения, особенностей восприятия и осмысления действительности, ее эмоционального переживания, т. е. реконструкцию «малого жизненного мира» человека<sup>1</sup> [5; 21], а также микросоциума, где идет вызревание запроса на социальные изменения. Личные письма оцениваются исследователями как ценные документы по истории повседневности,

поскольку в заочных диалогах, являющихся эквивалентом разговора, поднимаются актуальные для автора и адресата темы, раскрываются жизненные интересы, высказывается отношение к различным событиям, людям и вещам [15, 45; 26].

Крестьянские письма дореволюционной эпохи – особый источник, приоткрывающий приватную сферу «молчаливого большинства». Бытовая эпистолярная традиция непосредственно связана с грамотностью населения, поэтому частная переписка – редкая практика в культурах, не

<sup>1</sup> См.: Пушкарева Н. Л. История повседневностей и микроистория // Теория и методология истории: учеб. для вузов / отв. ред. В. В. Алексеев и др. Волгоград, 2014. С. 312–334.

имевших сколько-нибудь развитой письменной традиции. Выявление эпистолярных материалов, написанных рукой представителей различных народов России, составляет важную задачу исследователей.

Каждое письмо строится в виде развернутого монолога, и в каждом незримо присутствует адресат. Если читать послания одно за другим, то можно реконструировать разворачивающийся в них заочный диалог, в котором, как и в живом общении супругов, есть многое: от признаний в любви и слов поддержки до укоров и назиданий. Выразительность языка Анны, ее письменной речи соответствует женской коммуникативной стратегии: тексты изобилуют разного рода восклицаниями, нередко содержат междометия.

Данная статья основывается на письмах двадцатилетней карельской крестьянки православного вероисповедания Анны Еремеевой-Ряйхя, обнаруженных нами в Национальном архиве Финляндии, в фонде Пааво Ахавы<sup>2</sup>. Документальная коллекция включает 21 письмо, адресованное Анной супругу Василию, сосланному за участие в зарождавшемся карельском национальном движении в Среднюю Азию, откуда ему не суждено было вернуться [7, 287–295; 12; 32; 34]. Письма написаны на финском языке, близком к севернокарельскому диалекту и понятном крестьянам Беломорской Карелии. Это отличает их от писем «во власть», которые обычно составлялись по-русски с помощью толмачей, волостных писарей.

Цель статьи – изложить результаты анализа писем карельской крестьянки в отношении саморепрезентации и освещаемых в них тем, среди которых, предположительно, повседневная жизнь семьи занимает центральное место. Важно показать, с по-

мощью каких средств молодая женщина в корреспонденциях мужу выстраивает собственный образ, как вписывает себя в окружающую действительность, дифференцирует важное и второстепенное, выражает отношение к текущим событиям, обыденным делам и заботам. Для освещения этих вопросов требуется раскрыть реализуемые автором писем приемы общения и стратегии вербальной коммуникации, которые в совокупности демонстрируют и особенно-сти самоописания, и специфику репрезентации повседневности.

### Обзор литературы

Тема статьи находится на стыке источниковедения и крестьяноведения, однако основное ее содержание относится к истории повседневности, представленной в гендерном измерении.

При воссоздании исследователями приватного мира женщины дворянского или купеческого происхождения в качестве источника нередко выступают письма, которые составляют наиболее обширную часть всего частного эпистолярного наследия дореволюционного периода. Нарботанные подходы имеют универсальное значение и могут быть использованы при анализе других источников этого вида [2; 26]. Важными представляются наблюдения А. В. Беловой о специфике женских писем, заключающейся в эмоциональности, сосредоточенности на собственных переживаниях, что отличает их от мужских писем, ориентированных на описание внешнесобытийного [4, 92].

В то время как «женское письмо» в качестве литературной практики образованных женщин рассматривается в десятках научных работ, женские крестьянские письма остаются малоисследованным предметом из-за ограниченного числа этих источников. В целом крестьянские письма, основной массив которых составляют ходатайства в различного рода инстанции или корреспонденции в местные

<sup>2</sup>Kansallisarkisto, Paavo Ahavan kokoelma (Национальный архив Финляндии, коллекция Пааво Ахавы). К. 11. No. 6. Карельский купец и предприниматель конца XIX – начала XX в. Пааво Ахава (Павел Семенович Афанасьев) родился в 1872 г. в с. Ухта Кемского уезда Архангельской губернии, умер в 1944 г. в г. Хельсинки. Длительное время жил с семьей в г. Куусамо (Финляндия), имел обширные деловые связи. Являлся активным участником карельского национального движения, одним из создателей национально-просветительской организации «Союз беломорских карел» [30].

печатные издания, анализируются прежде всего в плане рассмотрения «диалога народа и власти» [11; 18; 28; 31]. Такие письма отложились в фондах учреждений и организаций. В отличие от них каждое архивное открытие даже нескольких крестьянских частных писем дореволюционной эпохи становится событием для специалистов.

Среди наиболее известных публикаций последнего десятилетия – подготовленный лингвистом Ольгой Йокоямой двухтомник, включающий объемное собрание писем крестьянского семейства Жернаковых, в которых раскрывается динамика повседневной жизни его членов на протяжении более полутора десятилетий конца XIX в. [14]. Письма прокомментированы составителем сборника, а также углубленно проанализированы в гендерном разрезе [13].

В обобщающих исследованиях по истории повседневности как русской, так и карельской крестьянки письма по отмеченным причинам либо не рассматриваются совсем, либо авторы констатируют наличие крайне ограниченного числа источников такого рода и их информационный потенциал [3; 19; 20, 65–66].

### Материалы и методы

Анализируемый документальный комплекс включает письма, отправленные Анной Еремеевой-Ряйхя из с. Вокнаволоок Кемского уезда Архангельской губернии с 10 апреля по 8 ноября 1908 г. Ответные письма мужа из г. Уральска и Темира нами не обнаружены, и неизвестно, сохранились ли они. Тем не менее страницы писем Анны складываются в цельное повествование. Это значительный массив хорошо атрибутированных источников, позволяющих путем их критического осмысления воссоздать цепочку коммуникации. Контекст переписки восстановлен на основе привлечения документов Национального архива Республики Карелия и материалов коллекции Пааво Ахавы в Национальном архиве Финляндии<sup>3</sup>.

Филологи, социологи, антропологи, исследующие эпистолярное наследие, выявили основные формы и жанры писем, функции личной переписки, к числу которых относятся коммуникативная и информационная [22]. В немногочисленных источниковедческих работах, где переписка оказалась в центре внимания, предложены важнейшие методологические принципы и подходы к анализу таких материалов, успешно применяется контент-анализ [17, 142; 31, 1667]. При рассмотрении эпистолярного наследия под углом зрения истории повседневности представляется продуктивным использование наработок специалистов по гендерной лингвистике, немало сделавших для изучения типологии эпистолярного жанра, установления языковых и стилистических особенностей женской речи [13; 25; 33 и др.]. Методически ценными являются подходы социологов, исследующих историю письменной коммуникации и письменной культуры как социокультурный феномен и акцентирующих внимание на социальной функции писем, необходимости учета при этом особенностей личности не только автора, но и адресата [8].

В работе применена комбинация методов. В качестве основного использован анализ структуры писем с выделением тематических блоков-секвенций, их последующим объединением для контент-анализа конкретной проблемы. Вчитывание в текст писем, размышления об обстоятельствах и контекстах их написания, рассмотрение суждений, оценок, эмоций, учет случайного и недосказанного – все эти инструменты обеспечивают необходимое проникновение в источник и выявление ключевых аспектов взаимодействий людей в частной жизни<sup>4</sup>.

Представляется важным осуществлять анализ с учетом гендерного и социального факторов, а при исследовании «бюджета времени» учитывать специфику северокарельского крестьянского календаря, определявшего особенности заня-

<sup>3</sup> Аутентичные тексты писем и другие документы фонда Пааво Ахавы, а также их переводы на русский язык, выполненные Н. А. Пеллинен, были опубликованы в 2017 г. [10]. В дальнейшем ссылки на этот источник будут приводиться в тексте с указанием номера страницы в круглых скобках.

<sup>4</sup> См.: Пушкарева Н. Л. Указ. соч. С. 333, 337.



тий в разное время года. Также привлечены возможности метода case study, в основе которого – микроанализ, предполагающий сужение географической и временной локализации.

### Результаты исследования и их обсуждение

Даже беглое знакомство с письмами Анны Еремеевой-Ряйхя, написанными на финском языке каллиграфическим почерком, показывает, что они принадлежат перу не просто грамотной, но начитанной и литературно одаренной женщины. Анна родилась в 1888 г. в карельском селе Вокнаволок Кемского уезда Архангельской губернии в семье зажиточного крестьянина Егора Кирилловича Титова, занимавшегося торговлей. Семья много лет провела в Великом княжестве Финляндском, но в итоге вернулась на родину. К этому времени Анна, которой исполнилось 12 лет, успела закончить в Финляндии народную школу (с. 20). Она в полной мере владела правилами написания писем, следовала устоявшемуся канону, чему, по всей видимости, способствовали не только знания, приобретенные в финской школе, но и опыт переписки, полученный в родительской семье.

В разлуке с мужем написание писем становится частью обыденности молодой женщины. Анна воспринимает эту новую для себя практику как потребность и «святую обязанность». Она пытается поддерживать непрерывную связь с супругом, создавая «эффект присутствия»: «Буду писать до тех пор, пока не похолодеют мои руки!» (с. 123). Иногда письма составлялись в несколько приемов на протяжении недели, но чаще по воскресеньям, когда в Вокнаволок приходила крестьянская почта и отправлялась назад, в Финляндию<sup>5</sup>, откуда по хорошим дорогам княжества быстро попадала в столицу Российской империи и далее адресату. Анна всякий раз с нетерпением ждала прибытия почтальона в надежде получить письмо, о чем сообщала мужу в образно-фольклорной

стилистике: «Воскресенья я жду всегда, “как новолунья”»<sup>6</sup> (с. 123).

Анализ писем позволил выделить устойчивые элементы их содержания, наличие основных компонентов эпистолярного этикета: обращения, подписи, а также указание даты и места написания. Обращения-приветствия Анны к Василию варьируют. Чаще всего письма начинаются строкой «Мой милый (дорогой, родной, любимый) Валле», где молодая женщина использует для интимного общения с мужем скандинавское имя. Но иногда она обращается и официально-торжественно: «Мой (дорогой) Супруг!» Подписывается Анна по-разному, что также отражает спектр ее настроений и чувств. Она определяет себя как верную и преданную, любящую и родную, скучающую и тоскующую: «Твоя Анна», «Твоя родная Анника», «Скучающая по тебе всегда, ночью и днем, твоя Анника!», «Всем сердцем всегда о тебе тоскующая, твоя Анника».

В письмах содержатся элементы стиля художественной литературы, но преобладает разговорный стиль. Формулы спонтанной устной речи указывают на искренность и порывистость автора. Само-рефлексия, требовательность к себе в отношении и стиля, и содержания текстов присутствуют в ряде посланий: «Ты же простишь свою Анну, что мои письма не всегда получаются хорошо написанными с художественной точки зрения?» (с. 112). Анна прекрасно умеет выражать свои чувства словами. Тем не менее, пытаясь быть более убедительной, в одно из писем она вклеивает изображение изящной женской руки, отправляющей воздушный поцелуй. Такие иллюстрации, растиражированные типографским способом, были востребованы в XIX – начале XX в. при оформлении девичьих альбомов [1, 26].

Искренняя и откровенная в письмах женщина требует взаимности, подчеркивая и свой супружеский статус, и свою любовь, которые возлагают, по ее представлениям, встречные обязательства на мужа: «...я замечаю из твоих писем, что

<sup>5</sup> Жители Беломорской Карелии в годы Первой русской революции самостоятельно организовали движение почты через Финляндию (Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-30. Оп. 3. Д. 17/171. Л. 51–55).

<sup>6</sup> Образное выражение из карельской свадебной песни «Мир ждал новолунья».

они очень короткие, поверхностно написанные. Довольствуюсь, конечно, и ими, но как я была бы счастлива, если бы ты писал откровенно обо всем. Я же все-таки твоя супруга и нежно тебя люблю!» (с. 97). В другой раз Анна, нуждающаяся в эмоциональной поддержке, восклицает: «Больше всего я не люблю холодно написанных, коротких писем» (с. 102).

Каждое письмо строится в виде развернутого монолога, и в каждом незримо присутствует адресат. Если читать послания одно за другим, то можно реконструировать разворачивающийся в них заочный диалог, в котором, как и в живом общении супругов, есть многое: от признаний в любви и слов поддержки до укоров и назиданий. Выразительность языка Анны, ее письменной речи соответствует женской коммуникативной стратегии: тексты изобилуют разного рода восклицаниями, нередко содержат междометия.

Доверительный характер писем, постоянное ощущение автором личности адресата обусловили их эмоциональную раскрепощенность и содержательную свободу. О своих чувствах к Василию и страданиях в разлуке Анна так или иначе говорит в каждом письме. Любовь, разлука, горе, тоска, надежда и вера – вот ключевые слова ее рассуждений о новом этапе в собственной судьбе и в жизни супруга. Такого рода размышления и признания составляют значительную, а порой и подавляющую часть посланий, отражая повседневный круговорот мыслей, коротко выраженных фразой «Подле тебя мои мысли витают» (с. 94). Жизнь Василия на чужбине глубоко тревожит также других членов семьи, и эта тема становится одной из центральных в домашних разговорах, о чем также сообщается в письмах: «...говорим о тебе каждый день» (с. 98).

В заочном диалоге Анна не просто описывает свои дела и делится новостями, но постоянно оценивает себя, размышляет о собственном поведении, поступках<sup>7</sup>. Как любящая женщина она хочет вызвать ответные чувства, выглядеть в глазах мужа лучшим образом, что определяет отбор

информации, в том числе о повседневной жизни. Эту часть эпистолярных текстов можно условно разделить на два основных блока. Первый составляет репрезентация повседневности, тесно связанная с описанием семейных дел, второй – изложение деревенских новостей и событий.

---

Крестьянские письма дореволюционной эпохи – особый источник, приоткрывающий приватную сферу «молчаливого большинства». Бытовая эпистолярная традиция непосредственно связана с грамотностью населения, поэтому частная переписка – редкая практика в культурах, не имевших сколько-нибудь развитой письменной традиции.

---

После ареста мужа Анна возвратилась в отчий дом в с. Вокनावолок, в атмосферу родительской любви и семейного согласия. Все их имущество и товары, закупленные в Финляндии для розничной торговли, остались в с. Ухта, где они с Василием жили вместе со свекром. Женщине пришлось взять на себя ведение торговых дел: возврат товаров, покрытие недостач, расчеты с кредиторами, переписку с поставщиками. На расстоянии было невозможно согласовывать с мужем все вопросы, но Анна уведомляла его о своих решениях и поступках.

Особой темой становятся отношения со свекром, который в отсутствие сына начал притеснять невестку, присвоил землю и другое имущество молодых, потребовал арендной платы за жилье. Анна не приняла такой системы властных отношений, считая необходимым отстаивать свои права, и лишь вмешательство отца в конфликт со свекром заставило ее отступить, смириться и вернуться в родительский дом. О своем решении Анна сообщает мужу с уверенностью в собственной правоте и надеждой на понимание: «Ты же, мой родной, меня не осуждаешь? В противном случае поступаешь все-таки неправильно» (с. 93).

<sup>7</sup> Эмоционально нагруженная часть писем, связанная с выражением любви и сопереживания мужу, заслуживает специального анализа.

Письма позволяют отчасти реконструировать детали обстановки комнат, в которых Анна и Василий жили до разлуки, наличие в интерьере городских вещей: дивана, серванта, комода, угловых столиков, лампы, комнатных цветов, свидетельствующих о проникновении в карельскую деревню городской моды и достаточно высоком уровне благосостояния молодой семьи. Вернувшись в родительский дом, Анна занимает горницу, где жила в детстве. Священным центром этого помещения для нее становится фотография мужа, обращением к которой начинается и заканчивается каждый день: «Высланная тобой фотография на моем столе; целую ее каждый вечер перед тем, как лечь спать, и шепчу: “Спокойной ночи!” И когда утром просыпаюсь, делаю то же самое и произношу: “Доброе утро!” Ах! Это же всего лишь холодная, неживая фотография, но воображение помогает представить, что это настоящий ты» (с. 99); «Я ходила сегодня на поляну и собрала два букета, один себе, но кому второй могла бы подарить? – Тоска наполнила мое сердце! Положила букет к твоему фото, не могла же я иначе поступить» (с. 108).

В разлуке с мужем особое значение приобретают памятные вещи. Анна подчеркивает, что кольцо, подаренное Василием, всегда с ней, как «святая память». От супруга она ждет новых посильных знаков внимания, выраженных в предметах, просит прислать какую-нибудь самую дешевую вещицу, хотя бы что-нибудь, главное, «чтобы оно оттуда пришло» (с. 115).

Анна считает важным сообщить Василию свой новый распорядок времени: «Может, хочешь знать, на что я свое время трачу и чем занимаюсь? Тогда слушай. Утром, когда встаю, то, конечно, одеваюсь и молюсь. Потом помогаю маме с приготовлением еды и с другими утренними делами. Днем, если нет работы во дворе, например пилить или еще что-нибудь, вяжу либо вышиваю. Во второй половине дня читаю какую-нибудь книгу или, чаще, пришедшие от тебя письма. Хожу иногда и в гости, а по воскресеньям – игрища смотреть» (с. 101). Ее «бюджет времени» включает труд, в большей мере выполняе-

мый в первой половине дня, и досуг, подходящий, как правило, на послеполуденное время и вечер.

Трудовые занятия Анны сопряжены с крестьянским календарем, характерным для северной Карелии: на июнь приходились посадка и прополка картофеля, на июль – сенокос, в августе начиналась жатва. В рыбной ловле принимали участие как мужчины, так и женщины, особенно в период нереста кумжи. До начала сельскохозяйственных работ занятием каждого взрослого члена семьи, вне зависимости от пола, была разделка дров.

Труд для автора писем – это не просто способ заполнить время и заглушить боль разлуки с любимым человеком, это – работа с большой буквы. Именно так, уважительно по отношению к самым обычным, а порой и тяжелым занятиям пишет Анна: «Я только что пришла с картофельных грядок, значит – с Работы! Работала очень старательно, появились мозоли на моих маленьких руках. Послушай, я работаю беспрерывно» (с. 98). Работа – это занятие, приносящее радость, особенно коллективный труд: «Работаю усердно. Сегодня были с папой на рыбалке с неводом. Этот рейс был таким веселым» (с. 103); «На рыбную ловлю с неводом хожу каждый вечер. Там весело! На бо- жьих просторах забываются мрачные раздумья. Время и без того проходит весело, ведь у нас всегда есть работа» (с. 108). Здесь очевидно противопоставление увлекательной работы, азарта коллективной рыбной ловли скуке безделья, что служит одним из мотивов такого вида труда. Анна с воодушевлением сообщает и о предстоящем сенокосе: «На следующей неделе на сенокос в Поса отправятся от нас 10 человек, я одиннадцатая. Опять будет весело!» (с. 113). Приведенные цитаты показывают, что эмоциональный фон трудовой деятельности, сопровождавшейся разговорами, песнями и шутками, в значительной мере определял отношение крестьянской молодежи к коллективному труду.

Рукоделию отводилось время, свободное от физической работы. В письмах мужу Анна не считает нужным уделять внимание этому истинно женскому заня-

тию. Лишь однажды сообщает: «...связала тебе очень красивую рубашку», сопровождая эту информацию сокрушениями, что не знает, когда сможет передать ее любимому (с. 98).

Женщина впитала идеалы карельской культуры, ставшие для нее нравственным ориентиром: «...не хочу прослыть ленивой. Это так некрасиво звучит!» (с. 102); «Я осмеливаюсь приниматься, по мере моих сил и возможностей, за какую угодно работу. В этом и заключается честь Карелки!» (с. 109). Четко сформулированный здесь маркер самоидентификации призван подчеркнуть культурное родство с любимым человеком. Почувствовав высокопарность фразы, автор тут же извиняется: «Прости своей Анне манеру письма!» Так в очередной раз отчетливо проявляется женская стратегия саморепрезентации, направленная на получение одобрения и похвалы со стороны мужчины. При этом самокритика избавляет адресата от необходимости высказывать свою отрицательную оценку [23, 270]. Письма насыщены вопросами, в которых отражаются не только тревога о здоровье и самочувствии мужа, о его преданности и верности, но и любопытство, интерес к далекому и неизвестному: «Напиши мне немного об условиях в тех краях. Какой жизнью там живут? Есть ли там счастливые супруги? Есть ли молодежь? Есть ли любовь и браки? Красивый или некрасивый [там] народ?» (с. 117).

В распорядке дня Анны всегда есть место чтению – необходимому и любимому занятию. В поле ее зрения – финские газеты, которые приносят из княжества местные торговцы. Тяга молодой женщины к познанию нового, ее пытливый ум, интерес к книгам в полной мере проявляются в письмах и всегда имеют эмоциональную окрашенность. После перевода Василия из Уральска в Темир, на новое место ссылки, она в отчаянии пишет: «Не нахожу ни на каких картах этого города с названием “Темир”. Десятки раз смотрела. Есть ли он вообще на какой-нибудь карте?» (с. 108). На письмо мужа, написан-

ное в «киргизской палатке», с восторгом откликается, увлеченная образами далекой Азии, о которой знает лишь из прочитанного в детстве, и высказывает мечту о путешествиях, связанных в ее системе ценностей прежде всего с приобретением знаний: «Конечно, и мне хочется немного увидеть мир за пределами родных пригорков. Разумеется, не из-за желания приключений, а для [получения] знаний; знания – вот к чему я стремлюсь. Чувствую и знаю, что я необразованная карелка, поэтому мне хочется на дорогу знаний!» (с. 105). В этих строках отчетливо обозначена мечта Анны – вырваться за пределы окружающей ее обыденности, получить новые впечатления и эмоции, а также понимание ценности образования и стремление к учебе.

В структуре досугового времени карельской женщины присутствуют развлечения. Она забавляется с котенком, иногда сопровождает младшую сестру на сельские игрища. Опасаясь, что муж может неправильно истолковать ее поведение, поясняет: «Других развлечений здесь нет, где можно было бы время скоротать, тоску развеять. Нет даже библиотеки, где можно было бы книгу взять», – вновь подчеркивая значение чтения в своей повседневной жизни (с. 123). Анна упоминает об односельчанине и приятеле ее отца С. Липкине как частом и желанном госте в их доме. Его визиты по вечерам сопровождаются семейными посиделками и пением карельских песен. Любопытно сделанное вскользь замечание: «Кантеле уже давно отдыхает, не могу играть» (с. 102). Оно корректирует распространенное представление о игре на кантеле как традиционно мужском занятии у карел<sup>8</sup> [29, 1131].

Жизнь в родительском доме не принесла Анне полной независимости, хотя она и оказалась в семейной атмосфере любви, а освобождение от части забот восприняла как свободу: «Я в доме моего детства уже два с половиной месяца. Хорошо мне здесь, чувствую себя умиротворенно, никакие заботы меня больше не обременяют. Я свободна, как в девичестве» (с. 94).

<sup>8</sup> На дореволюционных снимках как исполнители на кантеле запечатлены исключительно мужчины.



В принятии всех важных решений главная роль теперь принадлежала отцу, который рядом. Но и с мужем, который далеко, Анна в письмах обсуждала все свои планы. Гендерно детерминированные властные отношения создавали драматическое напряжение в тех случаях, когда речь заходила о возможности покинуть отчий дом. Поводов для этого было два: первый – просьбы мужа приехать к нему, второй – ее собственное желание отправиться на учебу в Финляндию. Оба повода влекли за собой сложные коллизии, раскрывая внутрисемейную субординацию, столкновение традиционного и нового в патриархальной семье в условиях растущей женской эмансипации. Рассмотрим их последовательно.

В первых же письмах мужу Анна отвергает предложение приехать к нему в ссылку: «Нет, мой милый, этого я не сделаю! Я не поеду одна в неизвестные края. Это было бы слишком смело, опасно. Лучше буду коротать свое время здесь, в моей Карелии. Хотя и жжет мое сердце тоска [о тебе]» (с. 92). Послереволюционная Россия представлялась женщине недружелюбной страной, к тому же она плохо владела русским языком и осознавала связанные с этим трудности путешествия. Но, оценивая отношение адресата, предполагая возражения с его стороны и желая смягчить реакцию, далее в том же письме Анна противоречит сказанному: «Все же можешь, мой милый, распоряжаться, как считаешь нужным. Я с удовольствием исполню твои пожелания» (с. 92). Тот же прием она использует и в дальнейшем: аргументированно оспаривая мнение мужа, подчеркивает силу его власти над собой. В очередной раз отказываясь ехать, обосновывает собственные страхи так: «...ужасное чувство охватывает мое сердце, когда думаю, что нужно ехать в среду Русских, когда мир бурлит повсюду, как огненное море» (с. 124). При этом молодая карелка то и дело воспроизводит в письмах усвоенное ею нормативное представление о взаимоотношениях мужа и жены: «Твой совет для меня Закон» (с. 92), подчеркивая

местоимение «твой» и используя заглавную букву для слова «закон»<sup>9</sup>.

Подобная артикуляция отражает гендерную пропозицию и говорит о взглядах не столько самой девушки, сколько ее супруга, известных ей из предшествующего опыта. Противоречивые суждения Анны также инспирированы желаниями близких людей – просьбой мужа приехать к нему и неготовностью отца отпустить дочь в опасную поездку. Поиск компромисса начался после получения от Василия известия об опасной болезни. Осознание греховности отказа на просьбу больного мужа для православной женщины имело решающее значение. Анна с помощью отца искала сопровождающего для поездки, собирала информацию о лекарствах, обдумывала, какие продукты важно взять с собой. Весть о смерти супруга поставила точку в этом вопросе.

Со своей стороны, Анна настойчиво просит мужа разрешить ей продолжить образование на курсах в народном училище в Финляндии. Она и прежде выражала желание поехать на учебу в Сортавальскую учительскую семинарию, но Василий не хотел на долгое время оставаться один, и это было понятным и весомым аргументом. Теперь, оказавшись в одиночестве, Анна считает возможным рассчитывать на его понимание, при этом в письмах старается быть убедительной и немногословной: «Но если я отправлюсь в народное училище, от этого все-таки будет польза в жизни. Здесь я не могу всю зиму без дела сидеть. Умру от тоски. Если согласишься, в сентябре поеду» (с. 103).

Движимая мечтой, в следующих письмах молодая женщина возвращается к теме, пытается так или иначе добиться своего. Ее тактикой становится использование широкого арсенала средств воздействия – от мольбы до скрытой угрозы: «Согласишься на мою просьбу или не согласишься – это в твоей власти. Согласись, мой дорогой, на мою просьбу, и за это буду тебе всю жизнь благодарна» (с. 105). Однажды она делает красноречивую оговорку, осторожно вписывая соб-

<sup>9</sup> Фраза встречается в другом письме в несколько ином варианте: «Твое слово для меня закон» (с. 115).



ственный интерес в систему патриархальных отношений: «Ты можешь принимать решения обо всем так, как считаешь нужным. Но решай таким образом, чтобы мне не пришлось погибнуть от тоски!» (с. 95–96). В другом случае ее предостережения мужу звучат более решительно: «Делай все-таки, как считаешь наиболее правильным, но подумай сначала хорошо, чтобы не пришлось потом жалеть!» (с. 107).

Особенности женской коммуникативной стратегии, которую лингвисты иногда определяют в категории гендерлекта, или слабого языка (*powerless language*), т. е. языка подчиненной социальной группы [9; 16; 24; 27], здесь проявляются амбивалентно: выражая собственное желание в виде просьбы, молодая женщина, с одной стороны, осознает свое подчиненное положение, а с другой – внутренне протестует против необходимости подчиняться. В обоих рассмотренных случаях, когда речь идет о планах покинуть родительский дом, желание женщины звучит и обсуждается, что отражает местную гендерную норму [13, 150]. Однако самые близкие мужчины – отец и муж – принимают решение за Анну: остаться дома.

Повседневная жизнь деревни и округа в письмах представлена фрагментарно. Автор отмечает выходящее за пределы обыденности: упоминаются праздник Троицы и Маковей, свадьбы, рождения детей, похороны и выдающиеся события. К числу последних относится информация уездного и волостного масштаба – упоминание о приезде губернатора и визитах других должностных лиц, об открытии в Ухте кожевенного завода и планах по строительству дороги. Изредка появляются новости из Финляндии, связанные с жизнью земляков, местных корабельников.

Гораздо большее место в посланиях отводится описаниям природы – источнику эстетических переживаний и патриотических чувств: «Красива сейчас наша Карелия. Она теперь оделась в свой зеленый праздничный наряд! Красива природа Карелии! Я бы не променяла родные песчаные отмели, озера с тысячами островов, по которым мчатся десятки белопарусных лодок, ни на какие сокровища мира»

(с. 99); «Свой Вокнаволок я не поменяю на величественнейший город мира!» (с. 110). Восхищаясь красотой родного края, Анна подспудно использует объединяющий их с Василием патриотический мотив. При этом восклицательные предложения, которыми изобилуют письма, призваны не только описать собственные переживания, но и вызвать ответные чувства.

---

В то время как «женское письмо» в качестве литературной практики образованных женщин рассматривается в десятках научных работ, женские крестьянские письма остаются малоисследованным предметом из-за ограниченного числа этих источников. В целом крестьянские письма, основной массив которых составляют ходатайства в различного рода инстанции или корреспонденции в местные печатные издания, анализируются прежде всего в плане рассмотрения «диалога народа и власти».

---

Представления Анны о личном счастье тесно связаны с борьбой за счастье любимой Карелии: «Оставайся, мой Валле, тверд в своих убеждениях. Ни минуты не сомневайся, что борешься за правое дело! Это благородно, это свято! Страдание без вины – это не тяжело» (с. 95); «Мы молоды, и, значит, нельзя нам этой грусти поддаваться! Мы нужны обществу и нашей красивой Карелии!» (с. 106); «Я уверена в том, что нигде нет такой золотой жизни, как в нашей Карелии! Только сейчас хорошо узнала, что для меня моя родная земля, только сейчас, когда мне пришлось пожертвовать для Карелии самым дорогим, что у меня есть!» (с. 108).

Моральный кодекс автора выражен в словах «не унижить себя ничем предосудительным перед лицом Создателя и людей», какие бы трудности ни пришлось испытать (с. 107). Анна религиозна, и дискурс ее письма проникнут христианским идеалом женственности. На вере как объединяющем основании в значительной мере строится коммуникация супругов. В своих

рассуждениях женщина часто уповает на Бога, просит и мужа надеяться на помощь Всевышнего. Когда от Василия приходят письма, раскрывающие тяжесть условий и обстановки, в которых ему приходится жить в ссылке, содержащие тревожные мысли о будущем, Анна утешает его и пишет о своей готовности жить вдвоем «хоть на голой скале»: «Ни ты, ни я не привыкли жить в блеске, бесполезной изысканности мира. Что может быть самое дорогое у человека, у нас есть. Вера в Бога. И тогда человек не может быть несчастен!» (с. 110).

Известие о смерти Василия пришло от его товарища по ссылке. В ответном письме, датированном 13 декабря 1908 г., Анна пишет, что предыдущие испытания подготовили ее к этому страшному несчастью. Ее вера вновь становится незаменимой опорой в жизни: «Спасибо Господу, что мой супруг умер в ладу с Ним. Значит, есть большая надежда, что мы еще сможем встретиться [с Василием]. Нам только нужно иметь наготове входные билеты, которые выписаны верой в Христа» (с. 128).

### Заключение

Письма Анны Еремеевой-Ряйхя являются исключительно важным источником для изучения как истории крестьянской повседневной жизни, так и культуры общения карельской семьи. Они показывают тот вариант сельского образа жизни, который определялся довольно высоким материальным уровнем семьи торгующего крестьянина, протобуржуа. Эти тексты выводят карельскую женщину в зону видимости, позволяют не только услышать «голос», но и постичь ее исповедный опыт.

В эпистолярном отражении, наполненном культурой традиции, с разной степенью подробностей представлены различные стороны крестьянской повседневной жизни – индивидуальной женской, семейной, деревенской. Ежедневные работы и заботы, материальное положение семьи, досуговое и праздничное время, деревенские события и происшествия чаще всего служат фоном для изложения мыслей и переживаний автора, занимающих центральное место в письмах.

Проанализированные эго-источники дают понимание роли не только рациональной, но и эмоциональной составляющей процесса заочного общения. Адресованные любимому человеку, оказавшемуся на далекой чужбине, письма эмоциональны, порой экспрессивны, в них раскрываются личный опыт переживания, спектр чувств молодой карельской женщины. Послания содержат дискурсивные маркеры, передающие особенности женского письма, – восклицательные предложения, ласкательные формы обращений, междометия, извинения, участливые и эмпатические выражения. В них отражается и такая особенность женской коммуникации, как многочисленные вопросы адресату [24, 45].

Анна Еремеева-Ряйхя, получившая образование лишь в пределах финской народной школы, предстает как мыслящая, тонкая натура, рефлексирующая по поводу социальных и религиозных вопросов, которые были в круге ее внимания и стали предметом, предлагаемым для обсуждения мужу.

Стремясь поддержать супруга, Анна эмоционально пишет как об обыденном, так и о возвышенном. Сквозными мотивами, подчеркивающими духовное родство с мужем, становятся локальный патриотизм, любовь к Карелии, вера в Бога. В письмах проявляется значимость невербальной составляющей в выстраивании женских стратегий общения. Знаки памяти и связи – фотографии, присланные мужем письма, а также надежда получить какой-нибудь самый простой предмет «оттуда» – несут смысловую и эмоциональную нагрузку, наделяются функцией посредников в супружеском заочном взаимодействии.

Желание предложить интересную информацию, вызвать эмоциональный отклик, предстать перед супругом в лучшем виде определяло отбор тем для обсуждения в письмах. Однако сама жизнь заставляла обращаться к острым и противоречивым сюжетам, среди которых оказались вопросы о поездке Анны к мужу и ее учебе в Финляндии. Осознавая свое подчиненное положение в семье и формально

принимая патриархальные нормы, Анна внутренне готова их нарушить, бросить вызов гендерному порядку собственной культуры, что говорит о вызревании в повседневной жизни запроса на эмансипацию и постепенном расшатывании традиционных устоев в карельской деревне.

Саморепрезентация, создание «автопортрета», осуществляется в рамках повседневности, в которой многое достойно описания. В этом плане коммуникативные стратегии карельской крестьянки соотносимы с практиками русских дворянок, по поводу которых исследовательница гендерной истории А. В. Белова замечает: «...родственный круг и его влияние на частную жизнь дворянки, ее физическое и душевное самочувствие, радости и го-

рести, будни и праздники – все подлежало подробнейшему описанию и осмыслению» [5, 182].

Таким образом, соотношение и взаимосвязь сословного, гендерного и этнокультурного порядка, их отражение в эго-источниках являются перспективным вопросом для дальнейших исследований. «Голос» карельской крестьянки, сохранившийся в письмах, вне всякого сомнения, релевантен для интерпретации историко-культурного контекста, изменений женской обыденности начала XX в. и способен расширить представления о приватном пространстве самого крупного сословия России, что представляется плодотворным для развития антропологически ориентированной социальной истории.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипова Н. Г. Рукописные девичьи альбомы: жанрово-тематическое своеобразие // Слово: фольклор.-диалектол. альм.: материалы науч. экспедиций. Благовещенск, 2006. Вып. 4. С. 26–32. URL: <https://slovo.amursu.ru/upload/slovo/04/01/04.pdf> (дата обращения: 07.07.2021).
2. Банникова Е. В. Повседневность дореформенного провинциального купечества на страницах частной переписки вятских купцов Морозовых // Документы личного происхождения в теории и практике научных исследований: материалы Всерос. науч. конф. Тверь, 2014. С. 35–41.
3. Безгин В. Б. «На миру» и в семье: русская крестьянка конца XIX – начала XX века: моногр. Тамбов: РГНФ, ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2015. 192 с.
4. Белова А. В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97.
5. Белова А. В. Женская эпистолярная культура в России на рубеже XVIII–XIX и XX–XXI веков // Культура и текст. 2016. № 2. С. 167–185.
6. Белова А. В. Концепт «женская повседневность» в контексте истории повседневности: гендерная чувствительность новой социальной истории // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности. М., 2019. С. 39–48.
7. Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. Хельсинки; СПб.: Норма, 2006. 384 с.
8. Гофман А. Б. Письма классиков: значение эпистолярного жанра в истории социологии // Вторые Давыдовские чтения: сб. науч. докл. симп. М., 2014. С. 217–236.
9. Егорова О. А. К вопросу о гендерной маркированности речевого поведения // Филологические науки в МГИМО: сб. науч. тр. М., 2010. № 42. С. 14–20.
10. Еремеевы-Ряйхя: человек, семья, политика в карельском пограничье начала XX века. Исследование. Документы. Материалы = Jeremejev-Räihä: ihminen, perhe ja politiikka Karjalan raja-alueella 1900-luvun alussa. Tutkielma. Asiakirjat. Aineistot / науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. 363 с.
11. Зверева К. Е., Зверев В. А. Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в русской деревне конца XIX – начала XX века. Новосибирск: НГПУ, 2013. 237 с.
12. Илюха О. П., Пеллинен Н. А. От карельских озер до киргизских степей: путевой дневник-воспоминания политического ссыльного Василия Еремеева-Ряйхя (1907–1908 гг.) // Петербургский исторический журнал. 2016. № 4. С. 190–211. DOI: 10.51255/2311-603X-2016-00073.
13. Йокояма О. Б. Гендер в письмах русских крестьян XIX века // Конструкты нацио-

- нальной идентичности в русской культуре: вторая половина XIX столетия – Серебряный век: материалы конф. М., 2011. С. 141–152.
14. Йокояма О. Б. Письма русских крестьян: тексты и контексты: в 2 т. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 1–2.
  15. Кабанова С. В. Формирование документов личного происхождения во второй половине XIX – нач. XX веков: понятие и виды // 10 корпус. 2019. № 5. С. 43–48.
  16. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М.: РОССПЭН, 2004. 250 с.
  17. Кобак И. В. Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2012. Вып. 2. С. 142–148.
  18. Литвин Ю. В. Имущественные права карельской крестьянки во второй половине XIX – начале XX века: традиция, закон и правоприменительная практика (по материалам Олонецкой губернии) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2011. № 6. С. 133–138.
  19. Литвин Ю. В. Конфликтная сторона семейной повседневности в зеркале архивного источника: гендерный аспект (на материалах Национального архива Республики Карелия) // Культура повседневности карельской семьи (конец XIX – первая треть XX в.). Исследования. Материалы. Документы. Петрозаводск, 2014. С. 333–348.
  20. Мухина З. З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 736 с.
  21. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. «История повседневности» в современном историческом исследовании // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности. М., 2019. С. 239–248.
  22. Степанова И. Н. Частная переписка как жанр и форма человеческого существования // Вестник Курганского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 95–98.
  23. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семанти-ческий, прагматический, грамматический анализ: моногр. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.
  24. Шаров К. С. Мужчины и женщины в вербальной коммуникации: проблема гендерлекта // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 38–51.
  25. Belova A. Women's Letters and Russian Noble Culture of the Late 18th and Early 19th Centuries // Women and Gender in 18th-Century Russia. Aldershot, 2003. P. 147–161.
  26. Gender and Conversational Interaction / ed. by D. Tannen. New York: Oxford University Press, 1993. 327 p.
  27. Gender and Sexuality in Russian Civilization / ed. by P. I. Barta. London; New York: Routledge, 2001. 368 p.
  28. Nakhimovsky A. Крестьянский язык и революция. Письма во власть до и после 1917 года // Revue des études slaves. 2017. Vol. 88, no. 1/2. P. 113–134. <https://doi.org/10.4000/res.942>.
  29. Niemi A. R. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1921. 1183 s.
  30. Paavo Ahava – karjalaisuuden uranuurtaja Kuusamon kulmilla // Karjalan Heimo. 1988. No. 3–4. S. 44–45.
  31. Putilina Yu. V., Cherepanova V. N., Filipova I. A., Molchanova V. S. “Resettlement Fact” – As Seen by the Eyes of Peasants (adapted from Peasants' Letters): Latter half of XIX – early XX centuries // Bylye Gody. 2018. Vol. 50, no. 4. S. 1666–1673. <https://doi.org/10.13187/bg.2018.4.1666>.
  32. Ranta R. Vienan Karjalaisten Liitto ja rajantakainen koulukysymys 1906–10 // Rajamailla IV. 1997. Rovaniemi, 1998. S. 111–145.
  33. Tafel K. Russische Sprache und Sexus // Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen. Wiesbaden, 1999. S. 499–525.
  34. Vituhnovskaja-Kauppalä M. Itäkarjalaisten kansallinen identiteetti ennen ja jälkeen lokakuun vallankumouksen // Rajalla halkaistu kansa. Karjalaisten kansallisidentiteetin, uskonnon ja kielen kehitys 1800-luvun alusta nykypäiviin: artikkelikokoelma. Joensuu; Petroskoi, 2011. S. 156–172.

Поступила 12.08.2021; одобрена 30.08.2021; принята 06.09.2021.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**О. П. Илюха** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, [ilyukha.olga@mail.ru](mailto:ilyukha.olga@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-1672-5925>





## Female everyday life in letters by a Karelian peasant woman of the early XX century

Olga P. Ilyukha

*Institute of Linguistics, Literature and History,  
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,  
Petrozavodsk, Russia*

**Introduction.** The article reports the results of an analysis of the letters written by a peasant early in the XX century, found in the National Archives of Finland, which are a rare-type of historical source. Their author is a twenty-year-old peasant Anna Ereemeva-Räikha, who wrote them to her husband exiled to North Kazakhstan. The relevance of the study is defined by high interest to epistolary cultural heritage, where a special place is given to the letters of Russian's different ethnic groups, and also by attention paid to the history of everyday life.

**Materials and Methods.** The principal method was analysis of the structure of the letters, including identification of thematic block sequences and their subsequent clustering for the analysis of specific issues.

**Results and Discussion.** The article explicates the substantive dimension of the letters, which reflects the sphere of interests of their author, and looks into the descriptions of women's daily routines and the life of the Karelian family. It highlights the range of covered subjects and outlines the topics showing the routines and the behavioral practices of a peasant woman, her ways of adapting to the new circumstances after the husband's arrest. The specific jobs and occupations are aligned with the farming calendar of northern Karelia. Features of the author's self-presentation, ways of structuring and drawing up the texts are demonstrated. The study illustrates the range of topics and emotions rooted in the gender factor, and the diversity of their expression.

**Conclusion.** The letters disclose the system of moral values of a Karelian woman, the Christian ideal of family relationships, special features of professional motivations. The "voice" of a Karelian peasant woman retained in these letters is a relevant source for studying the alteration of women's everyday life early in the XX century and it allows talking about the maturing demand for emancipation in everyday life and gradual loosening of the traditional gender order in the Karelian village.

**Keywords:** Karelian culture, ethnic history of Russia, history of everyday life, gender, epistolary heritage

**Acknowledgments:** The article was prepared under state assignment of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

**For citation:** Ilyukha OP. Female everyday life in letters by a Karelian peasant woman of the early XX century. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;4:379–393. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.379-393.

## REFERENCES

1. Arkhipova NG. Handwritten girls' albums: genre-thematic originality. *Slovo: fol'klor-dialektol. al'm.: materialy nauch. ekspeditsii* = Word. Folklore and dialectological almanac. Materials of scientific expeditions. 2006;4:26–32. URL: <https://slovo.amur-su.ru/upload/slovo/04/01/04.pdf> (accessed 07.07.2021). (In Russ.).
2. Bannikova EV. The daily routine of the pre-reform provincial merchants on the pages of the private correspondence of the Morolev merchants. *Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniia v teorii i praktike nauchnykh issledovaniï: materialy Vseros. nauch. konf.* = Documents of personal origin in the theory and practice of scientific research. Materials of the All-Russian scientific conference. Tver; 2014:35–41. (In Russ.).
3. Bezgin VB. "In the world" and in the family: a Russian peasant woman of the late XIX – early XX century. Tambov; 2015. (In Russ.).
4. Belova AV. Women's everyday life as a subject of everyday history. *Etnograficheskoe obozrenie* = Ethnographic Review. 2006;4:85–97. (In Russ.).
5. Belova AV. Women's epistolary culture in Russia at the turn of the XVIII–XIX and XX–XXI centuries. *Kul'tura i tekst* = Culture and text. 2016;2:167–185. (In Russ.).
6. Belova AV. The concept of "women's everyday life" in the context of the history of everyday life: gender sensitivity of the new social history. *Gender v fokuse antropologii, etnografii sem'i i sotsial'noi istorii povsednevnosti* = Gender in the focus of anthropology, family ethnography and social



- history of everyday life. Moscow; 2019:39–48. (In Russ.).
7. Vitukhnovskaia MA. Russian Karelia and the Karelians in the imperial politics of Russia, 1905–1917. Helsinki; Saint-Petersburg; 2006. (In Russ.).
8. Gofman AB. Letters of the classics: the significance of the epistolary genre in the history of sociology. *Vtorye Davydovskie chteniia: sb. nauch. dokl. simp.* = Second Davydov Readings. Collection of scientific reports of the symposium. Moscow; 2014:217–236. (In Russ.).
9. Egorova OA. On the issue of gender marking of speech behavior. *Filologicheskie nauki v MGIMO: sb. nauch. tr.* = Philological sciences at MGIMO. Collection of scientific papers. 2010;42:14–20. (In Russ.).
10. Iliukha OP, ed. Ereemeys-Räikha: man, family, politics in the Karelian borderlands of the early XX century. Study. The documents. Materials = Jeremejev-Räihä: ihminen, perhe ja politiikka Karjalan raja-alueella 1900-luvun alussa. Tutkielma. Asiakirjat. Aineistot. Petrozavodsk; 2017. (In Russ. and Finn.).
11. Zvereva KE, Zverev VA. How Siberia learned to read: school, literacy and books in a Russian village in the late XIX – early XX century. Novosibirsk; 2013. (In Russ.).
12. Iliukha OP, Pellinen NA. From Karelian lakes to Kyrgyz steppes: travel diary-memoirs of the political exiled Vasily Yermeyev-Räikh (1907–1908). *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* = Petersburg historical journal. 2016;4:190–211. (In Russ.). DOI: 10.51255/2311-603X-2016-00073.
13. Iokoiama OB. Gender in the letters of Russian peasants of the XIX century. *Konstrukty natsional'noi identichnosti v russkoi kul'ture: vtoraiia polovina XIX stoletia – Serebrianyi vek: materialy konf.* = Constructs of national identity in Russian culture: the second half of the XIX century – the Silver Age. Conference materials. Moscow; 2011:141–152. (In Russ.).
14. Iokoiama OB. Letters from Russian peasants. Texts and contexts. Moscow; 2014:1–2. (In Russ.).
15. Kabanova SV. Formation of documents of personal origin in the second half of the XIX– early XX century: concept and types. *10 korpus* = 10 building. 2019;5:43–48. (In Russ.).
16. Kirilina AV. Gender Studies in Linguistics and Communication Theory. Moscow; 2004. (In Russ.).
17. Kobak IV. Letters as a historical source: the problems and methods of study. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* = Bulletin of Saint-Petersburg University. 2012;2:2:142–148. (In Russ.).
18. Litvin IuV. Property rights of a Karelian peasant woman in the second half of the XIX – early XX century: tradition, law and law enforcement practice (based on materials from the Olonets province). *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* = Proceedings of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences. 2011;6:133–138. (In Russ.).
19. Litvin IuV. The conflict side of family everyday life in the mirror of an archival source: gender aspect (based on materials from the National archive of the Republic of Karelia). *Kul'tura povsednevnosti karel'skoi sem'i (konets XIX – pervaiia tret' XX v.). Issledovaniia. Materialy. Dokumenty* = The culture of everyday life of the Karelian family (late XIX – first third of the XX century). Research. Materials. The documents. Petrozavodsk; 2014:333–348. (In Russ.).
20. Mukhina ZZ. Russian peasant woman in the post-reform period (second half of the XIX – early XX century). Saint-Petersburg; 2018. (In Russ.).
21. Pushkareva NL, Liubichankovskii SV. “The history of everyday life” in modern historical research. *Gender v fokuse antropologii, etnografii sem'i i sotsial'noi istorii povsednevnosti* = Gender in the focus of anthropology, family ethnography and social history of everyday life. Moscow; 2019:239–248. (In Russ.).
22. Stepanova IN. Private correspondence as a genre and form of human existence. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* = Bulletin of the Kurgan State University. Series: Humanities. 2012;4:95–98. (In Russ.).
23. Trofimova NA. Expressive speech acts in dialogical discourse. Semantic, pragmatic, grammatical analysis. Monograph. Saint-Petersburg; 2008. (In Russ.).
24. Sharov KS. Men and women in verbal communication: the problem of gender. *Voprosy filosofii* = Philosophy questions. 2012;7:38–51. (In Russ.).
25. Belova A. Women's Letters and Russian Noble Culture of the Late 18th and Early 19th Centuries. *Women and Gender in 18th-Century Russia*. Aldershot; 2003:147–161.
26. Tannen D, ed. Gender and Conversational Interaction. New York; 1993.
27. Barta PI, ed. Gender and Sexuality in Russian Civilisation. London; New York; 2001.
28. Nakhimovsky A. Peasant language and revolution. Letters to power before and after 1917. *Revue des études slaves*. 2017;88;1/2:113–134. <https://doi.org/10.4000/res.942>.
29. Niemi AR. Vienan läänin runonlaulajat jä tiettäjät. Helsinki; 1921.
30. Paavo Ahava – karjalaisuuden uranuurtaja Kuusamon kulmilla. *Karjalan Heimo*. 1988;3–4:44–45.
31. Putilina YuV, Cherepanova VN, Filipova IA, Molchanova VS. “Resettlement Fact” – As Seen by the Eyes of Peasants

- (adapted from Peasants' Letters): Latter half of XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 2018;50;4:1666–1673. <https://doi.org/10.13187/bg.2018.4.1666>.
32. Ranta R. Vienan Karjalaisten Liitto ja rajantakainen koulukysymys 1906–10. *Rajamailla IV*. 1997. Rovaniemi; 1998:111–145.
  33. Tafel K. Russische Sprache und Sexus. *Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen*. Wiesbaden; 1999:499–525.
  34. Vituhnovskaja-Kauppala M. Itäkarjalaisten kansallinen identiteetti ennen ja jälkeen lokakuun vallankumouksen. *Rajalla halkaistu kansa. Karjalaisten kansallisidentiteetin, uskonnon ja kielen kehitys 1800-luvun alusta nykypäiviin: artikkelikokoelma*. Joensuu; Petroskoi; 2011:156–172.

Submitted 12.08.2021; reviewing 30.08.2021; accepted 06.09.2021.

---

### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

---

**O. P. Ilyukha** – Doctor of History, Lead Research Fellow, Department of History, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, [ilyukha.olga@mail.ru](mailto:ilyukha.olga@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-1672-5925>



## Посуда и утварь в обрядах жертвоприношений у закамских удмуртов (утилитарные и знаковые функции)

**Татьяна Гильнихметовна Миннихметова**

*Инсбрукский университет,*

*Инсбрук, Австрия*

**Ранус Рафикович Садиков**

*Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева*

*Уфимского федерального исследовательского центра РАН,*

*Уфа, Россия*

**Введение.** Статья посвящена рассмотрению состава и функций посуды и утвари, используемых в ходе обрядов жертвоприношений у закамских удмуртов-«язычников», проживающих в Республике Башкортостан и Пермском крае. Подобное исследование с использованием обширного полевого и архивного материала проведено впервые.

**Материалы и методы.** Материалом для исследования послужили опубликованные и архивные источники, а также этнографические сведения, собранные авторами в ходе многолетних полевых исследований. Анализ материалов осуществлен посредством сравнительно-исторического и сравнительно-сопоставительного методов.

**Результаты исследования и их обсуждение.** В предметном мире удмуртских жертвоприношений своеобразное место занимают посуда и утварь, без которых невозможен сам обрядовый процесс, предполагающий приготовление еды и совместную трапезу. Посуда (котлы, корыта, ведра, чаши, ложки, ковши и т. п.) используется в основном по утилитарному назначению (варка, хранение, транспортировка и употребление в пищу продуктов и т. д.), но включение в ритуальный процесс наделяет ее также знаковыми, символическими, функциями.

**Заключение.** Посуда и утварь на жертвоприношениях закамских удмуртов до сих пор наделяются высоким сакральным статусом. Количество, состав и способы использования ритуальной посуды остались традиционными, но изменились их форма, материал и способ изготовления. Как и раньше, помимо применения в утилитарных целях эти предметы наделяются многими знаковыми функциями.

**Ключевые слова:** обрядовая посуда, жертвоприношения, утилитарная и знаковая функции, закамские удмурты

**Благодарности:** Р. Р. Садиковым исследование выполнено в рамках государственного задания № АААА-А21-121012290086-0 ИЭИ УФИЦ РАН на 2021–2023 гг.

**Для цитирования:** Миннихметова Т. Г., Садиков Р. Р. Посуда и утварь в обрядах жертвоприношений у закамских удмуртов (утилитарные и знаковые функции) // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 4. С. 394–404. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.394-404.

### Введение

Человеку свойственно организовывать пространство вокруг себя вплоть до мелочей; созданный им порядок встраивается в цепочку вещей и событий, и отсутствие даже одного звена нарушает ее целостность. К таким «мелочам» относится и посуда, без которой немислимо существование в наше время. Неслучайно в исследованиях истории развития культур уделяется пристальное внимание способам изготовления и использования различных типов посуды и утвари. Эти предметы заняли определенное место и в обрядовой культуре народов. Согласно археоло-

гическим данным, абсолютное большинство древней посуды сохранилось именно в культовых и погребальных комплексах. Своеобразное место посуда занимает также в обрядовой жизни удмуртов: вовлечение в ритуальные действия «выводит вещь на совершенно иной уровень – отличный от бытового уровня, определяемого утилитарными функциями предметов» [5, 35], в связи с чем она становится сакральной, приобретая символическое значение.

В статье предпринят сравнительно-исторический анализ функций посуды и утвари (*восьын кутіськон саут, тусьты-пуньы*),

используемых в общественных жертвоприношениях (*вось/восьяськон/куриськон*) закамских удмуртов, проживающих в Республике Башкортостан (РБ) и Пермском крае, избежавших крещения и сохранивших приверженность этнической религии. По мнению одного из видных представителей семиотического направления в этнологии А. К. Байбурина, значимость вещей в архаических и традиционных культурах была существенно выше современной: «...вещи были “задействованы” не только в практическом отношении, но и активно использовались в игре смыслов наряду с другими элементами культуры, и использовались не только по своему прямому назначению, но и как знаки социальных отношений», «при вхождении в некоторую семиотическую систему (например, в ритуал) они функционируют как знаки, а при выпадении из системы – как вещи» [2, 70–71]. Исследователь полагает, что «“стирание” смысла все-таки неизбежно происходило... С учетом этого процесса общество выделяло ядерные фрагменты памяти (наиболее ценный, с точки зрения этого общества, опыт) и осуществляло особый контроль над их сохранностью с помощью ритуала» [1, 11]. Бесспорно, именно в обрядовом процессе улавливается символическая сущность многих прикладных вещей.

### Обзор литературы

Культовая практика закамских удмуртов, как и ее материальное обеспечение, в последнее время стала предметом пристального внимания российских и зарубежных этнографов и антропологов [8; 10; 14–19]. Данная работа является продолжением исследований в этом направлении.

### Материалы и методы

Материалом для исследования послужили опубликованные и архивные источники, а также этнографические сведения, собранные авторами в ходе многолетних полевых исследований. Анализ материалов осуществлен посредством сравнительно-исторического и сравнительно-сопоставительного методов. В статье учтены теоретические подходы семиотического направления в этнологии.

Известно, что у каждого обряда имеются соответствующие только ему атрибуты, используемые при его подготовке и проведении. По замечанию Л. С. Христолюбовой, бытовые предметы утилитарного назначения, включенные в обрядовое действие, приобретают символическое значение. Они указывают на содержание обряда, объединяют совокупность его участников, являются атрибутами действующих лиц, предохраняют и очищают совершающее действие, служат фоном и декорацией для исполнения обрядов. Один и тот же предмет в разных обрядах может иметь различные смыслы. Информация, заключенная в обрядовом предмете, прочитывается в контексте обряда, но в большинстве случаев исполнители не стремятся к раскрытию смысла совершаемых действий, довольствуясь «осознанием того, что так делали старики, что так принято» [12, 171].

Для приготовления и употребления ритуальной еды, транспортировки и хранения воды, складывания продуктов во время жертвоприношений используется множество посуды разных типов. В первую очередь для приготовления еды необходима огнестойкая емкость. Трудно указать конкретное время появления посуды из металла в регионе проживания удмуртов; «в эпоху средневековья металлическая посуда была здесь явлением исключительным. Тысячелетние традиции изготовления медно-бронзовых изделий у народов, населявших эти края, не распространялись на посуду. Она была глиняной, деревянной, изготавливалась из бересты, луба, кожи, но не из металла» [7, 4]. Со временем среди местного населения широко распространились чугунные изделия. По мнению ученых, чугунная посуда у удмуртов начала использоваться во второй половине XIX в. [11, 162]. Котлы, изготовленные из данного материала, вероятно, нашли применение также в культовой практике. Ранее в этих целях использовались скорее всего медные и серебряные котлы [13, 186–187]. В настоя-

щее время к наиболее значимой посуде в удмуртских обрядах-жертвоприношениях также следует отнести чугунный котел *пурты*, предназначенный для варки мяса и каши.

Количество используемых в обряде котлов обычно зависело от числа жертвенных животных или участвующих в молении деревень. Об этом свидетельствуют записи побывавших на удмуртских обрядах ученых. Посетивший в 1884 г. место жертвоприношения *восьяскон инты* в д. Большой Качак Бирского уезда Уфимской губернии финский этнограф А. Хейкель в описании обряда указал, что обнаружил там пять кострищ, расположенных в одном ряду, с обеих сторон каждого очага были воткнуты короткие деревянные колья, рядом находились длинные жерди, служившие перекладиной для подвешивания котлов<sup>1</sup>. В 1894 г. в той же деревне на молении *мер вось* ('моление миром') присутствовал другой финский исследователь, Ю. Вихманн. По его свидетельству, «участвовало на празднике 4 деревни, но жрецов было 5, т. к. в этой большой деревне 2 жреца. Жертвенных животных тоже 5. На огороженном месте дымились 5 котлов, [расположенных] по ряду, в парах саженей друг от друга. 1 котел и один жрец для каждого жертвенного животного»<sup>2</sup>.

В 1911 г. во время экспедиции в Пермскую и Уфимскую губернии финский религиовед У. Хольмберг посетил несколько обрядов удмуртов. Как отметил исследователь, мясо жертвенного животного при деревенском молении варится в нескольких котлах: «...необходимо соблюдать правило, согласно которому самые важные органы жертвенного животного – сердце, печень, кусочек легких, первое с правой стороны ребро и т. д. – следует варить в

отдельном котле, т. к. они составляют самую ценную часть жертвы. Все остальное мясо варят отдельно, в одном или нескольких котлах – в зависимости от размера животного» [6, 94]. Согласно его же данным, мясо жертвы, посвященной божеству земли *Му-Кылчин*, варится отдельно и не смешивается с подношениями для небесных божеств<sup>3</sup>.

Другие источники также указывают, что котлы устанавливали на козлах или тагах<sup>4</sup>, либо, судя по фотографиям У. Хольмберга, – на камнях, слегка раскопав землю<sup>5</sup>. Рядом с каждым очагом с котлом присутствовал неперенный атрибут удмуртских жертвоприношений – сооружение из срубленных молодых стволов берез (летом) и елей (зимой), поверх которых ставился такой же ствол в качестве перекладины<sup>6</sup>. Ю. Вихманн отмечает, что во время молитвы жрецы стоят «каждый перед своим котлом; помощники на коленях кланяются за котлами...; за ними за оградой длинными рядами – мужчины на коленях, за ними их жены»<sup>7</sup>.

В настоящее время для проведения обрядов одна деревенская община в зависимости от числа жителей может иметь несколько котлов объемом 20 л и более. В некоторых деревнях используют старинные котлы, передававшиеся от поколения в поколение жрецами для обрядовых нужд жителей. При необходимости покупают новые котлы за счет собранных с населения денег на религиозные нужды. При крупных межобщинных жертвоприношениях нескольких деревень участники привозят свои котлы (рис. 1). Для прикрытия готовой каши в котлах применяют крышки, сбитые из деревянных дощечек с ручкой, *пурты капкась*.

Традиция обособленного приготовления жертвенного мяса сохраняется до сих пор.

<sup>1</sup> См.: Heikel A. O. Tutkimusmatkat Venäjälle ja Siperiaan. 1884. Muistiinpanokirja D // Museoviraston Kansatieteen käsikirjoitusarkisto (Архив этнографических рукописей Музейного ведомства Финляндии, Хельсинки). S. 85.

<sup>2</sup> Wichmann Y. Tietoja Birskin votjaakkien (Ufan kuv.) tavoista, uskonnollisista menoista ym. 1894 // Suomalais-Ugrilainen Seuran tutkimusarkisto (Научный архив Финно-угорского общества, Хельсинки). Kotelo 727. S. 11–12.

<sup>3</sup> См.: Uno Harvan matkamuistiinpanoja. 1911 // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjallisuusarkisto (Архив рукописей Финского литературного общества, Хельсинки). S. 28.

<sup>4</sup> См.: Яковлев К. Вера и религиозные обряды вотяков Бирского и Осинского уездов // Вестник Оренбургского учебного округа. 1915. № 6–7. С. 186, 262.

<sup>5</sup> См.: Holmberg U. Permalaisen uskonto. Porvoo, 1914. S. 144.

<sup>6</sup> См.: Wichmann Y. Op. cit. S. 12; Uno Harvan matkamuistiinpanoja. S. 139.

<sup>7</sup> Wichmann Y. Op. cit. S. 12.





Рис. 1. Жрецы помешивают кашу в котлах. Окружное моление *багыш вось*. Татышлинский район Республики Башкортостан. Фото Р. Р. Садикова. 2015 г.

Fig. 1. Priests stir porridge in cauldrons. District prayer *bagysh vos*. Tatyshlinsky district, the Republic of Bashkortostan. Photo by R. R. Sadikov. 2015

В случае деревенских молений небольшой общины мясо жертвы варят в двух котлах: в первом – мясо с правой стороны туши, голову и внутренние органы, во втором – мясо с левой стороны туши. При отсутствии таких условий все мясо готовят в одном котле, но куски мяса с правой стороны помечают: перевязывают лыком или шпагатом. На межобщинных и краевых обрядах мясо рассортировывается таким же образом. В с. Новые Татышлы Татышлинского района РБ мясо принесенной в жертву божеству земли черной овцы варят в отдельном котле; до его готовности жрец наблюдает за помощниками, чтобы те случайно не смешали его с мясом жертв небесным божествам. Для обряда обещания жертвы *сийсьькон* непосредственно перед началом моления используют маленький котел, в котором варят мучной кисель или кашу на отдельном костре (д. Асавка Балтачевского района РБ).

Для удобства поддержания огня в большинстве случаев котлы ставят на костер при помощи железных подставок *пурты пуктон* / *кук*, изготовленных местными

кузнецами. Они представляют собой железные обручи по диаметру котла с тремя-четырьмя ножками. В ряде случаев котлы устанавливают на камни, при этом землю в центре слегка углубляют<sup>8</sup>. Обращение с котлами особенное: их непременно моют водой при помощи лыковых мочалок до варки еды; после раздачи каши снова тщательно чистят и кладут на бок, повернув верхом *пурты ум* к югу. В Татышлинском районе первым делом в котел насыпают соль, лишь затем наливают воду. Снимают котел с огня при помощи деревянных шестов *пуш*, держа их за оба конца; их продевают через петли из проволоки, укрепленные в ушках котлов *пурты пель*. Совершая ритуальные действия, жрецы обходят котлы исключительно по солнцу; во время молитвы стоят впереди костров с котлами, а помощники и другие молящиеся – за котлами.

Обращение с этим значимым предметом не всегда было почтительным. В советский период, особенно в 1950-х гг., жертвенные котлы стали объектом нападок со стороны представителей атеистиче-

<sup>8</sup> Для установки котла делали длинное узкое углубление в земле, посередине оно было глубже, куда с двух сторон складывали камни, чтобы ставить на них котел. Со свободных концов углубления подкладывали дрова в огонь; такой тип кострища пропускал ветер насквозь и огонь поддерживался легко [Полевые материалы автора Т. Г. Миннихметовой: 2021 г. Бураевский район РБ, д. Байшады, информант А. М. Миннихметова, 1935 г. р. (далее – ПМА)].

ского государства, обычно руководителей партийных ячеек колхозов – парторгов. Осведомленные в совершении удмуртами религиозных обрядов с жертвоприношениями, они приходили на святилища, когда ритуальная еда была сварена, и опрокидывали полные котлы, пиная их. Подобные события являются предметом воспоминаний многих информантов<sup>9</sup>, они отразились также в художественной литературе (например, в повести Романа Валишина “Тёл гурезь” («Гора ветров»))<sup>10</sup>.

Одну из основополагающих позиций котел занимал также в семейных и родовых святилищах *куала*; он помещался над очагом, прикрепляясь к балке при помощи деревянного крюка, или висел на цепи; там же и хранился.

Таким образом, котел на жертвоприношении объединял членов деревенской или родовой общины: в общем котле они варили мясо совместно купленной жертвы или кашу из собранной со всех дворов крупы, из него черпали еду для участников моления.

На молениях значительные функции выполняют и другие типы посуды. В прошлом заметную роль играли деревянные емкости, в которые складывали сырое и вареное мясо. Как отмечает У. Хольмберг, сваренное мясо делили на мелкие куски, а затем выкладывали на длинные, узкие деревянные корыта. Во время общей молитвы помощники жреца несколько раз поднимали эти корыта с мясом вверх на руках [6, 96]. По наблюдению Ю. Вихманна, в д. Большой Качак при произнесении молитвы мясо поднимали в корзине, которую на палочке держали двое помощников<sup>11</sup>. Корыта использовали и для сбора обглоданных костей<sup>12</sup>. После молений и риту-

альной трапезы в д. Байшады Бураевского района «кости собирали в один короб и увозили в место, называемое *Лы келян* – букв.: “костей проводы”. Там закапывали их под елью *кырвон кыз* – “жертвенная ель”» [3, 53]. Подобная посуда предназначалась для сбора жертвенных денег: «В деревянные тарелки собирали пожертвования в виде мелких монет»<sup>13</sup>.

В настоящее время для складывания вареного мяса применяются покупные жестяные или эмалированные корыта и тазы. На жертвоприношениях в Татышлинском районе, когда жрец молится, его помощники *партчась* (от *партчань* ‘свежевать, освежевать’) ставят тазы с мясом на стол и держатся за них руками.

Среди посуды и утвари отдельную категорию составляют жреческие чаши *вёсьяскон тусьты*. В прошлом во время произнесения молитвы жрецы держали чаши в руках на полотенце и, в зависимости от этапа моления, клали в них хлеб или блины, куски мяса или кашу, наливали бульон: «Жрец берет в руки на белом полотенце чашу с блинами и три раза обходит костер, затем становится лицом на юг»<sup>14</sup>. «Время от времени он кланяется, касаясь чашкой с жертвенным мясом земли, и кричит “аминь”»<sup>15</sup>. Жреческие чаши не разрешалось держать голыми руками, их всегда подхватывали полотенцами. У татышлинских удмуртов, по свидетельству Т. А. Крюковой, имелись специальные ритуальные рукавицы, вязанные из белой шерсти с узором в виде пчелиных сот, которыми жрецы держали чаши при жертвоприношениях в священной роще<sup>16</sup>. Таким образом, чаши выступали связующим зве-

<sup>9</sup> Например: «Я переехала сюда жить в 1966 г., в том году местный предколхоза Дьуныс, удмурт из Секаша, во время жертвоприношения опрокинул котлы с кашей. Коммунисты не давали молиться. После этого случая он утонул в чикашевском пруду» [ПМА Р. Р. Садикова: 2018 г. Куединский район Пермского края, д. Калмияры, информант С. М. Тукташева, 1947 г. р.]; «В 1970-е гг. колхозный парторг Черенков с 2–3 людьми приходил и переворачивал котлы. Не работаете, говорил» [ПМА Р. Р. Садикова: 2017 г. Татышлинский район РБ, д. Старокалмирово, информант К. Н. Фархутдинова, 1932 г. р.]; «В 1970-е годы парторг колхоза Кашапова Клара приходила на моления и опрокидывала котлы. Потом, когда заболела, дала денег на проведение жертвоприношения» [ПМА Р. Р. Садикова: 1997 г. Янаульский район РБ, д. Можга, информант Г. Г. Галяхметов, 1929 г. р.].

<sup>10</sup> См.: Валишин Р. Тёл гурезь: повесть, веросьёс, дневниксь люкетъёс, статья. Ижевск, 2004. С. 49.

<sup>11</sup> См.: Wichmann Y. Op. cit. S. 6.

<sup>12</sup> См.: Uno Harvan matkamuiistiinpanoja. S. 46.

<sup>13</sup> Яковлев К. Указ. соч. С. 262.

<sup>14</sup> Uno Harvan matkamuiistiinpanoja. S. 89.

<sup>15</sup> Wichmann Y. Op. cit. S. 13.

<sup>16</sup> См.: Крюкова Т. А. Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск, Л., 1973. С. 90–91.



Рис. 2. Жрец обводит чашу с жертвенной кашей над огнем. Село Кирга Куединского района Пермского края. Фото Р. Р. Садикова. 2010 г.

Fig. 2. The priest circles the bowl with the sacrificial porridge over the fire. Kirga village of Kuedinsky district, Perm region. Photo by R. R. Sadikov. 2010

ном с трансцендентным миром. Чтобы оградить потусторонние силы от «мирского», а самих жрецов уберечь от них, необходимо было избегать непосредственного контакта человека и посуды с жертвенными подношениями.

В деревянной чаше выставляли жертвенные дары верховным божествам: «После нескольких молитвословий с земными поклонами миску с мясом жрец с немалым благоговением ставит на полку, устроенную из еловых веток в виде вороньего гнезда на дереве, возле которого происходит жертвоприношение, или же на коле тагана, на котором висит котел. Эта миска остается там до конца жертвоприношения»<sup>17</sup>. При совершении данного обрядового действия, называемого *вылэ мычон* ('вверх возносимое'), в чашу клали кусочки мяса с верхнего сустава передней правой конечности, три первых правых ребра, кусочки сердца, печени, легких и головы. Согласно сведениям У. Хольмберга, жрецы использовали старинные чаши с резьбой, которые употреблялись только на молениях [6, 90].

В настоящее время при обращении к божествам жрецы держат в руках на полотенце чашу с жертвенными подношениями – хлебом, мясом, кашей (рис. 2). Летом под чашу на полотенце помещают березовую, зимой – еловую ветку. В с. Нижнебалтачево Татышлинского района при молении в чашу складывают куски мяса с правой рульки, нижнюю челюсть, три правых передних ребра, кусочки легких, печени, желудка, почки, поджелудочную железу, вымя. Держа в руках моленную чашу, жрецы двигаются только слева направо, т. е. по солнцу – *шундыя*.

Существенное значение имела кровь жертвенного животного или птицы. Так как «богам от жертв доставалась только кровь»<sup>18</sup>, требовалось особое обращение с ней. Для сбора крови использовали деревянные чаши: «...когда жрец заканчивает молитву, берет чашу с кровью, покачивает ее над огнем и несколько раз сливает кровь сквозь ветку березы в огонь»<sup>19</sup>. Для выливания крови в огонь *тылан* применяли также деревянную ложку *пу пуньы*: «...небольшую часть крови второй

<sup>17</sup> Яковлев К. Указ. соч. С. 262.

<sup>18</sup> Смирнов И. Н. Вотяки: ист.-этногр. очерк. Казань, 1890. С. 228.

<sup>19</sup> Uno Harvan matkamuiistiinpanoja. S. 90.





Рис. 3. Чаши участников моления с кашей. Деревня Асавка Балтачевского района Республики Башкортостан. Фото Р. Р. Садикова. 2016 г.

Fig. 3. Bowls with porridge of the participants of the prayer. Asavka village, Baltachevsky district, the Republic of Bashkortostan. Photo by R. R. Sadikov. 2016

по старшинству жрец – “тылась” – берет в ложку и после того, как животное умрет, выливает ее в пылающий костер», произносится при этом молитву<sup>20</sup>.

Своеобразная роль на обрядах отводилась и ковшу *кобы*. Он использовался для обливания водой жертвенного животного перед забоем: «...на животное поливается несколько ковшей чистой холодной воды и небольшое количество воды вливается в ушное отверстие»<sup>21</sup>. Ковшами осуществлялась раздача готовой еды из котла. Другое приспособление в виде ковши – дуршлаг с крупными порами *пасё кобы* – до сих пор применяется для вынимания мяса и процеживания бульона.

Сегодня для хранения и транспортировки продуктов и воды пользуются металлическими, эмалированными и пластиковыми тазами, бидонами, ведрами, большими глубокими мисками. В ведре жрец приносит священную воду *тыр ву* (букв.: ‘цельная вода’), т. е. родниковую воду, зачерпнутую первой и так же первой заливаемую в котел. В ведро со-

бирают кости, которые раздают после разделки мяса пришедшим на моление участникам для обгрызания.

Особую функцию выполняет ложка *пуньы*. Она служит для выливания в огонь крови, после того как жертва испустит дух. Сейчас обычны в употреблении металлические ложки, но в некоторых деревнях по традиции используют деревянные. Ложкой выливают бульон и выкладывают кашу на костер, причем каждое действие выполняют по три раза. Как сообщают пожилые информанты, для этой цели необходима именно деревянная ложка. Данное утверждение соответствует древним представлениям, согласно которым прикосновение к жертве предметом профанного мира – металлическим изделием – недопустимо из опаски десакрализации жертвы. Наглядный пример находим на хантыйском материале: к жертвенному мясу запрещалось прикасаться металлическими ложками и вилками – только деревянными [4, 120, 146].

Общественная жертвенная посуда в прошлом, как отмечает У. Хольмберг, использовалась только в ритуальных целях<sup>22</sup>. Этого правила стараются придерживаться и сегодня. Раньше на место жертвоприношения посуду и утварь привозили на телегах<sup>23</sup>, сейчас для транспортировки в основном пользуются легковыми автомобилями, колесными тракторами, мотоблоками и лишь в редких случаях прибегают к гужевому транспорту. Обычно посуду хранят в усадьбе жреца; если в большом селе жрецов несколько, то у старшего из них.

Наблюдения свидетельствуют, что в последние годы для приготовления пищи на молениях применяются современные, изготовленные промышленным способом посуда и инструменты. Однако среди них попадаются и старинные самодельные образцы. Например, в д. Байшады Бураевского района РБ для черпания каши используется старинный деревянный ковш *кобы*, имеющий родовую тамгу.

<sup>20</sup> Яковлев К. Указ. соч. С. 262.

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> См.: Uno Harvan matkamuiistiinpanoja. S. 47.

<sup>23</sup> Ibid. S. 42.

Отдельно следует отметить личную посуду участников моления *тусьты-пуньы*. В прошлом на моления приносили с собой деревянные чаши – по одной от домохозяйства, ложки в количестве пришедших на обряд членов семьи и хлеб, все это заворачивали в один узелок. Посуду несли не пустую: «...каждый несет в руке чашу, наполненную гречневой или овсяной крупой» [6, 96]. Теперь участники моления приносят с собой эмалированные или пластиковые чаши и тарелки, металлические ложки, которые не выделяются из общей массы будничной кухонной посуды (рис. 3). Лишь пожилые люди в некоторых семьях используют деревянные ложки, хранящиеся как ритуальные. Крупу уже не приносят с собой, так как накануне собирают ее по домам или покупают в магазине. После завершения жертвоприношения моленные кашу и мясо в чашах уносят домой для не принимавших участие в обряде домоладцев; подобным образом и они приобщаются к общему жертвоприношению.

К рассматриваемой категории вещей можно отнести также хранившиеся на полках родовых святилищ «воршудные коробка» – обязательный атрибут почитания покровителей рода *воршуд*. В конце XIX в. у удмуртов Осинского уезда Пермской губернии Н. И. Тезяков еще видел на полке в святилище «бурак, в нем вещи, необходимые при жертвоприношениях»<sup>24</sup>. В полевых записях У. Хольмберга отмечено, что в куале д. Каймашабаш Бирского уезда на алтарной полке хранились берестяная и деревянная коробки, в первой была соль, во второй – масло. Берестяной туесок был старинным, что, по мнению ученого, выражало уважение к наследию отцов. Исследователь также подчеркивает, что «коробки на полке называются “куала возмась”»<sup>25</sup> («охранник куалы»). По его же сведениям, в куале «в шкафу обычно хранят жертвенные пред-

меты: деревянную чашку, из которой сливают пиво или кумышку в огонь» [9, 20]. В д. Байшады Бураевского района на воршудную полку *мудор* ставили мед и масло в ритуальных чашах<sup>26</sup>; в XVIII в. полку с ритуальными предметами и ветвями деревьев удмурты Уфимской провинции называли «Модором или богом хранителем домов наших»<sup>27</sup>.

### Заключение

Таким образом, посуда и утварь в обрядах жертвоприношений закамских удмуртов, выполняя утилитарное предназначение, обладают и определенной знаковой функцией, свойственной каждому предмету в зависимости от его статуса. В удмуртских обрядах применялась как чисто ритуальная, так и просто бытовая утварь. Используемая на молениях кухонная посуда с переходом в ритуальное время и пространство и непосредственным включением в процесс обряда становилась символической вещью: участники промывали или ополаскивали ее чистой водой, перед тем как собрать в узелок вместе с жертвенными продуктами. Каждый предмет был предусмотрен для выполнения определенной роли и использовался только по назначению. Помимо этого данные вещи имели конкретное место при подготовке и проведении обряда. После завершения мероприятия одни из них хранились как ритуальные, другие возвращались в бытовой обиход.

Исторические процессы не обошли стороной рассматриваемую сферу культуры: изменения коснулись и используемой во время проведения жертвоприношений посуды и утвари. Сегодня среди них преобладают современные промышленные изделия, хотя эпизодически используются и старинные, исключительно ритуальные предметы, которые придают религиозному мероприятию возвышенный характер и подчеркивают его сакральный статус.

<sup>24</sup> Тезяков Н. Праздники и жертвоприношения у вотяков-язычников (из записной книжки земского врача) // Новое слово. 1896. № 4. С. 5.

<sup>25</sup> Uno Harvan matkamuiistiinpanoja. S. 137–138.

<sup>26</sup> ПМА Т. Г. Миннихметовой: 1991 г. Бураевский район РБ, д. Байшады, информант М. С. Фаюрина, 1929 г. р.

<sup>27</sup> Рычков Н. П. Журнал или дневные записки капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб., 1770. С. 159.



## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
2. Байбурин А. К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. С. 63–88.
3. Миннихметова Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 163 с.
4. Надь З. Васюганские ханты. Изменение религиозной системы в XIX – XXI веках. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2011. 294 с.
5. Предметные реалии удмуртской этнокультуры: кол. моногр. / Т. Г. Владыкина [и др.]; под общ. ред. Т. Г. Владыкиной. Ижевск: УдмФИЦ УрО РАН, 2021. 188 с.
6. Путешествия к удмуртам и марийцам. Письма Уно Хольмберга 1911 и 1913 гг. / под ред. С. Лаллуки, Т. Г. Миннихметовой, Р. Р. Садикова. СПб.: Европейский Дом, 2014. 225 с.
7. Руденко К. А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер, 2000. 158 с.
8. Садилов Р. Р. Традиционная религия закамских удмуртов (история и современность). Уфа: Первая типография, 2019. 320 с.
9. Садилов Р. Р., Хафиз К. Х. Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга). Уфа: Ин-т этнол. исслед. УНЦ РАН, 2010. 100 с.
10. Тулуз Е., Ниглас Л. Съёмки удмуртских обрядов в Башкортостане: от проекта до DVD // Сибирские исторические исследования. 2020. № 4. С. 112–135. <https://doi.org/10.17223/2312461X/30/6>.
11. Удмурты: ист.-этногр. очерки / науч. ред. Г. А. Никитина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. 392 с.
12. Христоробова Л. С. Предметный мир обрядов // Хозяйство и материальная культура удмуртов в XIX–XX веках: сб. ст. Ижевск, 1991. С. 157–175.
13. ШUTOва Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Опыт комплексного исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 304 с.
14. Minnijahmetova T. Az ismeretlen ismerős. Tanulmányok a baskortosztáni udmurtok vallásáról. Budapest: L'Harmattan, 2015. 194 p.
15. Minniyakhmetova T. Manifestation of Various Values in Traditional Udmurt Feasts // Feast as a Mirror of Social and Cultural Changes. San Diego, 2020. P. 99–115.
16. Minniyakhmetova T. The Role of Calendar Rituals as Regulators // The Ritual Year 12: Regulating Customs: The Yearbook of the SIEF Working Group on the Ritual Year. Moscow, 2021. P. 130–140.
17. Toulouze E. About Eastern Udmurt Religious Practice today // Global Journal of Archaeology and Anthropology. 2018. Vol. 3, issue 4. <http://dx.doi.org/10.19080/GJAA.2018.03.555618>.
18. Toulouze E. The Power of Porridge: Udmurt Ritual Food // Традиционная культура. 2020. Т. 21, № 3. С. 157–170. <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.3.013>.
19. Toulouze E., Niglas L. The Vös'as', the Udmurt Sacrificial Priest: An Old Task for Young Men // Temenos – Nordic Journal of Comparative Religion. 2017. Vol. 53, no. 1. P. 9–29. <https://doi.org/10.33356/temenos.55613>.

Поступила 15.09.2021; одобрена 20.09.2021; принята 23.09.2021.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

**Т. Г. Миннихметова** – доктор философии, независимый исследователь Института Европейской этнологии Инсбрукского университета, minnijah@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8882-2719>

**Р. Р. Садилов** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, kissapi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4200-2568>



## Dishes and utensils used in sacrificial rites of the Trans-Kama Udmurts (functional and symbolic meaning)

**Tatiana G. Minniyakhmetova**

*University of Innsbruck,  
Innsbruck, Austria*

**Ranus R. Sadikov**

*R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies,  
Ufa Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences,  
Ufa, Russia*

**Introduction.** The article considers the variety and functions of dishes and utensils used at the sacrificial rituals of Trans-Kama "pagans" Udmurts from the Republic of Bashkortostan and Perm Krai. This is the first attempt of using extensive field and archival materials for the research purposes.

**Materials and Methods.** The material for the study represents the published and archival sources, ethnographic information collected the authors during many years of field research. The analysis of materials was carried out using a comparative-historical method. The article takes into account the theoretical approaches of the semiotic school in ethnology.

**Results and Discussion.** In the object world of Udmurt sacrifices, a special place is occupied by dishes and utensils. Without them the ritual process involving the preparation of food and a joint meal is impossible. Various dishes (cauldrons, troughs, buckets, bowls, spoons, ladles, etc.) are used for their utilitarian purpose (cooking, storage, transportation, eating food, etc.) but inclusion in the ritual process endows them with symbolic functions.

**Conclusion.** Dishes and utensils used at the sacrifices of the Trans-Kama Udmurts are still endowed with a high sacred status. The number, composition and methods of using ritual utensils have remained traditional but their forms, material and manufacturing method have changed. As before, in addition to being used for utilitarian purposes they are endowed with many symbolic functions.

**Keywords:** ritual dishes, sacrifices, functional and symbolic meaning, Trans-Kama Udmurts

**Acknowledgments:** R. R. Sadikov carried out the study within the framework of the state assignment No. AAAA-A21-121012290086-0 IEI UFIC RAS for 2021–2023.

**For citation:** Minniyakhmetova TG, Sadikov RR. Dishes and utensils used in sacrificial rites of the Trans-Kama Udmurts (functional and symbolic meaning). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;4:394–404. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.394-404.

## REFERENCES

1. Bajburin AK. Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites. Saint-Petersburg; 1993. (In Russ.)
2. Bajburin AK. Semiotic aspects of the functioning of things. *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury* = Ethnographic study of the symbolic means of culture. Leningrad; 1989:63–88. (In Russ.)
3. Minniyakhmetova TG. Calendar rites of Trans-Kama Udmurts. Izhevsk; 2000. (In Russ.)
4. Nady Z. The Vasyugan Khants. Changes in the religious system in the XIX–XXI centuries. Tomsk; 2011. (In Russ.)
5. Vladykina TG. etc. Subject realities of the Udmurt ethnoculture. Collective monograph. Izhevsk; 2021. (In Russ.)
6. Lallukka S, Minniyakhmetova TG, Sadikov RR, eds. Travels to the Udmurts and Mari. Uno Holmberg's letters from the years 1911 and 1913. Saint-Petersburg; 2014. (In Russ.; in Fin.)
7. Rudenko KA. Metal utensils of the Volga and Kama regions in the VIII–XIV centuries. Kazan; 2000. (In Russ.)
8. Sadikov RR. Traditional religion of Trans-Kama Udmurts (history and modernity). Ufa; 2019. (In Russ.)

9. Sadikov RR, Khafiz KKh. Religious beliefs and rituals of the Udmurts of the Perm and Ufa provinces at the beginning of the XX century (expedition materials by Uno Holmberg). Ufa; 2010. (In Russ.)
10. Toulouze E, Niglas L. Filming of Udmurt rituals in Bashkortostan: from project to DVD. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* = Siberian Historical Research. 2020;4:112–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/2312461X/30/6>.
11. Nikitina GA, ed. The Udmurts. Historical and Ethnographic Essays. Izhevsk; 1993. (In Russ.)
12. Hristoljubova LS. The subject world of rituals. *Khoziaistvo i material'naia kul'tura udmurtov v XIX–XX vekakh: sb. st.* = Economy and material culture of Udmurts in the XIX–XX centuries. Collection of articles. Izhevsk; 1991:157–175. (In Russ.)
13. Shutova NI. Pre-Christian cult monuments in Udmurt religious tradition. Experience in complex research. Izhevsk; 2001. (In Russ.)
14. Minnijahmetova T. Az ismeretlen ismerős. Tanulmányok a baskortosztáni udmurtok valóságáról. Budapest; 2015.
15. Minnijahmetova T. Manifestation of Various Values in Traditional Udmurt Feasts. *Feast as a Mirror of Social and Cultural Changes*. San Diego; 2020:99–115.
16. Minnijahmetova T. The Role of Calendar Rituals as Regulators. *The Ritual Year 12. Regulating Customs*. Moscow; 2021:130–140.
17. Toulouze E. About Eastern Udmurt Religious Practice today. *Global Journal of Archaeology and Anthropology*. 2018;3:4. <http://dx.doi.org/10.19080/GJAA.2018.03.555618>.
18. Toulouze E. The Power of Porridge: Udmurt Ritual Food. *Traditional culture*. 2020;21;3:157–170. <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.3.013>.
19. Toulouze E, Niglas L. The Vös'as', the Udmurt Sacrificial Priest: An Old Task for Young Men. *Temenos – Nordic Journal of Comparative Religion*. 2017;53,1:9–29. <https://doi.org/10.33356/temenos.55613>.

Submitted 15.09.2021; reviewing 20.09.2021; accepted 23.09.2021.

## INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

**T. G. Minnijahmetova** – Ph. D {Philosophy}, Independent Researcher, Institute for European Ethnology, University of Innsbruck, minnijah@hotmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8882-2719>

**R. R. Sadikov** – Doctor of History, Chief Research Fellow, R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, kissapi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4200-2568>



## Театральное и драматургическое творчество Олега Уляшева

**Наталья Васильевна Горинова**

*Институт языка, литературы и истории Коми научного центра  
Уральского отделения РАН,  
Сыктывкар, Россия*

**Введение.** Работа посвящена исследованию театрально-драматургического творчества известного коми писателя и ученого-этнографа О. Уляшева. Анализируется своеобразие его драматургического почерка, выявляются некоторые аспекты движения национальной культуры в период 1990-х гг.

**Материалы и методы.** Материалом исследования послужили пьесы О. Уляшева. Методами исследования стали сравнительный и сопоставительный.

**Результаты исследования и их обсуждение.** Драматургия О. Уляшева составляет важную веху в истории развития театра коми. Его пьесам, как и многим драмам рубежа XX–XXI вв., присуще стремление к обновлению. В то же время их художественное своеобразие определяется актуализацией фольклорного материала. Мироощущению и миропониманию писателя особенно близок высокий художественно-эстетический и нравственно-философский потенциал устного народного творчества, именно фольклорные истоки содействуют его творческим исканиям, развитию его творческих устремлений. Произведения О. Уляшева наряду со многими другими произведениями коми литературы конца XX в. об историческом прошлом зырян служат укреплению национального самосознания.

**Заключение.** Творчество писателя О. Уляшева сыграло важную роль в развитии театрального и драматургического искусства Республики Коми. Его пьесы во многом обновляют коми драму, насыщая ее фольклорным материалом, романтизируя прошлое зырян.

**Ключевые слова:** коми театр, драматургия О. Уляшева, фольклор, романтизм

**Для цитирования:** Горинова Н. В. Театральное и драматургическое творчество Олега Уляшева // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 4. С. 405–416. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.405-416.

### Введение

Начавшиеся в 1990-е гг. кардинальные общественно-политические перемены содействовали небывалому подъему драматургии коми. Прежде всего, увеличилось число авторов, обратившихся к различным драматургическим жанрам. На рубеже XX–XXI вв. продолжали работать писатели, сформировавшиеся в предыдущие десятилетия и внесшие в литературу свою тему, – Н. Белых, А. Ларев, П. Шахов, Г. Юшков. В этот же период к созданию пьес обратились прозаики и поэты Е. Козлова, Н. Куратова, А. Лужиков, Н. Обрезкова, А. Попов, А. Ульянов, О. Уляшев и др., составившие новое поколение драматургов. В литературе коми такого количества одновременно создающих драмы авторов ранее не наблюдалось. При этом каждый писатель весьма оригина-

лен в выборе средств художественного осмысления действительности, обнаруживая собственный взгляд на происходящие социально-нравственные катаклизмы, на изменяющуюся реальность, что способствует развитию разнообразных художественных явлений в поэтике драмы, а также обновлению драматургического искусства коми, раскрытию новых возможностей национальной драмы в выстраивании картины мира.

Среди пьес перечисленных авторов выделяются драматургические тексты О. Уляшева, известного коми писателя и ученого-этнографа, исследовательская деятельность которого стала источником вдохновения и основой художественного постижения народной жизни. Наше исследование посвящено изучению театрально-

го и драматургического творчества писателя и обобщению полученных результатов. Цель работы – выявление своеобразия пьес О. Уляшева в контексте коми драматургии. Объектом исследования послужили его драматургические тексты, предметом – пронизывающий их фольклорный материал.

### Обзор литературы

Театрально-драматургическое творчество О. Уляшева еще недостаточно изучено. Выполненный нами анализ отдельных пьес послужил основой статей «Фольклорные и литературные традиции в драме О. Уляшева “Гытсан” (“Качели”))» [5] и «Традиции В. Чисталева и К. Жакова в драме О. Уляшева “Енколаяс йылысь поэма” (“Поэма о молебнях”, 1991)» [4]. Поэтические произведения писателя, в частности обращение к японским жанрам танка и хокку, были рассмотрены Е. В. Ельцовой [7], прозаические миниатюры исследованы Т. Л. Кузнецовой [8]. Но в целом театральную деятельность коми писателя, как, впрочем, и все его творчество (О. Уляшев активно работает также в прозаических и поэтических жанрах), еще предстоит изучить.

В статье мы опираемся на литературоведческие и критические работы В. А. Латышевой, посвященные театральной и драматургической жизни Республики Коми [10; 11], на труды исследователей русской драмы, выявляющие важнейшие тенденции развития современного театрального искусства [1; 2].

### Материалы и методы

Материалом исследования служат драматургические произведения О. Уляшева. В основу методологического подхода к изучению творчества писателя положен системно-целостный подход. В процессе анализа применяется сравнительно-сопоставительный метод.

### Результаты исследования и их обсуждение

Литературная деятельность Олега Уляшева (р. 1964) началась в 1970-е гг. с публикации басни в сатирическом журнале “Чушканзи” («Оса»). Однако динамичный

характер его творчество приняло лишь в 1988 г.: именно с этого года рассказы и стихи писателя стали регулярно издаваться на страницах журналов “Войвыв кодзув” («Северная звезда»), «Арт» и в различных коллективных сборниках. К написанию пьес О. Уляшев приступил в 1990-е гг. Его литературный талант, а вместе с тем и научные изыскания, глубокие познания в области устного народного творчества привлекли внимание режиссера зарождавшегося в то время Государственного театра фольклора Республики Коми (ныне Национальный музыкально-драматический театр Республики Коми) Светланы Горчаковой, которая и предложила ему написать сценарий для спектакля по одному из рассказов.

Театр фольклора представляет собой уникальный и самобытный феномен культуры коми. С первых дней существования он снискал народную любовь, покорила сердца многочисленных зрителей не только яркими сценическими постановками, умением показать людские судьбы и полнокровные, психологически разработанные характеры героев, но и глубоким знанием сути народной жизни, психологии коми человека, языка. Коми зрителю близки проблемы театральных персонажей, он радуется, смеется и поет вместе с ними, предаётся их печали и переживает их трудности. Кроме того что театр сыграл огромную роль в развитии драматургического, театрального искусства коми, культуры коми, его великая заслуга состоит еще и в популяризации и утверждении народной мудрости, народной шкалы ценностей, народной эстетики. Немаловажно, что спектакль, с которым Государственный театр фольклора Республики Коми впервые заявил о себе, поставлен по первой драме О. Уляшева “Енколаяс йылысь поэма” («Поэма о Храмах»).

В дальнейшем в тесном сотрудничестве с театром писатель создал ряд драматургических текстов, основу которых главным образом составили произведения устного народного творчества. В 1993 г. работа над переводом и «драматизацией» отрывка карело-финского эпоса “Калевала” привела к созданию пьесы “Куллерво” (1993).



В 1994 г. была написана драма “Тытсан” («Качели»), в 1996 г. – пьесы абонементного цикла “Коми сиктса важнога свадьба” («Как встарь свадьбы играли») в соавторстве с С. Мезенцевым и “Рöштвosa ворсöмьяс” («Рождественские игры») в соавторстве с Л. Оплесниной. Совместно с С. Горчаковой О. Уляшевым была написана лирическая комедия “Эзысь шабді” («Серебро льна», 1998), которая впоследствии получила звание лауреата Государственной премии в области искусства. Одна из последних драматургических работ автора, в дальнейшем сосредоточившегося на прозаических жанрах, – пьеса “Йöлöга гор” («Звучание эха», 1999). Не все перечисленные произведения драматурга были опубликованы, но все были поставлены на сцене фольклорного театра.

Пьесы Олега Уляшева занимают особое место в драматургии коми. Рожденные на гребне социально-политических перемен 1990-х гг., в период демократизации искусства, они, как и большая часть коми драм этого времени, содержат новый взгляд на сценическое действие, конфликт, характеры героев, проблемно-тематический план. Уже с начала 1980-х гг. коми драматургия отходит от производственно-колхозной тематики, от изображения передовиков социалистического труда, уделяя больше внимания не событийному ряду, а внутреннему миру героя, терзающим его сомнениям и рефлексиям. В 1990-е гг. писатели коми еще более углубляются во внутренние конфликты персонажей. Вместе с тем в их пьесах отражаются трагические противоречия трансформирующейся на рубеже веков действительности, нравственное опустошение современника в период ломки традиционной шкалы ценностей. Идейные замыслы авторов порубежья влекут за собой изменения в области форм драматургического воплощения социальных реалий. Коми пьеса усложняется композиционно и стилистически, насыщается метафорами и аллюзиями, библейскими реминисценциями... [3, 77].

В творчестве О. Уляшева отражается также стремление современной драматургии коми к обновлению, отходу от производственной тематики, расширению воз-



Рис. 1. Сцена из спектакля «Поэма о Храмах»

Fig. 1. Scene from the play “The Poem of the Temples”

можностей коми слова в раскрытии жизни зырянина, к развитию новых сценических форм. В своих эстетических, этических и философских исканиях он обращается к устному народному творчеству, используя в произведениях элементы народной культуры, народно-поэтические сюжеты, мотивы и образы, жанрово-стилистические формы. Притом что для многих писателей фольклор был и остается одним из основных источников художественной выразительности, пьесы О. Уляшева отличаются от драм других авторов именно «рельефностью», «выпуклостью» присутствующего в них фольклорно-этнографического материала.

Основу большинства пьес О. Уляшева составляют семейные и календарные обряды. Уже по названию некоторых его произведений (“Коми сиктса важнога свадьба” или “Рöштвosa ворсöмьяс”) можно догадаться, какой из обрядов будет воссоздаваться на сцене. В пьесе “Эзысь шабді” показан весь годовой цикл праздников народа коми в прошлом – от Троицы до Рождества и Святков. В драме “Тытсан” автором использованы элементы как семейной, так и календарной обрядно-

сти. Составными частями спектаклей становятся песни, игры, пляски, театрализованные постановки – элементы народных празднеств. При этом артисты и режиссер театра фольклора, обращаясь к пьесам О. Уляшева, стремятся воссоздать и показать на сцене элементы быта и материальной культуры народа коми: традиционную одежду зырян, старинные национальные музыкальные инструменты и др. Все перечисленное, а также музыкальное сопровождение спектаклей придает пьесам драматурга красочность и колоритность, делая их живописными и завораживающими действиями. В целом насыщенные реалиями национального колорита произведения О. Уляшева дают некоторые представления о жизни народа коми в прошлом, знакомя зрителей с его традициями, культурными и нравственными ценностями, деревенским укладом жизни, буднями и праздниками крестьянина (рис. 1–4).

Деревня, крестьянская жизнь были и остаются важнейшими темами театрального искусства коми. Однако различные исторические периоды приносили свои коррективы в видение драматургами коми деревни. Во времена революционных преобразований начала XX в., которые во многом способствовали зарождению коми театра и формированию традиций национальной драматургии, авторы пьес (М. Лебедев, Н. Попов, В. Савин, В. Чисталев) рисовали дореволюционную деревню в черных тонах, изображая крестьян эксплуатируемыми, обнищавшими и безграмотными, тем самым показывая необходимость коренных перемен как в деревне, так и в стране в целом. После Второй мировой войны в драме коми доминировала производственная тематика. Актуальность данного направления была спровоцирована историческими обстоятельствами: страна, пережившая тяготы и разруху войны, нуждалась в духовном и физическом восстановлении, к чему и призывали коми пьесы вплоть до 1960–1980-х гг. (Н. Белых, Н. Дьяконов, А. Ларев, В. Леканов, Г. Юшков). В этих пьесах по понятным причинам главенствует тема труда, раскрывается характер человека труда, воспеваются его жизнь и трудовые подвиги,

звучит призыв к зрителям прилежно и добросовестно трудиться. В 1990-е гг., в период социальных и политических катаклизмов, деревня в коми пьесе находит совершенно иное воплощение – как вымирающая, а деревенский житель – как деградирующий (Г. Юшков, А. Попов).

Что касается О. Уляшева, то его пьесы оригинальны и в контексте коми драматургии 1990-х гг., и в свете драмы коми в целом. На первый взгляд, созданные драматургом произведения направлены лишь на ознакомление зрителя с фольклором народа коми, представляют собой картины обрядовой жизни зырян. За исключением драмы “Енколаяс йылысь поэма”, в них нет накала страстей, ярко выраженных характеров, необходимых драматургическому произведению. Спектакли можно назвать сценами из народных празднеств, из народного быта.

Будучи писателем 1990-х гг., О. Уляшев в отличие от собратьев по перу не концентрирует внимание на падении нравов в современном деревенском сообществе, не показывает плачевное состояние деревни: разрушенные колхозы, заброшенные поля, спившихся трактористов. Он обращается к патриархальному строю, к коми деревне дореволюционного периода, отображая быт крестьян досоветской эпохи. Но если художники слова 1920–1930-х гг., для которых дореволюционный период был вчерашней действительностью, подчеркивали в пьесах тяжелое состояние крестьянского сословия в царской России, современным драматургом жизнь в коми деревне до начала революционных событий раскрывается в радужных и светлых тонах. Здесь нет угнетения бедных богатыми, нет людей, чьи мысли и свободу подавляют царские власти, нет героев, сомневающих в существующем социальном устройстве и стремящихся организовать справедливое государство, нет ярко выраженного обличения ущемления прав человека, нет изображения трагического положения крестьянина, нет описания бесчеловечности, жестокости и самодурства представителей высших сословий – нет ничего из того, чем изобилует коми драма начала XX в. В пьесах О. Уляшева вме-



Рис. 2. Сцена из спектакля «Поэма о Храмах»

Fig. 2. Scene from the play "The Poem of the Temples"

сто сословного разделения в крестьянском сообществе царят гармония, мир, согласие, естественность, простота, справедливость, дружеское участие. Происходящие социальные катаклизмы, например войны (они не показываются на сцене, но о них говорят персонажи), лишь на время дестабилизируют размеренный порядок жизни крестьянина; пережив их, он вновь обретает внутреннюю гармонию и веками налаженный ритм существования.

Сцены большинства пьес драматурга исполнены лиризма, показанная в них патриархальная жизнь явно идеализирована, романтическое мироощущение преобладает. Как известно, для писателей-романтиков действительность является «сферой социальных разочарований», она «противостоит разуму и личной свободе человека», что приводит их к «созданию идеально-совершенного социума», когда «художник свободно, без нормативных регламентаций творит художественную реальность, которая для романтика выше действительности...»<sup>1</sup>. Можно допустить, что созданные автором картины деревенской жизни в прошлом являются некой идиллией, а отсутствие напряженного конфликта в пьесах обнаруживает глубоко-

кий драматический конфликт в его душе, не удовлетворенной существующим миропорядком, реалиями современного общества.

В 1990-е гг., на которые пришлось развитие драматургического творчества О. Уляшева, мир переживал не лучшие времена, сопряженные с экономическими и нравственными катаклизмами, всеобщей неустроенностью и социальным кризисом. В период психологической напряженности, отчужденности и расшатанности системы ценностей родился миф о прекрасном прошлом, о простых, непредвзятых и непринужденных отношениях в обществе, о гармоничном развитии человека, его тесной связи с природой. Глубоко личное и страстное стремление к возвышенному идеалу способствовало созданию драматургом некой идеальной действительности, идеального общества, члены которого духовно богаты и следуют нравственным устоям, олицетворяя собой народную ментальность и желание жить по духовным законам, определяющимся особенностями национального характера. Его драмы пронизаны любовью к патриархальной жизни народа коми, той по той эпохе.

<sup>1</sup> Боров Ю. Б. Эстетика. Теория литературы: энцикл. слов. терминов. М., 2003. С. 377.





Рис. 3. Сцена из спектакля «Серебро льна»

Fig. 3. Scene from the play "Silver of Flax"

Романтизация исторического прошлого народа коми, крестьянской жизни, насыщение сцен народной жизни лирическими компонентами в пьесах могут отражать глубоко личностное отношение автора к деревне. Его детство, взросление и социализация прошли в селе. Он не понаслышке знаком с крестьянским трудом, деревенскими праздниками, обычаями, поверьями и представлениями. Став городским жителем, О. Уляшев оказался оторванным от родных корней, что не могло не повлиять на его художественное сознание. Как и у многих других коми писателей, выходцев из деревень, в его произведениях тема деревни звучит особенно волнующе, драматично. По мысли Е. В. Ельцовой, «образ деревни в стихах поэтов, ставших городскими, ассоциируется с воспоминаниями о прошедшем (всегда счастливом, светлом, радостном) деревенском детстве, о родном доме, о матери и об отце...», в этих произведениях слышна «тоска по прошедшему времени и покинутой деревне» [6, 110–111].

В пьесах О. Уляшева ощутимо стремление автора одухотворить деревенскую жизнь, хоть и в прошлом (в контексте настоящего городского бытия), светлы-

ми красками обрисован веками складывавшийся патриархальный крестьянский уклад, здоровый и бесхитростный. Здесь люди живут в ладу друг с другом, природой и совестью – так завещали им предки, традиционность служит порукой нравственной устойчивости. Обращаясь к теме деревни, писатель неизменно ориентируется на свои яркие и живые впечатления, на опыт проживания в деревне. Поэтому суть его пьес не столько в показе этнографического материала, сколько в раскрытии отношения автора к сельской глубинке, его привязанности к односельчанам, трудолюбивым и покладистым, дружелюбным и любящим жизнь.

Романтические уmonoстроения в творчестве О. Уляшева наиболее явственно проступают в драме "Енколаяс йылысь поэма", которая занимает особое место среди пьес автора. Как и остальные его драматургические тексты, она обращена в прошлое народа коми, вместе с тем ее отличают ярко выраженные характеры героев и напряженный конфликт. Более того, в драме показана не только обрядовая жизнь коми, но и исторические события, связанные с крещением зырян, в осмыслении которых автор опирается на коми народные



Рис. 4. Сцена из спектакля «Серебро льна»

Fig. 4. Scene from the play "Silver of Flax"

предания. «Поэма о Храмах» воссоздает начальный этап христианизации Коми края. Тематическая обращенность к истории крещения зырян – частое и устойчивое явление в литературе коми. Писателей привлекают остроконфликтность и драматизм событий XIV в., которые стали предзнаменованием новой эпохи, новых государственных отношений, определив дальнейшую судьбу народа коми уже в составе Московского княжества. Исследования литераторов направлены также на постижение личности миссионера, святителя, крестителя народа коми Стефана Пермского, на выявление его роли в развитии Коми края. Исследуя историческое прошлое, авторы не только представляют свое видение переломного периода в истории зырян, но и раскрывают отношение к случившемуся, обнаруживая глубоко личные переживания за судьбу народа.

О. Уляшев, обращаясь к событиям, связанным с христианизацией коми-зырян, дает свою интерпретацию данного исторического сюжета и собственную оценку, во многом критическую, как колониальной политике Москвы, так и миссионерской деятельности Стефана Пермского. Художественное осмысление данных аспектов

исторической действительности опирается на фольклорные предания коми о святителе, которые составляют суть сюжета драмы "Енколоаяс йылысь поэма". Произведения устного народного творчества отражают не столько реальное прошлое, сколько восприятие связанных с христианизацией Коми края событий народным сознанием. В преданиях деятельность Стефана Пермского воспринимается не как божье дело, а как колдовство, шаманство. Исследователи утверждают: «Образ Степана Пермского... в народных представлениях, с одной стороны, сохранил важные для христиан черты, а с другой – приобрел черты, позволяющие включить его в контекст традиционных воззрений и рассказов о тóдысь "колдунах"» [12, 346]. Как подчеркивает О. Уляшев-ученый, наиболее обширный круг сюжетов о святителе связан именно с колдовским эпосом: «В текстах данного типа образ Степана Пермского является зеркальным отражением образов тунов "колдунов", в особенности печорского Кыски и Туннырьяка... Фольклорный Степан Пермский побеждает тунов не божьим словом, а сугубо колдовскими приемами... Образ реальной исторической личности трансформирует-



ся в представлениях коми-зырян в образ сильного колдуна, побеждающего локальных тунов и тóдысь с помощью магии и хитрости» [12, 348].

Работая над образом фольклорного Степана, О. Уляшев лишь «психологизирует» его характер, наполняя действия и поступки героя энергией, эмоциями. «Поэма о Храмах» позволяет увидеть деятельность святителя глазами людей коми – как начало национальной трагедии, как религиозное порабощение, как разрушение веками создававшегося народного общегития.

Драма “Енколаяс йылысь поэма” приводит зрителя к размышлению, осмыслению положения народа коми в современном мире, к желанию действовать во имя его сохранения как нации. Неудовлетворенность настоящим обуславливает обращение автора к прошлому зырян, порождает идеализацию и романтизацию патриархальной дохристианской эпохи коми народа. По мысли драматурга, общественное устройство коми во времена язычества являло собой идеал цельного бытия, пример гармоничного развития общества, которое впоследствии было нарушено русскими колонизаторами. В связи с этим вызывает интерес характер главного героя драмы – колдуна Кыски, который в пьесе, в противоположность Степану Пермскому, получает исключительно положительную оценку. В драме он показан не только как колдун, обладающий особыми познаниями и властью над природными явлениями, но и как человек, наделенный интеллектом, уважительно относящийся к односельчанам. Кыска вступает в борьбу с притеснителями своего народа – миссионерами Степаном и его войском, стремясь защитить свободу людей коми, их самобытную культуру и нравственные основы жизни.

Драматург по-своему осмыслил образ колдуна и сделал его внутренне обаятельным, глубоко благородным, широко мыслящим и способным страстно, самоотверженно сражаться за идеалы. Писатель поэтизировал высоту и благородство человеческих устремлений, в то время как его современники фиксировали нравственное падение социума. Кыска погибает, но его

имя и идеалы становятся бессмертными. Трагический пафос, пронизывающий драму “Енколаяс йылысь поэма”, выявляет актуальность поставленной в ней проблемы о будущем народа коми, о возможной потере им уникальности и самобытности [3, 78].

Тун Кыска разительно отличается от героев коми драмы порубежного периода. В современной драме, как и в современной литературе в целом, наблюдается обмельчание героя. По мнению В. А. Латышевой, «настоящие» герои уходят из пьесы, «...остается лишь внутрисемейное, “внутриродственное”, самое большое – внутридеревенское житье-бытье. “Герой” не покусается на что-то большее, а ищет или любви, или признания, или своего жизненного пути» [9, 217]. В 1990-е гг. герои коми драмы переживают духовный кризис, в их характерах выявляются надломленность, равнодушие, склонность к предательству, праздному образу жизни, трусость. В пьесе О. Уляшева мы видим обратное: именно в период дегероизации драматургии коми он создает характер героя-борца. На фоне обмельчавших героев драмы рубежа веков тун Кыска воспринимается как цельный, сильный духом герой.

Воссоздавая исторический и культурный опыт коми народа, О. Уляшев оригинален также в оформлении сценического пространства. Необходимо отметить, что в коми драматургии сложилась определенная традиция в изображении места действия, устоявшимися топосами были деревенская околица и сельская изба. Основная функция категории «художественное пространство» в пьесах коми драматургов – служить изображению фона событий, характеризовать место происхождения, которым чаще всего выступал деревенский дом, так как в пьесах обычно решались проблемы села или личные проблемы жителей села.

В конце XX в. место действия в коми драмах модифицируется – деревенский дом сменяется городской квартирой. Хотя не все авторы отказываются от традиции возведения крестьянской избы на сцене (например, действие в драматургических произведениях Г. Юшкова 1990-х гг. преимущественно

проходит либо в деревенском доме, либо возле него), в целом коми драматургия меняет свое направление в обустройстве сценического пространства, иногда крайне радикально. Так, в пьесе А. Попова “Вой, кодї некор эз вöв” («Ночь, которой никогда не было») действие разворачивается в морге. В драме Н. Белых “Ов, дитяй, ов!” («Живи, дитя мое, живи!»), сюжет которой начинается в городской квартире, место действия постоянно трансформируется, в буквальном смысле перенося персонажей из одной исторической эпохи в другую. Герой драмы А. Лужикова “Ыджыд висьом” («Большая болезнь»), страдающий раздвоением личности, превращает свою квартиру, а значит, и пространство сцены в тюремную камеру...

Для некоторых пьес О. Уляшева характерен традиционный для коми драмы топос – деревенская изба, в других же место действия весьма своеобразно. Например, драма “Гытсан” метафорически усложняется присутствием в сценическом пространстве качелей. Их выведение автором в название драмы подчеркивает важность этого предмета в художественном решении пьесы: все перипетии действия разворачиваются на фоне качелей, персонажи часто разговаривают, сидя на качелях. Этот образ исходит, а вместе с тем и базируется на традиционных воззрениях народа коми. Ученые-этнографы, исследуя народные традиции, связанные с возведением качелей, с качанием на качелях, выявляют соотношение ритуальных действий с идеей повышения урожайности и с идеей воскрешения мира. Как утверждает В. Э. Шарапов, «устраивать качание на качелях с наступлением весеннего тепла – древняя традиция многих народов, в том числе финно-угорских. В этнографической литературе неоднократно высказывалось предположение о том, что в традиционных представлениях земледельческих народов качели были магическим средством увеличения плодородия. <...> В тайном ритуале сооружения, в самих качельных играх, вероятно, символически воспроизводится акт творения мира, заключительный момент которого можно соотнести с последним днем пасхальной

недели. В этот день каждый из участников качельных игр приносил в дар парням, которые сооружали качели, крашеные пасхальные яйца – символ воскрешения» [13, 57,60–61].

В пьесе О. Уляшева качели-гытсан вместе с перечисленными значениями приобретают и другие ассоциативные связи. В некоторых частях драмы они обуславливают возникновение определенных ассоциаций, например в первой части отождествляются с колыбелью, в третьей – со стогом сена, в четвертой – служат столом для переговоров о сватовстве, в пятой – становятся верхней полкой в бане, затем свадебными санями и т. п. С одной стороны, качели в спектакле, способствуя быстрой смене декораций, решают чисто техническую задачу, а с другой – отображая необходимые предметы сценического интерьера, символически воспроизводят самые важные моменты человеческой жизни – рождение, свадьбу, смерть.

Гытсан в пьесе становится не только емким символическим образом, но и своего рода центром мироздания: подобно Мировому дереву или Мировой горе, он служит метафорическим воплощением космического порядка, отражая формы жизни в органических взаимосвязях и представляя Вселенную, законы жизни и человека как неразрывное целое. В отличие от Мирового дерева и Мировой горы образ гытсан не обладает статичной сущностью, он более динамичен, в разное время имеет разную амплитуду колебаний. Примечательно, что этот образ появляется в коми художественной мысли именно в конце XX в., в период радикальных общественных перемен и обновлений, когда возникает ощущение раскачивающегося (колеблющегося) мира, причем его развитие не планомерно, а скачкообразно и непредсказуемо. Тревожная, насыщенная событиями эпоха конца XX в. порождает соответствующее видение мира.

### Заключение

Драматургия О. Уляшева – важная веха в истории развития театра коми. Его пьесам, как и многим драмам рубежа XX–XXI вв., присуще стремление к

обновлению. Художественную специфику пьес определяет обращение к устному народному творчеству. Мироощущению и миропониманию писателя особенно близок высокий художественно-эстетический и нравственно-философский потенциал устного народного творчества, именно фольклорные истоки содействуют его творческим исканиям, развитию творческих устремлений. В период демократизации искусства и всеобщей глобализации О. Уляшев, воссоздавая патриархальный быт народа коми, уве-

дит читателя и зрителя к национальным истокам, ему импонирует архаика, уходящая в глубь веков и содержащая тайны миропонимания коми человека. При этом представленные им картины сельской жизни часто наполнены лирической тональностью, насыщены светлыми красками, рождая в пьесах романтические настроения. Пьесы О. Уляшева наряду с другими произведениями коми литературы конца XX в. об историческом прошлом зырян служат укреплению национального самосознания.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотян И. «Новая драма»: жизнь в текстах // Современная драматургия. 2006. № 1. С. 158–170.
2. Ветелина Л. Г. «Новая драма» XX–XXI вв.: проблематика, типология, эстетика, история вопроса // Вестник Омского университета. 2009. № 1. С. 108–114.
3. Горинова Н. В. Коми драма в 1990-е гг.: некоторые аспекты изучения вопроса // Труды Карельского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 8. С. 76–82.
4. Горинова Н. Традиции В. Чисталева и К. Жакова в драме О. Уляшева «Енколаяс йылысь поэма» («Поэма о молельнях», 1991) // Финно-угроведение. 2011. № 1. С. 12–23.
5. Горинова Н. В. Фольклорные и литературные традиции в драме О. Уляшева «Гытсан» («Качели») // Вестник угроведения. 2017. № 3. С. 7–19.
6. Ельцова Е. В. Образы города и деревни в современной коми поэзии // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы Итоговой (тринадцатой) Всерос. науч.-практ. конф. Сыктывкар, 2014. Ч. 3. С. 109–113.
7. Ельцова Е. В. Трансформация жанров японской лирики (танка и хокку) в поэзии Г. Бутыревой и О. Уляшева // Проблемы жанровой поэтики коми литературы: сб. ст. Сыктывкар, 2007. С. 141–154. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; вып. 65).
8. Кузнецова Т. Л. Современная коми прозаическая миниатюра: жанровые особенности // Финно-угорский мир. 2009. № 4. С. 24–34.
9. Латышева В. А. Драматургия братских угро-финских народов Поволжья и Приуралья // Латышева В. А. Классики и современники: ст. о лит. Сыктывкар, 2005. С. 209–221.
10. Латышева В. А. Драматургия и жизнь: Эволюция жанров драматургии угрофинских народов Поволжья и Приуралья. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. 80 с.
11. Латышева В. А. Конфликт и характеры в коми драматургии (40–60-е гг.). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1973. 104 с.
12. Уляшев О. Степан Пермской // Мифология коми. М.; Сыктывкар: ДИК, 1999. С. 346–348.
13. Шарапов В. Э. Пасхальные качели в традиционной культуре коми // Традиционная народная культура населения Урала: материалы междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 1997. С. 57–61.

Поступила 12.05.2021; одобрена 15.06.2021; принята 06.09.2021.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Н. В. Горинова** – кандидат филологических наук, ученый секретарь Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, [ngorinova@mail.ru](mailto:ngorinova@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-1128-7273>



# Theatrical and dramatic work of Oleg Ulyashev

**Natalia V. Gorinova**

*Institute of Language, Literature and History,  
Komi Research Centre,  
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,  
Syktyvkar, Russia*

**Introduction.** The work is devoted to the study of the theatrical and dramatic work of O. Ulyashev. It reveals the originality of his dramatic handwriting and some aspects of the movement of national culture in the 1990s.

**Materials and Methods.** The material of the study was the plays by O. Ulyashev. The method of study is comparative.

**Results and Discussion.** O. Ulyashev's plays are an important milestone in the history of the development of the Komi Theater. His plays, like many other ones of the turn of the XX–XXI centuries, are inherent in the desire for renewal. The artistic originality of his texts, however, determines the actualization of folklore material. The writer's worldview is close to the high artistic, aesthetic and moral and philosophical potential of oral folk art. It is folklore origins that contribute to his creative quest and the development of his creative aspirations. O. Ulyashev's works, like many other works of Komi literature of the late XX century about the historical past of the Zyryans, serve to increase and strengthen national identity.

**Conclusion.** The work of the writer O. Ulyashev played an important role in the development of theatrical and dramatic art of the Komi Republic. His plays largely update the Komi drama, saturating it with folklore material, romanticizing the past of the Zyryans.

**Keywords:** Komi theater, drama by O. Ulyashev, folklore, romanticism

**For citation:** Gorinova NV. Theatrical and dramatic work of Oleg Ulyashev. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;4:405–416. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.405-416.

## REFERENCES

1. Bolotyán I. "New Drama": life in texts. *Sovremennaiia dramaturgiia* = Modern drama. 2006;1:158–170. (In Russ.)
2. Vetelina LG. "New Drama" XX–XXI centuries: problems, typology, aesthetics, history of the question. *Vestnik Omskogo universiteta* = Bulletin of Omsk University. 2009;1:108–114. (In Russ.)
3. Gorinova NV. Komi drama in the 1990s: some aspects of the study of the issue. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN. Gumanitarnye issledovaniia* = Proceedings of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Humanities research. 2015;8:76–82. (In Russ.)
4. Gorinova N. Traditions of V. Chistalev and K. Zhakov in the drama of O. Ulyashev "Enkolayas yilis poema" ("Poem on Prayers", 1991). *Finno-ugrovedenie* = Finno-Ugric studies. 2011;1:12–23. (In Russ.)
5. Gorinova NV. Folklore and literary traditions in the drama of O. Ulyashev "Gytsan" ("Swing"). *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric studies. 2017;3:7–19. (In Russ.)
6. Eltsova EV. Images of the city and village in modern Komi poetry. *Politicheskie, ekonomicheskie i sotsiokul'turnye aspekty regional'nogo upravleniia na Evropeiskom Severe: materialy Itogovoi (trinadtsatoi) Vse-ros. nauch.-prakt. konf.* = Political, economic and socio-cultural aspects of regional governance in the European North. Materials of the Final (thirteenth) All-Russian scientific-practical conference. Syktyvkar; 2014;3:109–113. (In Russ.)
7. Eltsova EV. Transformation of genres of Japanese lyrics (tanka and hokku) in poetry by G. Butyreva and O. Ulyashev. *Problemy zhanrovoy poetiki komi literatury: sb. st.* = Problems of genre poetics of Komi literature. Collection of articles. Syktyvkar; 2007;65:141–154. (In Russ.)
8. Kuznetsova TL. Modern Komi prose miniature: genre features. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2009;4:24–34. (In Russ.)
9. Latysheva VA. Dramaturgy of the fraternal Ugro-Finnish peoples of the Volga region and the Urals. *Latysheva V. A. Klassiki i sovre-*

- menniki: st. o lit.* = Latysheva V. A. Classics and contemporaries. Articles on literature. Syktyvkar; 2005:209–221. (In Russ.)
10. Latysheva VA. Drama and life: The evolution of the genres of drama of the Ugric and Finnish peoples of the Volga region and the Urals. Syktyvkar; 1985. (In Russ.)
  11. Latysheva VA. Conflict and characters in Komi drama (40–60s). Syktyvkar; 1973. (In Russ.)
  12. Ulyashev O. Stepan Permskyj. *Mifologiya Komi* = Komi mythology. Moscow; Syktyvkar; 1999:346–348. (In Russ.)
  13. Sharapov VE. Easter swing in traditional Komi culture. *Traditsionnaya narodnaya kul'tura naseleniya Urala: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Traditional folk culture of the population of the Urals. Proceedings of the international scientific-practical conference. Perm; 1997:57–61. (In Russ.)

Submitted 12.05.2021; reviewing 15.06.2021; accepted 06.09.2021.

---

### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

---

**N. V. Gorinova** – Candidate Sc. {Philology}, Scientific Secretary, Institute of Language, Literature and History, Komi Research Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, [ngorinova@mail.ru](mailto:ngorinova@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-1128-7273>





## «Ритуальные» грибы в традиционной культуре обских угров

Татьяна Владимировна Волдина

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,  
Ханты-Мансийск, Россия*

**Введение.** В традиционной культуре обских угров определенные виды грибов получили особый мифоритуальный «статус», раскрывающий их место в традиционной картине мира и поясняющий силу их воздействия на человека. Цель исследования – представить роль грибов в народной медицине и ритуальных практиках хантов и манси. Эти взаимосвязанные области на данный момент изучены недостаточно, чем и обусловлена актуальность работы.

**Материалы и методы.** В статье использованы опубликованные данные и полевые материалы автора, а также фольклорные источники. Исследование выполнено на основе междисциплинарного и системного подходов с применением структурно-функционального метода.

**Результаты исследования и их обсуждение.** В лечении и очистительных обрядах хантов и манси широко применялись березовые трутовики, в частности чага. Их целебные свойства известны с древности, именно с березой ассоциировался образ Древа жизни. Другой представитель грибного царства – мухомор – использовался эпизодически, прежде всего как галлюциногенное средство в ритуальных практиках. Свойства этого гриба позволяют исследователям сделать неоднозначный вывод о том, что именно в снадобьях из мухомора кроется разгадка сомы – напитка богов.

**Заключение.** Изменение условий жизни привело к постепенному исчезновению традиций народной медицины и ритуальных практик обских угров, что существенно затрудняет их изучение в настоящий период.

**Ключевые слова:** обские угры, народная медицина, ритуалы, чага, трутовики, мухомор, древо жизни, сома

**Для цитирования:** Волдина Т. В. «Ритуальные» грибы в традиционной культуре обских угров // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 4. С. 417–427. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.417-427.

### Введение

В основе народной медицины обских угров лежат две взаимосвязанные составляющие: 1) магико-мистические представления о мире и базирующиеся на них практики: комплекс ритуальных (шаманских) способов исцеления и поддержания психического здоровья, изгнания духов болезни, возвращения души-тени, помощи духов-покровителей, привлечения сил воды, огня и т. п.; 2) рациональные знания о природных явлениях и их воздействии на человеческий организм, включая арсенал средств минерального, растительного и животного происхождения, применяемых в лечении, и способов сохранения здоровья: тепло, холод и т. д.

Ритуально-обрядовые действия нередко были направлены на лечение больного или служили профилактической мерой, что позволяет рассматривать их в едином комплексе с народными способами врачевания.

В настоящее время народная медицина обских угров относится к слабо изученным областям. На данном этапе охват локальных традиций увеличивается, но пока недостаточен. Информация по народной медицине, включая так называемую сакральную терапию, имеется не по всем этнографическим группам, выглядит разноплановой, противоречивой в выводах, а многие проблемы требуют дополнительной проработки и изучения. Без внимания остаются процессы, связанные с современным целительством у хантов и манси, живущих в городах, в сельской местности и на стойбищах. Таким образом, актуальной задачей является проведение специального полномасштабного комплексного исследования, в основу которого могут лечь и разработки автора.

Цель статьи – отразить особенности применения грибов (чаги и других трутовиков, мухомора) в народной медицине и шаманских практиках обских угров.

## Обзор литературы

Первые краткие сведения по народной медицине хантов и манси можно встретить в публикациях второй половины XIX в. Н. Л. Гондатти, И. Г. Георги, А. А. Дунина-Горкавича и др., а также в трудах зарубежных исследователей, например У. Т. Сирелиуса [12]. Весомый вклад в изучение данной тематики внес финский ученый К. Ф. Карьялайнен: его труд «Религия югорских народов», опубликованный в начале XX в., проливает свет на истоки многих явлений в духовной культуре обских угров, в том числе народной медицины [5; 20].

В советский период практики сохранения здоровья, а также шаманские традиции на материале васюгано-ваховской группы хантов нашли отражение в работе этнографов В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной [8]. Примечательным событием стал выход книги о наименованиях болезней обских угров на немецком языке, подготовленной филологом П. Яасалми-Крюгер [19].

Обзорный материал об использовании в шаманских целях мухомора на основе данных предшественников представлен В. И. Сподиной [13], применение чаги рассмотрено в работе Е. А. Оборотовой [10], других лечебных средств, включая лишайники (представляют собой симбиоз грибов и водорослей), – Т. Е. Акимовой [1].

В постсоветское время в сбор данных по народной медицине хантов и манси включились профессиональные медики (Е. П. Поворознюк, В. И. Хаснулин [17] и др.), национальная интеллигенция и этнографы из числа представителей обских угров (Т. В. Волдина, Е. Д. Каксина, В. В. Лапсуй, М. В. Молданова, Т. Р. Пятникова [11], Р. Г. Решетникова, Т. Д. Слинкина и др.).

## Материалы и методы

Исследование основывается на выборке опубликованных данных по народной медицине и ритуальным практикам различных групп хантов и манси с конца XIX в. до начала XXI в., а также на полевых материалах автора, полученных во время

экспедиции 2008 г. по изучению народной медицины хантов Белоярского района ХМАО – Югры. Было опрошено более 20 представителей казымских хантов, выходцев из разных населенных пунктов Белоярского района, проживавших на тот момент в пос. Полноват и г. Белоярский. Эта информация была дополнена сведениями, полученными от хантыйской целительницы в 2021 г. в г. Ханты-Мансийске. Привлечены также фольклорные источники: «мухоморные» песни восточных хантов, сказания манси.

Работа строится на системном и междисциплинарном подходе с применением структурно-функционального метода исследования.

## Результаты исследования и их обсуждение

Как известно, во многих человеческих культурах грибы используются в пищу и составляют важную часть современного рациона. Что касается обских угров, то в прошлом в их питании грибы (сосьв. манси *lāxys*, казым. ханты *тулах*) не играли такой роли. На материале восточных (васюгано-ваховских) хантов Н. В. Лукина сделала вывод, что грибы они не ели, считая их «нечистыми», и относили только к пище животных (олений, лосей) [9]. Данный вывод позднее стал повторяться в других работах применительно ко всем группам обских угров. Однако известно, что северные ханты и манси заготавливали и сушили съедобные грибы, но, как представляется, это могло происходить и под влиянием иноэтничного окружения.

### Применение в лечении и обрядах березовых трутовиков

В обско-угорских культурах было довольно распространенным применение определенных видов грибов в народной медицине и в ритуальной практике, причем эти направления были взаимосвязаны. Например, очищение помещения, вещей, людей дымящейся чагой имеет отношение и к ритуальным делам, и к целительству, так как считается способом изгнания «злых» духов. Все обряды, от самых простых до такого крупного церемониального

комплекса, как медвежьих игрища, сопровождалась окуриванием чагой или составом, в который она входила. Дом с заболевшим было принято время от времени очищать дымом курящейся чаги, такое же окуривание совершалось и при проведении лечебных процедур.

Трутовиками (*Polyporaceae*) называют грибы, развивающиеся обычно на древесине, реже на почве. На березе встречаются чага, или березовый гриб (*Inonotus obliquus*), и однолетний трутовик березовый (*Piptoporus betulinus*). Хантыйское название чаги – *вэш* (казым. ханты), мансийское – *сас/сос* (сосьв. манси). Трутовик березовый казымские ханты именуют по-разному: *Моньщнэ тулах* ‘сказочной женщины гриб’, *тулах шар* ‘гриб для табака’ и др.

По наблюдению Т. Р. Пятниковой, хантам известно несколько видов березового нароста *вэш*: «...*тэмкайе* использовали для окуривания помещения во время “медвежьих игрищ” и жертвоприношений; *уэм* ставили под порог полукруглой стороной к жилищу, лицом к двери, считалось, что охраняет дом от “нечистой” силы... Во время сильной грозы зажигали кусочек березового нароста, чтобы уберечь дом от поражения молнией» [11, 176].

Сама же береза, на которой собирают чагу и другие трутовики, считается деревом особым [2]. Ее образ восходит к универсальному мифологическому символу и архетипу – Древу жизни как варианту Мирового древа, воплощающего универсальную концепцию мира, жизнь во всей ее полноте. Как отмечает В. Н. Топоров, «основная идея Древа жизни связана с вечной жизнью. Бессмертие, хранящееся в нем, передается во времени и в пространстве и мыслится как особая жизненная сила» [14]. Выделение именно березы в качестве Мирового шаманского дерева, или Древа жизни, неслучайно, поскольку «она более других деревьев отвечала сибирско-языческим представлениям о плюсовых зна-

чениях системы миропонимания...» [6, 240].

Все, что имеет отношение к березе, также обладает положительными и целительными свойствами. Жительница пос. Полноват Е. Д. Обатина утверждала: «От березы все полезно». Про очищение помещения дымящейся чагой она сказала так: «Пол перебивают, уборку делают и прокуривают». Е. Е. Лельхова уточнила, что, обнося по ходу солнца емкость с дымящейся чагой по внутренним углам дома, проговаривают (вслух или мысленно): “*Лымат-химат, этаты, этаты, манаты, манаты. Ям вэрт – ям лэух, сэвияты, ховияты*”<sup>1</sup>, изгоняя этими словами всякую нечисть и приглашая светлых духов<sup>2</sup>.

---

В обско-угорских культурах было довольно распространенным применение определенных видов грибов в народной медицине и в ритуальной практике, причем эти направления были взаимосвязаны. Например, очищение помещения, вещей, людей дымящейся чагой имеет отношение и к ритуальным делам, и к целительству, так как считается способом изгнания «злых» духов.

---

Отвар чаги, полезные свойства которого хорошо осознавались, наряду с отварами трав всегда был популярным напитком у обских угров. Мелкие кусочки чаги заваривали крутым кипятком, иногда могли просто добавить в котел с кипящей водой. Так лечили печень, а трехсуточным настоем – желудок.

В народе отмечают бактерицидные и дезинфицирующие свойства чаги. Ее отвар нередко сравнивают с настойкой марганцовки. Им мыли новорожденных, а также обмывали покойников (в последнем случае использовали более густой черный отвар чаги) [10, 37].

Е. Д. Обатина рассказала о старинном методе, который использовали пожилые

<sup>1</sup> Выражение относится к труднопереводимым древним формулам с параллелизмами.

<sup>2</sup> Полевые материалы автора: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, пос. Полноват Белоярского района, запись – январь 2008 г. (далее – ПМА, 2008). Информанты: Евдокия Даниловна Обатина, родилась в 1939 г. в д. Мозямы Березовского (ныне Белоярского) района; Евдокия Ефремовна Лельхова, родилась в 1936 г. в д. Пашторы Березовского (ныне Белоярского) района.

люди, снимая боль в локте или колене. Чагу размером со спичечную головку помещали в естественную ямку в суставе руки или ноги и поджигали. «При этом чага горит и сама собой отскакивает, если это сделано правильно»<sup>3</sup>. Ранее данный метод упоминался исследователем культуры обских угров XIX в. В. Ф. Зуевым: «При болях болезненные места прижигают чагой (березовая накипь)» (цит. по: [17, 276]).

По словам стариков, и чага, и трутовик березовый обладают противовоспалительными свойствами: у того, кто их жует, никогда не будут воспаляться и болеть десны [10, 37–38]. Чагу пережигали в жестяной банке и золу добавляли в жевательный табак. Годился для этой цели и трутовик березовый. Перед тем как добавить в табак, его тоже требовалось пережечь. По данным Е. Н. Спасенниковой (пос. Кыштик), для лечения чистых ран и порезов также использовали смесь курительного табака с пеплом чаги, которой присыпали раневую поверхность [17, 267].

Среди сильнейших снадобий трутовик березовый называет и целительница из Ханты-Мансийска Г. С. Молданова<sup>4</sup>. Гриб собирают в августе и, разрезав на мелкие кусочки, варят в кипятке. Ханты применяют этот отвар для лечения внутренних болезней, при болях в желудке и слабости. В народе было подмечено, что те, кто использовал гриб-трутовик в табачной смеси и по хантыйской традиции клал ее за губу, фактически не страдали болезнями желудка и имели здоровые зубы. Г. С. Молданова рассказала о пожилым родственнике оленеводы Г. П. Сенгепове, который, живя в лесу, регулярно пьет отвар из гриба, чувствует себя очень хорошо и не нуждается ни в каких лекарствах. Это средство она использовала для восстановления себя и своих близких после перенесенного COVID-19<sup>5</sup>.

Е. Д. Обатина вспомнила случай, как ее дед излечил сестру, проколовшую пешней ногу, при помощи трутовика березового. «В отличие от чаги он мягкий и белый. Срезав головку гриба, дед положил его, как тряпку, на ранку. Через три дня нога зажила»<sup>6</sup>.

Из сушеного березового гриба ханты и манси делали *шивт* – трут для добывания огня, который использовали также для лечения<sup>7</sup>. Из него же для облегчения родов изготавливали куклу, олицетворявшую Маленькую Калтац – помощницу рожениц. По данным У. Т. Сирелиуса, трут для добывания огня и горящий трут в качестве лечебного средства применяли и восточные ханты (д. Вах, Охтеурье, Васюган, Ларьяк) [12, 337]. Так, в хантыйском селении Ларьяк, по свидетельству финского ученого, «из нароста на березе изготавливали краску и лекарство» [12, 335].

Наряду с березовыми известно использование трутовиков от других деревьев. Например, своими лекарственными свойствами известна «губа» (нарост) лиственницы, или лиственничная губка. Лиственница, подобно березе, занимает особое место в мировоззрении обских угров как дерево богатейшей-предков. Применение «губы» аналогично березовым грибам. Ее собирали весной с живого дерева, высушивали, заваривали измельченное сырье кипящей водой, настаивали и употребляли при заболеваниях печени и желудка. По утверждению информанта, это средство способно излечивать даже рак. При болях в теле «губа» лиственницы зажигается, прикладывается к больному месту и находится там до полного сгорания [17, 276].

У многих локальных групп обских угров в лечении использовались различные виды лишайников (*Lichenes*), представляющих собой симбиотические ассоциации грибов и микроскопических зеленых водорослей. Обские угры применяли их от опрелостей, «как жаропонижа-

<sup>3</sup> ПМА, 2008: Евдокия Даниловна Обатина.

<sup>4</sup> Полевые материалы автора: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, запись – октябрь 2021 г. (далее – ПМА, 2021). Информант Галина Сергеевна Молданова, родилась в 1970 г. в д. Юильск Березовского (ныне Белоярского) района.

<sup>5</sup> ПМА, 2021: Галина Сергеевна Молданова.

<sup>6</sup> ПМА, 2008: Евдокия Даниловна Обатина.

<sup>7</sup> Там же.

ющее и противоотечное средство, а также для восстановления сил после болезни», для лечения гнойных ран; при укусах змей лишайником обкладывали больное место пострадавшего [1, 7].

Среди лишайников особого внимания заслуживает ягель – главная пища оленей. Ханты называют его *лант*, манси – *сӓлытэп*. В настоящее время ханты используют его для лечения от последствий коронавирусной инфекции. Собирают верхушки ягеля (основной признак экземляра, годного для лечения, – «светлая шапочка»), отваривают их в воде и настаивают. По утверждению информантов, это средство чистит легкие, раньше его применяли при лечении туберкулеза. Раны лечили примочками из отвара ягеля (его принимали также внутрь от язвы желудка)<sup>8</sup>. Известны случаи, когда на войне раненные использовали ягель для лечения ран, с помощью народных знаний спасая жизнь себе и другим<sup>9</sup>.

#### **Мифологические представления о мухоморе, традиции его использования**

Мухомор красный (*Amanita muscaria*) – гриб, широко распространенный на планете. Его галлюциногенные свойства известны с давних времен различным народам, в том числе финно-угорским (есть сведения по коми, марийцам и мордве). Ритуальное употребление мухоморов зафиксировано на огромной территории – от Чукотки до Волги. Наиболее древние наскальные рисунки с изображением мухомора относятся к 1-му тыс. до н. э.

Основными психоактивными веществами, содержащимися в мухоморе красном, являются мусцимол и иботеновая кислота – они нейротоксичны. Их употребление ведет к появлению у человека измененных состояний сознания [3]. По утверждению А. В. Шаповалова, до недавнего времени у народов Дальнего Востока, эвенков и обских угров сохра-

нялось «реликтовое» применение мухомора, т. е. «силу психотропных препаратов используют только отдельные люди в ходе ритуально-обрядовой, чаще всего лечебной, практики» [18].

В прошлом применение мухомора красного (его обско-угорское наименование – *пах* с различными диалектными вариациями в произношении) встречалось у южных и восточных обских угров, оно упоминается и в фольклоре северных групп.

В сугубо медицинских целях мухомор использовался гораздо реже, чем в ритуальных. Например, на р. Малый Юган записано сообщение, согласно которому напиток из растворенного в теплой воде мухомора нейтрализует действие змеиного яда [7, 197]. Известно также, что настойки из этого гриба используются для наружного применения. Однако обычно он рассматривается как атрибут определенного вида шаманских практик, построенных на употреблении мухомора или настоя из него для вхождения в измененное состояние сознания, позволяющее общаться с духами и получать от них важную информацию.

Согласно мифу васюганских хантов, гриб, возникший из слюны небесного бога, так силен, что, съев его, черт был без сознания семь дней и ночей. В песнях северных манси он описывается как лакомство духов – «одноногий ребристый, семикратный *панх*». В одном из мансийских мифологических сказаний про Экву-Пыгриса (его образ неразрывно связан с шаманской традицией) герой использует чудодетственную силу мухомора: «Оказывается, это волшебство его бабушки: съел гриба-*пах*<sup>10</sup>, родную землю вспомнил. <...> Из-за того, что он съел *пах*, люди его не видят, он же все знает, где что делается». Здесь же упоминается о «семи грибах *пах*». Согласно пояснениям сказительницы, «этот гриб растет в лесу, из одного корня выходит семь грибов на семи ножках, их ред-

<sup>8</sup> ПМА, 2021: Галина Сергеевна Молданова.

<sup>9</sup> ПМА, 2008: Информант Данил Петрович Пендахов, родился в 1932 г. в д. Мозямы Березовского (ныне Белярского) района.

<sup>10</sup> Написание *пах* вместо общеупотребительного *панх* характерно для сыгвинского говора сосвинского диалекта мансийского языка, на котором зафиксирован цитируемый текст.



кий человек находит, они совсем белые, маленькие, совсем тоненькие»<sup>11</sup>.

Самым действенным в легендах васюганских хантов является «королевский мухомор» – маленький гриб с высокой ножкой и одним-единственным белым пятном на середине шляпки, вокруг которого растут обычные более мелкие экземпляры.

Подробное описание использования мухоморов у обских угров, оставленное К. Ф. Карьялайненом, позволяет получить представление о проведении подобных практик в конце XIX – начале XX в. По сообщению финского исследователя, «это одурманивающее средство ворожей поставили на службу своим особым целям; они применяют его на Третьюгане, еще чаще на Васюгане. Регулярным возбуждающим средством он является на Иртыше, и с той же целью его вкушают кое-где на вогульской территории» [5, 207].

Считается, что у мухомора съедобна только верхняя часть шляпки. Его могли есть сырым («прямо из лесу»), предварительно очистив от ножки и трубочек, но чаще высушенным на солнце или в печи. Иногда грибы ели намазанными маслом или жиром, но обычно с хлебом, а для облегчения проглатывания запивали водой. При этом всегда помнили о необходимости соблюдать меру: «Кто съест слишком много, у того сжимаются зубы и изо рта идет пена, глаза становятся неподвижными, и спасти его можно только насильственным введением молока или соли; ибо об этих веществах *рапх* не хочет ничего знать» [5, 208].

К. Ф. Карьялайнен, наблюдавший церемонии с использованием мухоморов, отмечал, что восточные ханты по отношению к *рапх* проявляют осторожную сдержанность: «Когда васюганец вкушает гриб, он всегда оставляет половинку последнего гриба и прячет ее, ибо тогда гриб не может причинить вред во всю свою силу» [5, 208]. При обычном поедании также соблюдались определенные меры предосторожности, вытекающие из сравнительно сильной ядовитости гриба (позднее они приняли религиозный ха-

рактер). На Иртыше мухоморы ели только вечером. Число съеденных экземпляров/кусочков составляло три или семь. Больше трех кусочков нужно было принимать с оговоркой, поскольку даже привыкший к мухоморам редко мог съесть такое количество. Если гриб ел шаман, это всегда имело культовое значение: таким образом он приобретал помощника – *рапх* входил в него.

Главный синергетический эффект содержащегося в мухоморе психоделика проявляется в области речи: «...он возбуждает вокализацию и освобождает лингвистическую спонтанность, вызывая желание петь, веселиться» [13, 82]. О механизме такого воздействия дают представление и материалы К. Ф. Карьялайнена: «Следствием вкушения было одурманивание, вызывающее желание петь, которое могли подавить только немногие». Воздействие продолжалось «с утра до захода солнца». Или: «Третьюганский ворожей может есть *рапх* в любое время дня и не прячет другую половинку, а у каждого гриба вырезает из середины кусочек, “макушку *рапх*”, и бросает его в огонь или на чистое место во дворе. Перед одурманенным мухомором “танцуют” невидимые для других *рапх*, т. е. они маршируют в направлении солнца и поют песню, которую слово в слово повторяет одурманенный остяк, так что для ворожее-предсказателя *рапх* и являются “запевалами”. Одновременно *рапх* сообщают ворожею, что он хочет узнать» [5, 208].

Таким образом сложился фольклорный жанр, называемый «мухоморными» песнями. К. Ф. Карьялайнен оставил определение данного жанра: «...это эпическое изложение того, что слышит и видит ворожей как по прибытии духов-помощников, так и в их поездке для получения сведений, т. е. они являются, так сказать, докладами о происходящем с ворожеем» [5, 237]. В комментарии к одной из таких песен современные исследователи дают пояснение: «Мухоморная песня – песня, связанная с употреблением мухомора для обряда гадания. Юганские ханты зна-

<sup>11</sup> Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / сост. Е. И. Ромбандеева. Новосибирск, 2005. С. 135 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 26).

ли о свойстве гриба приумножать духовную силу. Вызываемые им видения толковались для предсказания будущего»<sup>12</sup>. На материале лесных ненцев, с которыми обские угры проживают в тесном контакте, отмечается еще одно назначение «мухоморных» песен, связанное с «увеличением семьи, детей, благополучием рода, а теперь и оленей» [13, 83].

Из наблюдений К. Ф. Карьялайнена следует, что мухомор *raih* наряду с музыкальными инструментами, такими как бубен, *сангвылтан/нарсьях*, – «“великий” материальный медиум, посредством которого некоторые югорские шаманы вступали в связь с духами и стремились получить необходимые сведения» [5, 209].

О древности данного обычая говорит аналогичное употребление мухоморов (*taltos*) венгерским шаманами (дунайскими уграми). Обско-угорское же название мухомора *пангх*, *панх*, *пах* имеет индоиранское происхождение (ср.: ав. *banha* ‘целебное растение’, *bhaṅgáh* ‘конопля’) [7, 196; 13, 82].

Исследователь гимнов Ригведы Р. Г. Уоссон пришел к выводу, что упоминаемый в них напиток богов сома представляет собой гриб, известный как мухомор красный [16; 22]. Он же утверждает, что, «когда наши предки впервые начали сосуществовать с березой и мухомором красным, через мезолит к палеолиту», «легенды о Древе Жизни и о Чудесном Растении появились в лесополосе Евразии». По его мнению, «...дерево представляет собой не что иное, как сибирскую березу, а чудодейственное растение – мухомор красный, сома, *rongo* (гриб) угорских племен». Эти образы легли в основу более поздних, по мнению исследователя, легенд Месопотамии и Ближнего Востока, а затем уже пришедшие с севера индоиранцы «привнесли знание о чудодейственном растении и даровали нам странные, удивительные стихи Ригведы». В дальнейшем «сома Ригведы включается в религиозную историю Евразии, приобретает вполне определенное происхождение, многочисленные аналогии» [16, 180–181]. Данная точка зрения

пользуется определенной популярностью, прежде всего среди западных антропологов, но имеет и своих оппонентов (см., например, [18]).

---

В настоящее время народная медицина обских угров относится к слабо изученным областям. На данном этапе охват локальных традиций увеличивается, но пока недостаточен. Информация по народной медицине, включая так называемую сакральную терапию, имеется не по всем этнографическим группам, выглядит разноплановой, противоречивой в выводах, а многие проблемы требуют дополнительной проработки и изучения.

---

Взаимосвязь древних традиций почитания березы (в нашем случае это можно видеть на примере применения разновидностей грибов-трутовиков) и мухомора в культуре обских угров, проживающих в самом центре лесной полосы Евразии, с индоиранскими представлениями о Древе жизни и соме (чудодейственном растении) выглядит вполне убедительно. В то же время нельзя исключить и обратный вариант влияния, связанный с южными по происхождению относительно территории расселения обских угров традициями. В пользу такого подхода говорят многочисленные исследования, свидетельствующие о южном компоненте в обско-угорских культурах. Основным аргумент Р. Г. Уоссона заключается в том, что береза и мухомор растут только в лесной полосе Евразии, соответственно сокровенные знания о них могли распространиться только с этой территории, а не наоборот.

В настоящее время традиции использования мухоморов в культуре хантов и манси фактически исчезли. Роль «включателя» измененных состояний сознания – необходимого атрибута ритуальных практик, помогающего общению с духами-покровителями, уже давно стали выполнять алкогольные напитки. Однако этот заменитель оказывает более па-

<sup>12</sup> Балалаева О. Э., Сурломкина Е. П., Уигет Э. О. Голоса Югана: сб. фольклора Йавэн-Йах. Сургут, 2021. С. 76.

губное влияние на людей и способствует не столько решению насущных проблем, сколько их усугублению.

В традиционных культурах соблюдалась строгая регламентация в использовании галлюциногенов. М. Добкин де Риос подчеркивает, что ритуал являлся средством, с помощью которого общество могло контролировать их употребление. Она обращает внимание на то, что злоупотребление начинается, когда в сообщество попадают психоактивные вещества, которые не были интегрированы в культуру. В качестве примера автор приводит австралийских аборигенов, у которых не было зависимости от питури, употребляемого в религиозных целях. Когда же с приходом европейцев им стал доступен алкоголь, в сообществе началось распространение алкоголизма [4, 115]. По свидетельству Р. Г. Уоссона, у индейцев «нет зависимости от растений, с которыми они общаются с уважением», однако некоторые из них, «будучи алкоголиками, принимали грибы только однажды в жизни» [15, 163; 21]. Приведенные утверждения справедливы и для других традиционных культур, включая обских угров.

### Заключение

Рассмотренные традиции применения обскими уграми березовых трутовиков и мухомора в ритуальной практике и народной медицине берут свое начало в глубокой древности, а их сакральный контекст восходит к архаичным представлениям о сути бытия.

В народной медицине хантов и манси повсеместно и широко использовалась чага в разных вариантах: как окуривающее средство, отвар внутрь, наружный раствор для омовений и др., а также трутовик березовый – его применяли в сыром виде для лечения ран, в виде золы добавляли в табачную смесь (профилактика зубной боли), из него изготавливали различные лекарства и т. д. В ритуальной практике наряду с курящейся чагой – очищающим средством от «злых» духов в прошлом обско-угорские шаманы использовали мухомор в качестве галлюциногенного средства для вхождения в измененное состояние сознания и полу-

чения необходимой людям информации из мира духов.

В настоящее время по-прежнему активно применяется отвар (и настой) чаги в лечебных целях, а также ее дым для очищения пространства дома, вещей и человека. Использование чаги, как и других березовых трутовиков, в ином качестве ушло в прошлое, знанием о его распространении в традиционной среде владеют лишь единицы. Чаще всего такая информация носит опосредованный характер, как воспоминание, переданное близкими, сами же информанты активно ее не используют. Это обусловлено тем, что повсеместно люди получают медицинскую помощь в учреждениях здравоохранения.

Ритуальное использование мухоморов в традиционной среде обских угров также забыто. Сведения о бытовании этих практик сохранились в редких публикациях и фольклорных произведениях – так называемых мухоморных песнях шаманов и сказаниях, где упоминаются герои с магическими способностями. На смену галлюциногенным мухоморным снадобьям в качестве средства для вхождения в измененные состояния сознания, необходимые для проведения ритуальных практик, пришли алкогольные напитки, которые люди приобретают в магазинах. К сожалению, прием алкоголя не регламентирован традицией, а отсутствие табу часто ведет к злоупотреблению им и, как следствие, к пагубному воздействию на людей.

Таким образом, изменение условий жизни привело к постепенному исчезновению традиций народной медицины и ритуальных практик обских угров, что существенно затрудняет их изучение в настоящий период. Одним из сокровенных в исследовании данной тематики является вопрос о глубинном смысле образов березы (Древа жизни) и мухомора (как предполагают, сомы – напиток богов) и их влиянии на формирование традиционных представлений о жизни, здоровье и благополучии человеческого общества.

### УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ав. – авестийский язык  
казым. – казымский диалект хантыйского языка  
сосьв. – сосьвинский диалект мансийского языка

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова Т. Е. Современное использование традиционных методов лечения у народов Севера // Бахлыковские чтения – 2011: материалы регион. науч. конф. Сургут, 2012. С. 7–9.
2. Волдина Т. В. Образ дерева жизни в традиционной культуре обских угров в контексте реинкарнации // Финно-угорский мир. 2015. № 4. С. 84–90.
3. Гордеева О. В. Психологические эффекты мухомора красного (*Amanita muscaria*) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 152–183.
4. Добкин де Риос М. Растительные галлюциногены // Измененные состояния сознания и культура / авт.-сост. О. В. Гордеева. СПб., 2009. С. 93–119.
5. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов: в 3 т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. Т. 3. 264 с.
6. Косарев М. Ф. Образ дерева в мифоритуальной традиции сибирских народов // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии: памяти В. Н. Чернецова: сб. ст. М., 2006. С. 239–253.
7. Кулемзин В. М. Панк (paŋk) // Кулемзин В. М., Лукина Н. В., Молданов Т. А., Молданова Т. А. Мифология хантов. Томск, 2000. С. 196–197.
8. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюгановские ханты в конце XIX – начале XX в.: этногр. очерки. Тюмень: Мандр и К<sup>а</sup>, 2006. 208 с.
9. Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов: (Восточная группа). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 365 с.
10. Оборотова Е. А. От печки. Новосибирск: Наука-Центр, 2003. 224 с.
11. Пятникова Т. Р. Растительный мир в верованиях хантов усть-казымского Приобья // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: материалы науч.-практ. конф. IX Югорские чтения. Ханты-Мансийск, 2012. С. 172–181.
12. Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 341 с.
13. Сподина В. И. «Гриб безумия» в традиционной культуре коренных народов Севера // Материалы Третьей научно-практической конференции, посвященной памяти А. А. Дунина-Горкавича. Ханты-Мансийск, 2008. С. 82–83.
14. Топоров В. Н. Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы: в 2 т. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 2. 496 с.
15. Уоссон Р. Г. Божественный гриб бессмертия // Измененные состояния сознания и культура / авт.-сост. О. В. Гордеева. СПб., 2009. С. 153–168.
16. Уоссон Р. Г. Что такое сома арийцев? // Измененные состояния сознания и культура / авт.-сост. О. В. Гордеева. СПб., 2009. С. 169–182.
17. Хаснулин В. И., Вильгельм В. Д., Скосырева Г. А., Поворознюк Е. П. Современный взгляд на народную медицину Севера. Новосибирск: СО РАМН, 1999. 281 с.
18. Шаповалов А. В. Магический гриб мухомор: к вопросу об использовании психотропных средств в шаманской практике // Сибирская Заимка. История Сибири в научных публикациях. URL: <https://zaimka.ru/shapovalov-shaman-amanita/> (дата обращения: 26.08.2021).
19. Jääsalmi-Krüger P. Ostjakische Krankheitsnamen und deren Benennungsmotivation: Eine onomasiologisch-semasiologische Untersuchung. Wiesbaden: Harrassowitz, 1990. 208 S. (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica; Bd. 32).
20. Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra-Völker. Porvoo; Helsinki: Werner söderström osakeyhtio, 1921–1927. Vol. 1–3.
21. Wasson R. G. The divine mushroom of immortality // *Flesh of Gods: The ritual use of hallucinogens*. New York; Washington: Praeger Publishers, 1972. P. 185–200.
22. Wasson R. G. What Was the Soma of the Aryans? // *Flesh of Gods: The ritual use of hallucinogens*. New York; Washington: Praeger Publishers, 1972. P. 201–213.

Поступила 27.08.2021; одобрена 05.09.2021; принята 06.09.2021.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Т. В. Волдина** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, [tatyanavoldina@yandex.ru](mailto:tatyanavoldina@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-6527-370X>



## “Ritual” mushrooms in the traditional culture of the Ob Ugrians

**Tatiana V. Voldina**

*Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development,  
Khanty-Mansiysk, Russia*

**Introduction.** In the traditional culture of the Ob Ugrians, certain types of mushrooms have received a special mythological “status” that reveals their place in the traditional picture of the world and explains the power of their impact on humans. The purpose of the study is to present the role of mushrooms in folk medicine and ritual practices of the Khanty and Mansi. These interconnected areas have not been sufficiently studied at the moment, which reflects the relevance of the work.

**Materials and Methods.** The article uses the published data and field materials of the author, as well as folklore sources. The study was carried out on the basis of an interdisciplinary and systematic approach using the structural-functional method.

**Results and Discussion.** In the treatment and cleansing rituals of the Khanty and Mansi, the use of birch tinder fungi has become widespread. Their healing properties have been known since antiquity, since image of the Tree of Life was associated with this tree. Another representative of the mushroom kingdom, the fly agaric, was used sporadically, primarily as a hallucinogenic agent used in ritual practices. The properties of this mushroom allow researchers to make an ambiguous conclusion that the secret of soma, the drink of the gods, lies in the portion made from the fly agaric.

**Conclusion.** Changes in living conditions led to the gradual disappearance of the traditions of folk medicine and ritual practices of the Ob Ugrians, which significantly complicates their study at the present period.

**Keywords:** Ob Ugrians, folk medicine, rituals, chaga, tinder fungus, fly agaric, tree of life, catfish

**For citation:** Voldina TV. “Ritual” mushrooms in the traditional culture of the Ob Ugrians. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13:4:417–427. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.417-427.

## REFERENCES

1. Akimova TE. Modern use of traditional methods of treatment among the peoples of the North. *Bakhlykovskie chteniia – 2011: materialy region. nauch. konf.* = Bakhlykov Readings – 2011. Materials of the regional scientific conference. Surgut; 2012:7–9. (In Russ.)
2. Voldina TV. The image of the tree of life in the traditional culture of the Ob Ugrians in the context of reincarnation. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2015;4:84–90. (In Russ.)
3. Gordeeva OV. Psychological effects of red fly agaric (*Amanita muscaria*). *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* = Siberian Historical Research. 2017;2:152–183. (In Russ.)
4. Dobkin de Rios M. Plant hallucinogens. *Izmenennnye sostoiianiia soznaniia i kul'tura* = Altered states of consciousness and culture. Saint-Petersburg; 2009:93–119. (In Russ.)
5. Kar'yalaynen KF. Religion of the Ugra peoples. Tomsk; 1996;3. (In Russ.)
6. Kosarev MF. The image of a tree in the mythological tradition of Siberian peoples. *Miroponimanie drevnikh i traditsionnykh obshchestv Evrazii: pamiati V. N. Chernetsova: sb. st.* = World outlook of ancient and traditional societies of Eurasia. In memory of V. N. Chernetsov. Collection of articles. Moscow; 2006:239–253. (In Russ.)
7. Kulemzin VM. Punk (pank). *Kulemzin V. M., Lukina N. V., Moldanov T. A., Moldanova T. A. Mifologiya khantov* = Kulemzin V. M., Lukina N. V., Moldanov T. A., Moldanova T. A. Mythology of the Khanty. Tomsk; 2000:196–197. (In Russ.)
8. Kulemzin VM, Lukina NV. Vasyugano-Vakhovian Khanty in the late XIX – early XX centuries. *Ethnographic essays*. Tyumen; 2006. (In Russ.)
9. Lukina NV. Formation of the material culture of the Khanty: (Eastern group). Tomsk; 1985. (In Russ.)
10. Oborotova EA. From the stove. Novosibirsk; 2003. (In Russ.)
11. Pyatnikova TR. The flora in the beliefs of the Khanty of the Ust-Kazym Ob region.



- Korennnye malochislennnye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: traditsii i innovatsii: materialy nauch.-prakt. konf. IX Iugorskie chteniia* = Indigenous small peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations. Materials of the scientific and practical conference. IX Ugra Readings. Khanty-Mansiysk; 2012; 172–181. (In Russ.)
12. Sirelius UT. Journey to the Khanty. Tomsk; 2001. (In Russ.)
  13. Spodina VI. “Mushroom of Madness” in the Traditional Culture of the Indigenous Peoples of the North. *Materialy Tret'ei nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi pamiati A. A. Dunina-Gorkavicha* = Materials of the Third scientific and practical conference dedicated to the memory of A. A. Dunin-Gorkavich. Khanty-Mansiysk; 2008:82–83. (In Russ.)
  14. Toporov VN. World tree: Universal iconic complexes. Moscow; 2010;2. (In Russ.)
  15. Wasson RG. Divine mushroom of immortality. *Izmenennnye sostoiianiia soznaniia i kul'tura* = Altered states of consciousness and culture. Saint-Petersburg; 2009:153–168. (In Russ.)
  16. Wasson RG. What is Soma of the Aryans? *Izmenennnye sostoiianiia soznaniia i kul'tura* = Altered states of consciousness and culture. Saint-Petersburg; 2009:169–182. (In Russ.)
  17. Khasnulin VI, Vil'gel'm VD, Skosyreva GA, Povoroznyuk EP. A modern look at traditional medicine of the North. Novosibirsk; 1999. (In Russ.)
  18. Shapovalov AV. Amanita magic mushroom: on the use of psychotropic drugs in shamanic practice. *Sibirskaia Zaimka. Istoriia Sibiri v nauchnykh publikatsiakh* = Siberian Zaimka. History of Siberia in scientific publications. URL: <https://zaimka.ru/shapovalov-shaman-amanita/> (accessed 26.08.2021). (In Russ.)
  19. Jääsalmi-Krüger P. Ostjakische Krankheitsnamen und deren Benennungsmotivation: Eine onomasiologisch-semasiologische Untersuchung. Wiesbaden; 1990;32.
  20. Karjalainen KF. Die Religion der Jugra-Völker. Porvoo; Helsinki; 1921–1927;1–3.
  21. Wasson RG. The divine mushroom of immortality. *Flesh of Gods: The ritual use of hallucinogens*. New York; Washington; 1972:185–200.
  22. Wasson RG. What Was the Soma of the Aryans? *Flesh of Gods: The ritual use of hallucinogens*. New York; Washington; 1972:201–213.

Submitted 27.08.2021; reviewing 05.09.2021; accepted 06.09.2021.

## INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

**T. V. Voldina** – Candidate Sc. {History}, Lead Research Fellow, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development, [tatyनावoldina@yandex.ru](mailto:tatyनावoldina@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-6527-370X>



# Исследование этнокультурных ценностей в финно-угорских регионах: доминанты финно-угорской культуры и способы их актуализации в современном социуме

Елена Николаевна Ломшина  
Ольга Сергеевна Сафонкина  
Елена Николаевна Антипкина

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,  
Саранск, Россия*

**Введение.** Использование аксиологического поля финно-угорской культуры в рамках формирования социогуманитарной составляющей современного образования предполагает получение новых знаний, связанных с исследованием ценностных доминант финно-угорской культуры в диахронии и способов их актуализации в современном социуме. Статья посвящена изучению этнокультурных ценностей финно-угорских народов на примере прибалтийско-финской (карелы, вепсы), пермской (удмурты, коми), волжской (мордва, марийцы), угорской (ханты, манси) подгрупп.

**Материалы и методы.** Материалом послужили данные онлайн-опроса, касающегося ценностных доминант финно-угорской культуры и способов их актуализации в современном социуме. Методология исследования включает сочетание гуманитарных (культурно-антропологических, аксиосоциометрических, функционально-ценностных, кросс-культурных) подходов и естественно-научных (математической статистики) методов анализа.

**Результаты исследования и их обсуждение.** С помощью разработанного авторами теста-опросника проведено кросс-культурное исследование, позволившее выявить систему этнокультурных ценностей финно-угорских народов, а также важнейшие ценностные доминанты, характерные для этих народов на современном этапе. Продемонстрированы основные механизмы актуализации ценностных доминант финно-угорской культуры с учетом российского опыта.

**Заключение.** Основные положения и выводы работы могут быть использованы при дальнейшем исследовании проблемы места и роли аксиологического поля этнокультуры в обновляющемся обществе, а также для оптимизации этнокультурной политики современной России, в том числе в сфере этнобрендинга территорий.

**Ключевые слова:** аксиология, аксиометрия, этнокультура, ценность, регион, современный социум, этнос, способы актуализации, этнотуризм, этнобренд, финно-угорские народы, социология культуры

**Благодарности:** Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-49-130003р\_а.

**Для цитирования:** Ломшина Е. Н., Сафонкина О. С., Антипкина Е. Н. Исследование этнокультурных ценностей в финно-угорских регионах: доминанты финно-угорской культуры и способы их актуализации в современном социуме // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13, № 4. С. 428–439. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.428-439.

## Введение

Научная и технологическая инновация невозможна без социогуманитарной составляющей, которая обеспечивается системой ценностных доминант и установок в современном социуме. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области культуры являются сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского обще-

ства. Современные процессы и тенденции развития культуры финно-угорских народов России вписываются в национальную программу социокультурного развития страны и способствуют созданию единого пространства межкультурной коммуникации в полиэтническом государстве. Значимость научного исследования для конкретного региона связана с разработкой моделей трансляции ценностных до-

минант финно-угорской культуры в современное социокультурное пространство, в том числе в сферу этнотуризма, с целью позиционирования данного региона на российском и международном уровнях, повышения его инвестиционной привлекательности.

Важность проблемы, на решение которой направлено исследование, обусловлена необходимостью сохранения и развития уникального этнокультурного наследия финно-угорских народов; разработки моделей трансляции духовных традиций и нравственных ценностей финно-угорских народов в современное социокультурное и образовательное пространство; укрепления и развития межкультурных связей между малыми и титульными народами Российской Федерации; обеспечения социокультурных условий для межнационального диалога; признания первостепенной роли культуры и образования для возрождения и сохранения духовно-нравственных ценностей; создания системы духовного и патриотического воспитания граждан России.

Актуальность исследования заключается в применении аксиологического поля финно-угорской культуры в рамках формирования социогуманитарной составляющей современного образования, в целях успешного развития культурных брендов, основанных на использовании ценностного потенциала культуры финно-угорских народов.

Исследование направлено на решение фундаментальной научной задачи в области финно-угроведения – получение новых знаний, связанных с изучением ценностных доминант финно-угорской культуры в диахронии и способов их актуализации в современном социуме.

Рассматриваются различные аспекты финно-угорской лингвофольклористики, лингвокультурологии и этнической идентичности, аксиологическая составляющая культур финно-угорских народов, символическая картина мира в жизни финно-угорских народов России. Большое внимание уделяется исследованию актуализации стереотипов, представленных в финно-угорском фольклоре.

Методологическую базу исследования составили труды по теории ценностей Дж. Биллингтона [2], Ф. Броделя, Г. Гадамера, С. Лаллукки, Б. Рассела, П. Рикера, Ф. Фукуямы, М. Шелера [13], О. Шпенглера. В работах представителей постмодернизма Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, Ж. Даррида, П. Козловски, М. Фуко, а также исследователей антропологических проблем этнокультуры Р. Барта, К. Леви-Стросса, М. Элиаде выявлена необходимость теоретической реконструкции семантических структур традиционной культуры.

В условиях современного дискурса исследований междисциплинарный подход к анализу традиционной культуры применили С. Бенхабиб, М. Бубер [8], М. Вебер, Р. Генон, Э. Левинас, К. Мангейм, Э. Шилз и другие ученые.

В отечественной науке проблема ценности нашла отражение в работах С. Ф. Анисимова, Ю. Б. Борева, С. С. Гольдентрихта, А. В. Гульги, В. И. Додонова, А. Г. Здравомыслова, В. Г. Иванова, М. С. Кагана, М. К. Мамардашвили, Б. В. Орлова, С. Л. Рубинштейна, В. А. Степановича [11], М. Б. Туровского, Н. З. Чавчавадзе, В. А. Ядова и др.<sup>1</sup>

Понятие «аксиология культуры» ввел Г. П. Выжлецов [3]. В современной отечественной традиции проблематика аксиосферы культуры получила развитие в трудах А. П. Валицкой, И. М. Суворовой, Н. М. Теребихина, Ю. В. Попкова и др. Аксиологическая теория культурного пространства представлена в работах В. П. Большакова, С. Н. Иконниковой. Морфология аксиосферы культуры определяется М. С. Каганом онтологически – строением ценностно осмысленного мира как многообразия форм бытия. В рамках социологии и социальной психологии формируется направление «прикладной» аксиологии, получившее название «аксиометрия». Под ней понимаются изучение и «измерение» ценностей в целостных социокультурных и исторических контекстах на новых методолого-методических

<sup>1</sup> См.: Дробницкий О. Г. Ценность // Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5. С. 462.

основаниях<sup>2</sup>. Этическим системам различных народов посвящены исследования О. В. Брейкина, Д. Ж. Валеева, А. С. Лаптенка, В. А. Федотова и др. Эстетический аспект ценностного отношения к миру представлен в работах Ю. Б. Борева, А. В. Гулыги, А. Я. Зися, М. С. Кагана, Л. Н. Столовича [12], Н. З. Чавчавадзе [9].

На сегодняшний день проблематикой аксиосферы этнокультуры в России занимаются в Институте этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, Институте философии Российской академии наук, Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Уральском отделении Российской академии наук, Российском институте культурологии, Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургском государственном университете, Российском государственном гуманитарном университете, Марийском государственном университете, Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарёва.

К настоящему времени получены обобщающие результаты по ряду смежных с изучаемыми вопросами тем, отраженные в многочисленных статьях и монографиях финно-угорской тематики. В финно-угроведении междисциплинарный подход в исследовании системы ценностей финно-угорских народов с помощью математических методов был осуществлен Н. Н. Глуховой, В. А. Глуховым [4]. Комплексный подход в исследовании жизненных ценностей финно-угорских народов России представлен в работе коллектива авторов под руководством В. А. Юрченкова<sup>3</sup>. Отдельные аспекты ценностных подходов к исследованию культуры финно-угорских народов рассмотрены, в частности, в работах Н. И. Бояркина, Л. Б. Бояркиной, Н. Л. Жуковской, А. Кережи, Г. А. Корнишиной, М. А. Лапиной, Е. Н. Ломшиной, Н. Ф. Мокшина, Е. Н. Мокшиной, Л. И. Ни-

коновой, Н. С. Попова, Ю. Н. Сушковой, В. Ю. Хотинец, Г. Е. Шкалиной, Н. Г. Юрченковой.

В октябре 2020 г. в Саранске на базе Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва состоялась Международная научная конференция «Финно-угорские народы в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности и меняющейся окружающей среды», в рамках которой рассматривались ценностные аспекты культуры финно-угорских народов [5; 7; 10].

В перечисленных выше исследованиях затрагиваются отдельные аспекты изучаемой проблемы. Комплексного осмысления динамики и роли ценностных доминант финно-угорской культуры и способов их актуализации в современном социуме пока нет, что обуславливает необходимость данного научного исследования.

### Материалы и методы

Работа выполнена в рамках методологических подходов к исследованию этнокультуры через систему ценностного восприятия времени, пространства, социокультурных связей и отношений [1; 6]. Несмотря на участие представителей различных национальностей, в фокусе исследования находятся культура именно финно-угорских народов, а также методы исследования аксиосферы и этноэтики. С научной точки зрения решение данных задач подразумевает развитие теоретико-методологических положений в финно-угроведении в области исследования ценностных доминант финно-угорской культуры и обобщение эмпирических данных относительно аксиологического поля этнической культуры.

В статье рассматриваются этнокультурные ценности прибалтийско-финской (каранелы, вепсы), пермской (удмурты, коми), волжской (мордва, марийцы), угорской (ханты, манси) подгрупп финно-угорских народов. Проводится кросс-культурный

<sup>2</sup>См.: Аксиология // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6894> (дата обращения: 03.01.2021).

<sup>3</sup>См.: Финно-угорские народы России: диалектика жизненных ценностей / сост. В. А. Юрченков; под ред. П. Н. Тултаева. Саранск, 2013.

анализ ценностных доминант культуры этих народов. Методология исследования включает сочетание гуманитарных (культурно-антропологических, аксиосоциометрических, функционально-ценностных, кросс-культурных) подходов и естественно-научных (математической статистики) методов анализа.

Для достижения цели исследования – выявления ценностных доминант финно-угорской культуры в диахронии и способов их актуализации в современном социуме – авторами был проведен онлайн-опрос жителей финно-угорских регионов России. В опросе приняли участие люди разных возрастных категорий: 14–17, 18–21; 21–23, 24–30, 31–45, 45 лет и старше, т. е. учащиеся, студенты, выпускники средних специальных и высших учебных заведений, а также работающие специалисты, что отражено в уровне образования респондентов.

Основные этапы выполнения исследования следующие:

1) разработка теоретико-методологических основ исследования, связанных с выявлением ценностных доминант финно-угорской культуры и способов их актуализации в современном социуме; изучение различных теоретических подходов в работах российских и зарубежных ученых в области аксиосферы этнокультуры;

2) аксиометрический анализ материала по изучению системы ценностей этнокультуры финно-угорских народов;

3) разработка основных направлений, механизмов и способов актуализации ценностных доминант финно-угорской культуры с учетом российского и зарубежного опыта;

4) создание моделей трансляции аксиологического поля финно-угорской культуры в современный социум.

Основополагающим для исследования данной темы является синергетический подход, который рассматривается как междисциплинарная философская рефлексия и методологическая парадигма, объединяющая социально-культурную антропологию, этнологию, философию культуры, социологию культуры, этноэтику. Он предполагает целостное системное

описание и анализ ценностных доминант этнической культуры на примере финно-угорских народов. Особое место в исследовании отводится аксиологическому подходу, позволяющему выявить традиционные ценностные доминанты финно-угорской культуры. Ценностно-функциональный подход помогает осмыслить ценности культуры финно-угорских народов и определить их значимость для современного социума.

При изучении и актуализации ценностного пространства финно-угорской культуры был использован ряд методологических подходов (антропологический, герменевтический, исторический, коммуникативный, контекстуальный, семиотический, интерпретационный, математический, а также методы аксиометрии), благодаря чему была выстроена единая концептуально-теоретическая схема познания.

При работе с участниками опроса применялись аксиобиографические методики, ориентированные на выявление личностных смыслов респондентов и наиболее значимых, аксиологически окрашенных событий их жизни; методики, направленные на изучение мотиваций и личностных выборов, а также методы статистической обработки и качественного анализа полученных результатов.

### Результаты исследования и их обсуждение

В онлайн-опросе на тему «Ценностные доминанты финно-угорской культуры и способы их актуализации в современном социуме» приняли участие 523 чел., из них 72,5 % женщины и 27,5 % мужчины. Преобладающей оказалась возрастная группа респондентов 18–21 года, составившая 31,7 % выборки (166 чел.). Остальные группы варьировались в рамках от 14,3 до 16,3 %, за исключением категории самых молодых респондентов 14–17 лет, на которую пришлось 6,1 % выборки (32 чел.).

Образование респондентов соответствует их возрастным категориям. Самая большая группа участников – 41,7 %, или 218 чел., – имеют высшее образование. Самую маленькую – 3,0 %, или 16 чел., –



составляют обладатели неполного среднего образования (рис. 1).

Национальная принадлежность респондентов не ограничена только финно-угорской группой. Доля русских опрошенных превысила 33 % и составила 179 чел. Финно-угорские респонденты представлены такими национальностями, как мари, мокша, эрзя, удмурты, коми, карелы в категориях с практически одинаковым количеством участников – 49–55 чел., или 10,2–12,1 %. Ханты, ижора, вепсы, манси, коми-пермяки, ингерманландские финны, водь, сето также приняли участие в опросе. Поскольку их количество невелико и варьируется от 2 до 10 чел., на рис. 2 они объединены в сегмент «Другие».

Участникам опроса была предоставлена возможность выбрать наиболее близкое им определение ценности. Среди ответов самым популярным стал вариант «Важность, значимость, польза, полезность чего-либо» – его выбрали 41,9 % респондентов. За ним последовали «Характеристика предмета или явления, обозначающая признание его значимости» с 33,3 % и «Термин, используемый для указания на человеческое, социальное и культурное» с 24,8 % ответов (рис. 3).

Респондентам также предлагалось выбрать из предложенных наиболее близкие им жизненные приоритеты на ближайшие 5–7 лет: «Получить хорошее образование», «Создать прочную семью», «Добиться материального благополучия для себя и своей семьи», «Создать круг верных друзей», «Решить проблемы собственного жилья», «Создать собственный бизнес», «Заниматься любимым делом», «Получить хорошо оплачиваемую работу не по специальности», «Найти интересную работу по специальности».

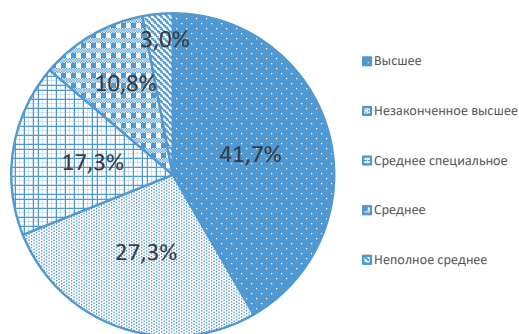


Рис. 1. Уровень образования респондентов

Fig. 1. Educational level of the respondents

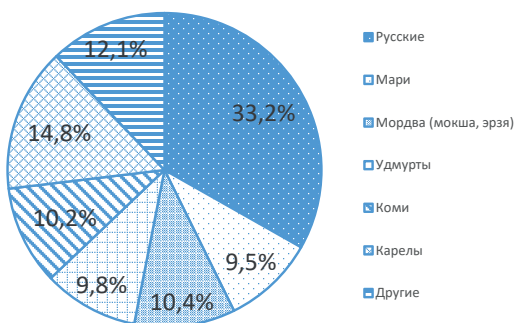


Рис. 2. Национальная принадлежность респондентов

Fig. 2. Nationality of the respondents

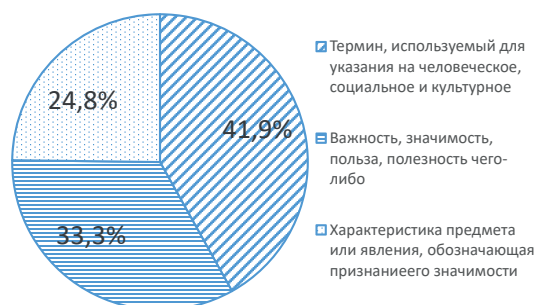


Рис. 3. Определение понятия «ценность»

Fig. 3. Definition of the concept of “value”

Рис. 4. Жизненные приоритеты респондентов, %

Fig. 4. Life priorities of the respondents, %



циальности (не обязательно хорошо оплачиваемую)». В ответах со значительным отрывом лидируют категории, связанные с профессиональной и личностной реализацией. Так, категория «Заниматься любимым делом» была выбрана 324 респондентами (60 %), «Добиться материального благополучия для себя и своей семьи» – 296 участниками опроса (54 %). Остальные приоритеты плавно распределились в промежутке от 30 до 16 % (рис. 4).

Интересными представляются ответы в категории «Другое», суммарно составившие 3,2 % и содержащие формулировку собственного варианта. Ответы отличались ориентацией на семейные ценности, например: «Поддерживать правильные отношения в семье», «Быть счастливой вне зависимости от материального положения», «Дать хорошее воспитание своим детям» и т. д.

Более 60 % респондентов согласились с утверждением, что традиционные ценности народа отражаются в фольклоре (рис. 5). В то же время свыше 20 % не смогли выразить свою позицию, что может свидетельствовать об относительно низком уровне знаний финно-угорского фольклора среди участников опроса.

Высказанная идея подтверждается данными рис. 6, на котором представлены ответы на вопрос о знании устно-поэтического творчества финно-угорских народов. Половина респондентов подтвердила свою осведомленность в этой области, а четверть затруднились ответить на вопрос.



Рис. 5. Мнение респондентов о содержащихся в фольклоре традиционных ценностях народа

Fig. 5. The opinion of the respondents about the traditional values of the people

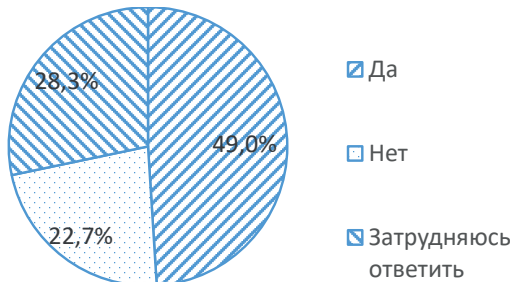


Рис. 6. Знание респондентами устно-поэтического творчества финно-угорских народов

Fig. 6. Awareness about oral Finno-Ugric poetry

Наиболее популярными жанровыми формами устно-поэтического творчества финно-угорских народов у респондентов являются народные песни (57 %), пословицы и загадки (47 %), народный эпос (42 %) и старинные национальные предания (34 %). Остальные формы не набрали значимого процента ответов (рис. 7).

На рис. 8 отражено мнение респондентов о репрезентации традиционных цен-

Рис. 7. Формы устно-поэтического творчества финно-угорских народов, %

Fig. 7. Forms of oral and poetic creativity of the Finno-Ugric peoples, %

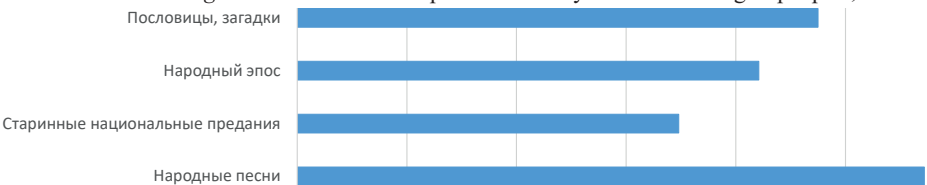
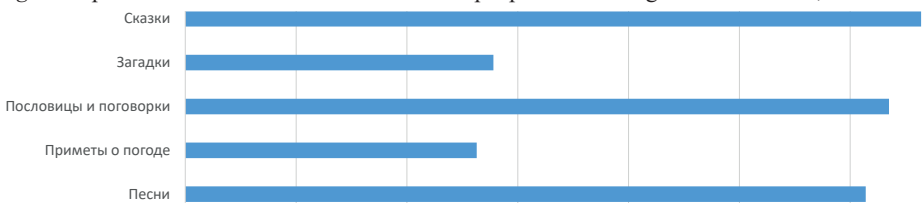


Рис. 8. Репрезентация традиционных ценностей народа в различных жанрах фольклора, %

Fig. 8. Representation of traditional values of the people in various genres of folklore, %



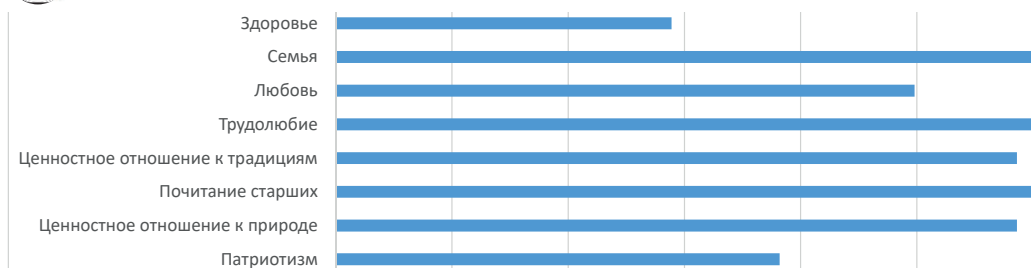


Рис. 9. Ценности этнокультуры, которые содержатся в фольклоре, %

Fig. 9. Values of ethnoculture in folklore, %

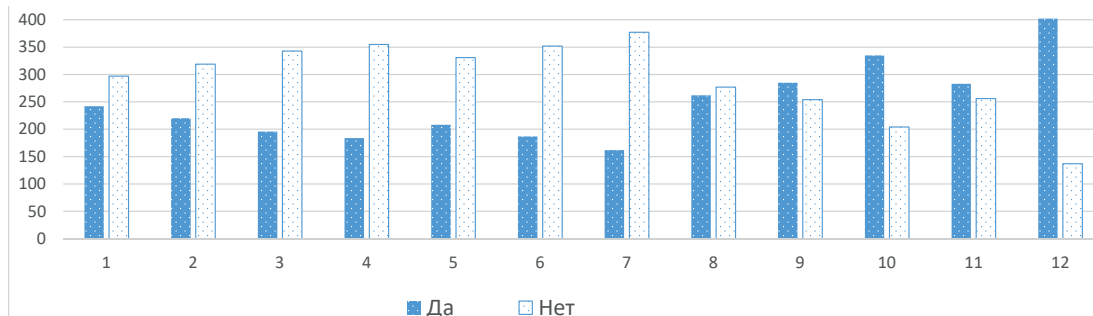


Рис. 10. Отношение к труду, выраженное финно-угорскими пословицами, чел.

Fig. 10. Attitude towards work, expressed by Finno-Ugric proverbs, peoples

ностей народа в различных жанрах фольклора. С заметным перевесом (более 60 % для каждого варианта ответа) здесь доминируют сказки, пословицы и поговорки, песни. Значительно уступают им приметы о погоде и загадки, набравшие соответственно 26 и 27 % ответов.

Рис. 9 показывает, какие именно ценности этнокультуры, по мнению респондентов, отражены в фольклоре. Чаще всего назывались категории «Ценностное отношение к природе», «Ценностное отношение к традициям», «Почитание старших», «Трудолюбие» и «Семья». Доля содержащих их ответов незначительно варьируется: от 58 до 61 %. Категория «Любовь» набрала 49 % ответов, «Патриотизм» – 38, «Здоровье» – 29 %.

Исследование предполагало анализ отношения современного человека к труду сквозь призму традиционных представлений этнокультуры, а именно через пословицы и поговорки финно-угорских народов<sup>4</sup> и народов, проживающих в финно-угорских регионах. Респондентам предлагалось выразить свое мнение по поводу следующих пословиц о труде: «Дело не медведь, в лес

не уйдет» (1); «Послал Бог работу, да отнял черт охоту» (2); «У Бога дней впереди много: нарабotaемся» (3); «Работа любит глупца» (4); «На работе не надрывайся, а в еде не отставай» (5); «Работа не лягушка, в воду не прыгнет» (6); «То, что можно сделать сегодня, отложи на завтра, тогда не надо будет думать, чем заняться завтра» (7); «Сон сладок, работа горька» (8); «Работу не кончишь: и после смерти на три дня останется» (9); «Все дела не переделать, все песни не перепеть» (10); «На тяжелый труд идешь от голода» (11); «Знай меру во всяком деле» (12).

Самое большое число согласившихся с народной мудростью пришлось на пословицы, в которых содержится идея о балансе работы в жизни человека, например: «Знай меру во всяком деле» (эстонская пословица; 402 чел.), «Все дела не переделать, все песни не перепеть» (финская пословица; 335 чел.). Наоборот, наибольшее число не согласившихся с утверждением относится к пословицам, в которых раскрывается идея о целесообразности отложить работу или избежать ее, например: «Работа любит глупца» (водская пословица; 355 чел.), «У Бога дней впереди

<sup>4</sup> См.: Китиков А. Е. Пословицы и поговорки финно-угорских народов. Йошкар-Ола, 2004.

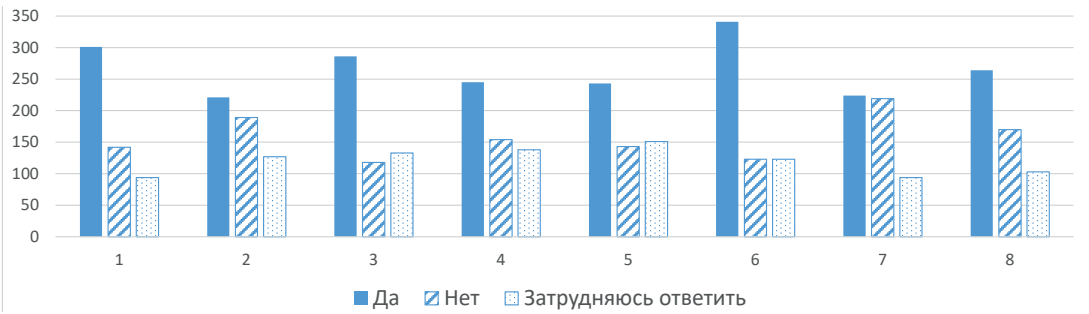


Рис. 11. Осведомленность респондентов относительно традиций и обрядов финно-угорских народов, чел.

Fig. 11. Awareness of respondents about traditions and rituals of Finno-Ugric peoples, peoples

много: наработаемся» (русская пословица; 343 чел.), «То, что можно сделать сегодня, отложи на завтра, тогда не надо будет думать, чем заняться завтра» (ливская пословица; 337 чел.) (рис. 10).

Уровень осведомленности респондентов в области традиций и обрядов финно-угорских народов отражен на рис. 11. Участникам опроса предлагалось высказаться о своем знании традиций и ответить на вопросы:

«Традиционные праздники Вашего народа, например мордвы» (1). «Если ли почитаемое дерево в Вашей местности» (2)? «Народные игры, которые проводились во время национальных праздников» (3). «Существовал ли обычай переодевания и использования масок во время проведения праздников и игр» (4)? «Магические средства и обереги, которые используются для защиты от злых сил в Вашей местности» (5). «Известны ли Вам свадебные обряды» (6)? «Известны ли Вам обряды при рождении ребенка» (7)? «Знаете ли Вы обряды, направленные на защиту дома» (8)?

Респондентам в той или иной степени известны все перечисленные традиции. С небольшим отрывом среди них лидирует осведомленность в области свадебных обрядов (341 ответ), традиционных праздников (301) и народных игр, проводимых во время национальных праздников (286 ответов). Остальные категории менее известны опрошенным.

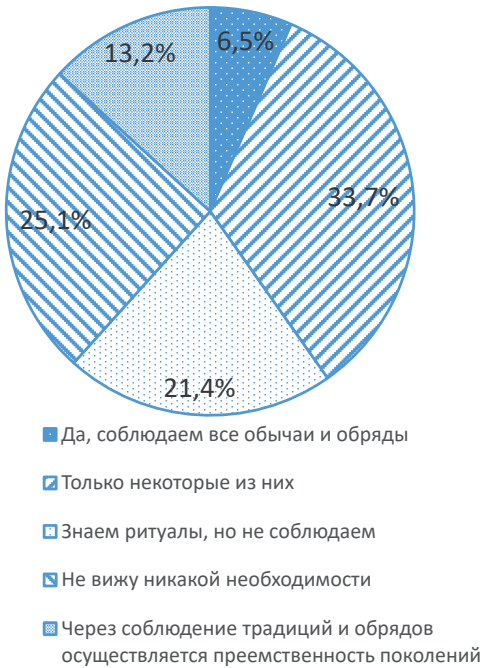
В то же время респонденты демонстрируют достаточно низкий уровень соблюдения традиционных обычаев и обрядов в семье, о чем свидетельствует рис. 12. Только 6 % участников отметили, что со-

блюдают все обычаи и обряды. Ответы остальных отражают разную степень вовлеченности в этнокультуру: от соблюдения отдельных ритуалов и обычаев до полного отказа от них.

Большинство респондентов придерживаются мнения, что сохранению национальных традиций и ценностей способствуют именно семья и преемственность поколений (70 %), а также осознание их роли и значимости на личном уровне (63 %). Расширение национального регионального компонента в образовательных программах и государственная

Рис. 12. Соблюдение традиционных обычаев и обрядов в семье

Fig. 12. Observance of traditional customs and rituals in the family



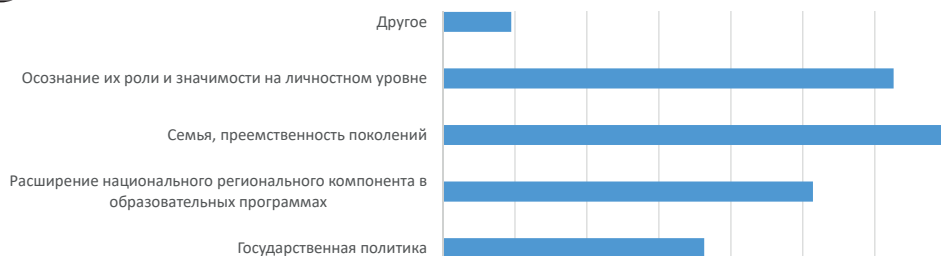


Рис. 13. Факторы, способствующие сохранению национальных традиций и ценностей, %

Fig. 13. Factors contributing to the preservation of national traditions and values, %

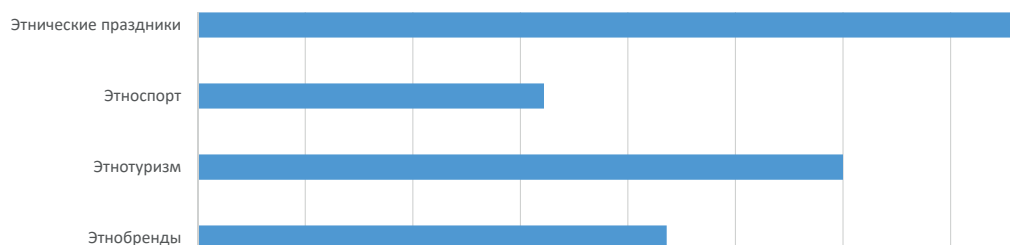


Рис. 14. Способы актуализации ценностей этнокультуры в современном социуме, %

Fig. 14. Ways to actualize the values of ethnoculture in modern society, %

политика набрали меньше голосов участников опроса: соответственно 51 и 36 % (рис. 13).

Обозначенная позиция подкрепляется мнением респондентов о том, что в современном социуме ценности этнокультуры актуализируются на личностном и внутрисемейном уровнях посредством этнических праздников (76 %) и через вовлеченность людей в этнотуризм (60 %). Этнобренды и этноспорт (соответственно 43 и 32 %) менее популярны среди респондентов как инструменты актуализации этноценностей (рис. 14).

### Заключение

Данное исследование было нацелено на определение теоретико-методологических основ ценностных доминант финно-угорской культуры и способов их актуализации в современном социуме. Был осуществлен аналитический обзор различных теоретических подходов к изучению проблемы российских и зарубежных ученых. Разработка теста-опросника и проведение кросс-культурного исследования ценностных доминант финно-угорской культуры позволили выявить не только систему этнокультурных ценностей финно-угорских народов, но и важнейшие ценностные доминанты, характерные для исследуемых народов на современном этапе. Кроме того,

полученные данные продемонстрировали основные механизмы актуализации ценностных доминант финно-угорской культуры с учетом российского опыта.

Знания о ценностных дефинициях финно-угорской культуры, о ее актуализации для современного общества и функционировании на современном этапе могут быть использованы при выработке культурно-исторических концепций в образовательной, воспитательной и нравственной сферах и в целом аксиосфере бытия. Научная и прикладная значимость работы состоит в том, что основные положения и выводы могут быть полезны при дальнейшем исследовании проблемы места и роли аксиологического поля этнокультуры в обновляющемся обществе, а также для оптимизации этнокультурной политики современной России, в том числе в сфере этнобрендирования территорий.

Немаловажной представляется возможность прикладного использования теоретического материала для создания моделей актуализации аксиосферы финно-угорской культуры и ее трансляции в современное социокультурное пространство. Основными механизмами актуализации могут являться внедрение доминант финно-угорской культуры на личностном и семейном уровнях посредством этнических праздников и через вовлеченность людей в этно-



туризм. Прикладное использование полученных результатов может способствовать популяризации и развитию этнобрендов, разработке целостной концепции стратегии, нацеленной на применение аксиологического поля этнической культуры финно-угорских народов в рамках развития позиционирования территорий.

Данные исследования могут быть полезны при выработке рекомендаций по

оптимизации этнокультурной политики, определении основных направлений дальнейшего развития межкультурного диалога и взаимодействия в финно-угорском пространстве, осознании места и роли аксиологического поля финно-угорской культуры в обновляющемся обществе, в том числе в создании позитивного имиджа территорий и развитии этнотуризма.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баева Л. В. Ценности меняющегося мира: экзистенциальная история аксиологии: моногр. Астрахань: Изд-во Астрах. гос. ун-та, 2004. 278 с.
2. Биллингтон Дж. Х. Лики России: страдание, надежда и созидание в русской культуре. М.: Логос, 2001. 246 с.
3. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры в системе культурфилософского знания // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Гуманит. науки. 2000. № 16. URL: [http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCD A018214C3256AC000205E21/\\$file/%C2%FB%E6%EB.pdf](http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCD A018214C3256AC000205E21/$file/%C2%FB%E6%EB.pdf) (дата обращения: 10.01.2021).
4. Глухова Н. Н., Глухов В. А. Система ценностей финно-угорского суперэтнуса: моногр. Йошкар-Ола: Стринг, 2009. 275 с.
5. Глухова Н. Н., Ломшина Е. Н. Нравственные и ценностные компоненты самосознания поволжских финнов // Финно-угорские народы в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности и меняющейся окружающей среды: материалы Междунар. науч. конф. Саранск, 2020. С. 294–298.
6. Кирьякова А. В. Теория ценностей – методологический базис аксиологии образования // Аксиология и инноватика образования. 2010. № 1. URL: <http://www.orenport.ru/axiology/docs/3/3.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).
7. Ломшина Е. Н., Глухова Н. Н. Актуальность исследования ценностных доминант финно-угорской культуры и способов их актуализации в социуме // Финно-угорские народы в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности и меняющейся окружающей среды: материалы Междунар. науч. конф. Саранск, 2020. С. 305–311.
8. Мартин Бубер // Философы XX века. М., 2004. Ч. 2. С. 64–84.
9. Медзвелия Е. З. Николай Чавчавадзе о специфике ценностного подхода к эстетическим явлениям и проблемам // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2. С. 76–79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nikolay-chavchavadze-o-spetsifike-tsennostnogo-podhoda-k-esteticheskim-yavleniyam-i-problemam> (дата обращения: 10.01.2021).
10. Сафонкина О. С. Диалог о сохранении этнокультурного наследия и интеграции в условиях глобализации (на примере финно-угорских народов) // Финно-угорские народы в контексте формирования общероссийской гражданской идентичности и меняющейся окружающей среды: материалы Междунар. науч. конф. Саранск, 2020. С. 282–286.
11. Степанович В. А. История философии. В 2 т. Т. 2. Неклассическая философия. М.: Прометей, 2018. 379 с.
12. Столович Л. Философия. Эстетика. Смех. СПб.; Тарту: [Б. и.], 1999. 384 с. URL: <http://www.independent-academy.net/science/library/stolovich1.html> (дата обращения: 10.01.2021).
13. Феноменологическая концепция Макса Шелера // Шелер М. О сущности философии: работы разных лет. М., 2020. С. 6–72.

Поступила 14.01.2021; одобрена 15.03.2021; принята 06.09.2021.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

**Е. Н. Ломшина** – кандидат культурологии, заведующий научно-исследовательской лабораторией финно-угорской культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, [enlomshina@mail.ru](mailto:enlomshina@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-7367-4685>

**О. С. Сафонкина** – кандидат философских наук, доцент кафедры английской филологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, [olga.safonkina@gmail.com](mailto:olga.safonkina@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0002-5802-1897>, Scopus Author ID: 57209105195

**Е. Н. Антипкина** – кандидат философских наук, доцент кафедры театрального искусства и народной художественной культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, [elana19@mail.ru](mailto:elana19@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-8706-0679>



# Study of ethnocultural values in the Finno-Ugric regions: dominants of Finno-Ugric culture and ways of their actualization in modern society

Elena N. Lomshina  
Olga S. Safonkina  
Elena N. Antipkina

*National Research Mordovia State University,  
Saransk, Russia*

**Introduction.** The use of the axiological field of the Finno-Ugric culture within the framework of the formation of the socio-humanitarian component of modern education presupposes the acquisition of new knowledge related to the study of the value dominants of the Finno-Ugric culture in diachrony and the ways of their actualization in modern society. The article considers the study of the ethnocultural values of the Finno-Ugric peoples on the example of the Baltic-Finnish (Karelians, Vepsians), Perm (Udmurts, Komi), Volga (Mordovins, Mari), Ugric (Khanty, Mansi) groups.

**Materials and Methods.** The material was the data of a questionnaire on the value dominants of the Finno-Ugric culture and the ways of their actualization in modern society. The research methodology includes a combination of humanitarian (cultural-anthropological, axiosociometric, functional, cross-cultural) approaches and natural research methods of analysis (mathematical statistics).

**Results and Discussion.** With the help of the questionnaire developed by the authors, a cross-cultural study was carried out, which made it possible to identify the system of ethnocultural values of the Finno-Ugric peoples, as well as the most important value dominants characteristic of these peoples at the present stage. The main mechanisms of actualization of the value dominants of the Finno-Ugric culture, as well as Russian experience, are demonstrated.

**Conclusion.** The main provisions and conclusions of the work can be used in the further study of the problem of the place and role of the axiological field of ethnoculture in a renewing society, as well as to optimize the ethno-cultural policy of modern Russia, including ethno-branding of territories.

**Keywords:** axiology, axiometry, ethnoculture, value, region, modern society, ethnos, methods of actualization, ethno-tourism, ethno-brand, Finno-Ugric peoples, sociology of culture

**Acknowledgments:** The study has been conducted under a grant from the Russian Foundation of the Basic Research № 18-49-130003p\_a.

**For citation:** Lomshina EN, Safonkina OS, Antipkina EN. Study of ethnocultural values in the Finno-Ugric regions: dominants of Finno-Ugric culture and ways of their actualization in modern society. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2021;13;4:428–439. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.04.428-439.

## REFERENCES

1. Baeva LV. Values of a Changing World: An Existential History of Axiology. Astrakhan; 2004. (In Russ.)
2. Billington DX. Faces of Russia: Suffering, Hope and Creation in Russian Culture. Moscow; 2001. (In Russ.)
3. Vyzhletsov GP. Axiology of culture in the system of cultural philosophical knowledge. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanit. nauki* = Bulletin of the Novgorod State University. Series: Humanities. 2000;16. URL: [http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCD A018214C3256AC000205E21/\\$file/%C2%FB%E6%EB.pdf](http://www.admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/37C182FCD A018214C3256AC000205E21/$file/%C2%FB%E6%EB.pdf) (accessed 10.01.2021). (In Russ.)
4. Glukhova NN, Glukhov VA. The system of values of the Finno-Ugric superethnos. Monograph. Yoshkar-Ola; 2009. (In Russ.)
5. Glukhova NN, Lomshina EN. Moral and value components of self-awareness of the Volga Finns. *Finno-ugorskie narody v kontekste formirovaniia obshcherossiiskoi grazhdanskoi identichnosti i meniaiushcheisia*

- okruzhaiushchei sredy: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* = Finno-Ugric peoples in the context of the formation of an all-Russian civic identity and a changing environment. Materials of the International Scientific Conference. Saransk; 2020:294–298 (In Russ.)
6. Kiryakova AV. Theory of values – methodological basis. *Aksiologiya i innovatika obrazovaniia* = Axiology and Innovation of Education. 2010;1. URL: <http://www.orenport.ru/axiology/docs/3/3.pdf> (accessed 10.01.2021). (In Russ.)
  7. Lomshina EN, Glukhova NN. The relevance of the study of the value dominants of the Finno-Ugric culture and the ways of their actualization in the society. *Finno-ugorskie narody v kontekste formirovaniia obshcherossiiskoi grazhdanskoi identichnosti i meniaiushcheisia okruzhaiushchei sredy: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* = Finno-Ugric peoples in the context of the formation of an all-Russian civic identity and a changing environment. Materials of the International Scientific Conference. Saransk; 2020:305–311. (In Russ.)
  8. Martin Buber. *Filosofy XX veka* = Philosophers of the XX century. Moscow; 2004;2:64–84. (In Russ.)
  9. Medzvelia EZ. Nikolai Chavchavadze on the specifics of the value approach to aesthetic phenomena and problems. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2015;2:76–79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nikolay-chavchavadze-o-spetsifike-tsennostnogo-podhoda-k-esteticheskim-yavleniyam-i-problemam> (accessed 10.01.2021). (In Russ.)
  10. Safonkina OS. Dialogue on the preservation of ethnocultural heritage and integration in the context of globalization (on the example of the Finno-Ugric peoples). *Finno-ugorskie narody v kontekste formirovaniia obshcherossiiskoi grazhdanskoi identichnosti i meniaiushcheisia okruzhaiushchei sredy: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* = Finno-Ugric peoples in the context of the formation of an all-Russian civic identity and a changing environment. Materials of the International Scientific Conference. Saransk; 2020:282–286. (In Russ.)
  11. Stepanovich VA. History of philosophy. Non-classical philosophy. Moscow; 2018;2. (In Russ.)
  12. Stolovich L. Philosophy. Aesthetics. Laugh. Saint-Petersburg; Tartu; 1999. URL: <http://www.independent-academy.net/science/library/stolovich1.html> (accessed 10.01.2021). (In Russ.)
  13. Phenomenological concept of Max Scheler. *Sheler M. O sushchnosti filosofii: raboty raznykh let* = Scheler M. On the essence of philosophy: works of different years. Moscow; 2020:6–72. (In Russ.)

Submitted 14.01.2021; reviewing 15.03.2021; accepted 06.09.2021.

## INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

**E. N. Lomshina** – Candidate Sc. {Cultural Studies}, Head of Research Laboratory of Finno-Ugric Culture, National Research Mordovia State University, [enlomshina@mail.ru](mailto:enlomshina@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-7367-4685>

**O. S. Safonkina** – Candidate Sc. {Philosophy}, Associate Professor, Department of English Philology, National Research Mordovia State University, [olga.safonkina@gmail.com](mailto:olga.safonkina@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0002-5802-1897>, Scopus Author ID: 57209105195

**E. N. Antipkina** – Candidate Sc. {Philosophy}, Associate Professor, Department of Theater Arts and Folk Artistic Culture, National Research Mordovia State University, [elana19@mail.ru](mailto:elana19@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-8706-0679>

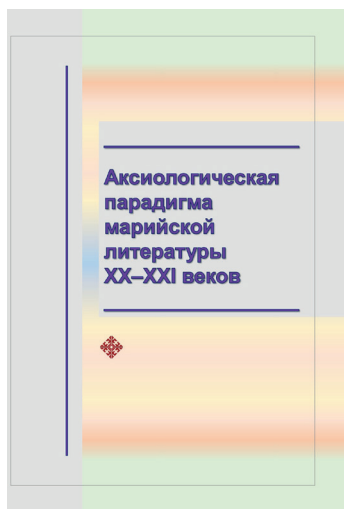
# НОВОЕ СЛОВО В МАРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ НАУКЕ

# A NEW WORD IN MARI LITERARY SCIENCE

**Рецензия на книгу:** Аксиологическая парадигма марийской литературы XX–XXI веков: кол. моногр. / Мар. гос. ун-т; Р. А. Кудрявцева, Т. Н. Беляева, Г. Е. Шкалина и др.; сост. и науч. ред. Р. А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола, 2019. – 353 с.

**Book review:** Axiological paradigm of the Mari literature of the XX–XXI centuries: monograph / Mari State University; R. A. Kudryavtseva, T. N. Belyaeva, G. E. Shkalina et al.; R. A. Kudryavtseva, ed. – Yoshkar-Ola, 2019. – 353 p.

Эстетическое творчество как неотъемлемая часть духовной культуры человека тесно связано с проблемами философского осмысления жизни. Именно поэтому «литература, будучи “рефлексией” общественной жизни, безусловно, не должна быть исключена из общей аксиологической парадигмы “наук о духе” (В. Дильтей)» (с. 8). Художественная культура представляет собой аксиологический феномен, в котором ценностно-оценочные взаимосвязи проявляются в наиболее целостной форме. Этнические ценности играют роль ядра духовной культуры каждого народа как этносоциального организма и определяют ее специфику. Реализация актуальных для этноса идей и ценностей в художественной культуре формирует ее своеобразие и уникальность. Этническое искусство выражает родовую сущность человека в его локальной конкретности и опосредует полифоничность отношений человека с окружающим миром.



Для современного гуманитарного (философского, культурологического, антропологического, филологического) знания актуальной является проблема формирования и развития аксиологической парадигмы литературы – от истоков до современности, а также проблема научной аксиологической парадигмы, реализуемой через анализ художественного творчества наиболее авторитетных писателей и наиболее зна-

чимых с точки зрения критериев художественности и культурного феномена литературных текстов, содержащих в своей структуре ту или иную систему ценностей. Данная проблематика обуславливает потенциально возможный предмет исследования – это аксиосфера, семиосфера и морфология (поэтика) национального художественного текста в индивидуально-творческом, социокультурном и этноментальном выражении.

В монографии «Аксиологическая парадигма марийской литературы XX–XXI веков», связанной с вышеуказанной проблематикой и изданной коллективом марийских ученых-гуманитариев (литературоведов Р. А. Кудрявцевой, И. П. Карпова, Т. Н. Беляевой, М. В. Рябининой, Н. В. Гусевой, Л. В. Калашниковой, культуролога Г. Е. Шкалиной, социолога В. И. Шабыкова) в 2019 г., главной целью является определение аксиологической структуры и художественно-парадигматической системы марийской лите-

ратуры XX–XXI вв. Авторы успешно реализуют ее в ходе исследования с учетом исторической динамики стратегий народа мари, с пониманием взаимосвязи аксиологии и поэтики литературного творчества.

Художественная аксиология – одно из новых направлений современного отечественного литературоведения, актуальный методологический феномен, в рамках которого активно работают в настоящее время как теоретики, так и историки литературы.

Известны многочисленные попытки аксиологического прочтения отдельных художественных текстов (в большей степени – русской литературы) и взаимоувязанного анализа «ценностного поля» автора и уровней поэтики произведения. Однако авторы рецензируемого исследования являются пионерами, первопроходцами в этом направлении, поскольку аксиологический аспект марийской литературы практически не изучен как в художественном, так и в общекультурном контексте ценностей, как в локальном, так и в более широком масштабе. Между тем он весьма актуален с точки зрения изучения самих механизмов «растворения» ценностных ориентиров художника (представителя этноса, эпохи, мировоззрения и художника вообще) в его конкретной творческой практике и соответственно с точки зрения выработки адекватных путей научного изучения маркеров аксиологической природы художественного текста (культурных кодов, знаков, свойств и элементов поэтики).

В качестве объекта исследования в данной монографии были выбраны как классические литературно-художественные произведения марийских писателей

XX в., так и художественно значимые произведения современности – в тех жанровых (рассказ, повесть, роман, лирические и драматургические жанры) и видовых (проза о Великой Отечественной войне, нравственно-психологическая проза, историческая драматургия, философская лирика, русскоязычная марийская национальная литература и др.) координатах, которые в марийской литературе наиболее «открыты» для аксиологических интенций.

Основные задачи и теоретико-методологический подход авторов обусловили структуру монографии, которая состоит из пяти глав. В первой главе определены теоретико-методологические основы исследования ценностных аспектов марийской литературы. Вторая посвящена изучению идейно-ценностной составляющей проблемно-концептуального мира марийской литературы. Третья и четвертая связаны с проблемой «аксиологии и поэтики», которая рассмотрена на мотивно-образном и хронологическом уровнях текста. В пятой обобщены результаты социологического опроса среди студенческой молодежи и выявлены особенности восприятия ею аксиосферы марийской литературы, что позволило актуализировать герменевтический аспект исследования национальной литературы.

Каждая этническая культура индивидуальна. Как утверждал Питирим Сорокин, культура имеет «собственный менталитет», свои систему истинности и познания, формы искусства и литературы, правила и кодексы поведения, экономики и политики, законы и наказания, философию и мировоззрение, тип религии и стандарты «святости».

Разрабатывая вопрос об аксиосфере марийских этнонарративов, авторы монографии отмечают, что «ценностная парадигма марийской традиционной культуры по аналогии с другими этносами была сформирована в ее нарративах (лат. *narrare* – рассказывать, повествовать), куда входят мифы, легенды, эпические предания и т. п., формирующие код становления будущей национальной культуры. Нарратив сохраняется и передается посредством естественных способностей каждого человека – его памяти, устной речи, живого языка, природного музыкального уха, органической пластики. Как правило, целостный нарратив народа складывается вокруг этиологических традиций. Именно они создают архаичное основание этнической культуры, определяют ее онтологическое и аксиологическое самовыражение. Поэтому особую ценность имеют древние мифы, героические сказания» (с. 31).

Ядро мифологического нарратива – это священная история, рассказ о Первовремени (Правремени, Времени Изначальности), о процессе творения культуры. Мифическое время «начала всех начал» – «сильное» время, так как в нем присутствует активное, творческое сверхъестественное существо. Самые древние этиологические мифы повествуют о Первовремени как о происхождении Космоса из Хаоса. На марийском языке такое Правремя называется *Тунтунгалтыш*. Можно говорить об универсальной мировоззренческой схеме: когда-то в далеком прошлом в глубинах Хаоса (*Тутырем*) прорезался Свет (*Волгыдо*), оформились Небо (*Кава*) и царство Воды (*Вуд*). Так возник Мир (*Туня*), а позже – и боги. Космос в эпоху архаи-



ки понимался как освященный богами и освоенный человеком Мир. Все остальное – Хаос, чужое пространство, населенное «чужими», демонами (*ия-влак*). В марийской картине мира такое пространство непригодно для жизни, как «тот Свет» – *Вес тўня*.

Интересны исследования авторов монографии в области ценностных устоев марийского священного мира. Так, марийский священный мир представляет ритуальную теологию *юмын йўла*, ядром которой является *тўня кумалтыш* ('мировое моление'). Марийская традиционная религия – один из древнейших примеров политеистической религии. Разработанная духовными лидерами церемония в священной роще стала той основой, на которой развивалась идея божественного порядка, охватывающая вселенную и оберегающая циклический порядок времен года и надлежащие отношения между Богом и людьми. При этом формула понимания закона Космоса – *Юмо деч Ю патыр* ('Ю сильнее Бога') – существует в значении естественной теологии гуманизма, сохранившей дух архаики на протяжении столетий, когда был заложен фундамент современной науки и созданы духовные предпосылки для развития новой физики и космологии. Священный марийский пантеон сформировался на основе древнего миропредставления о божественном, духовном и героическом в условиях вмещающего и кормящего ландшафта Волго-Камья.

Жизнь человека в духовной традиции мари понимается как уникальная и непрерывная цепь. Зачатие ребенка возможно по воле Кузу *Шочынава* ('Великая рождающая мать'), когда душа (*чон*) прародителя,

имеющая шестикратный опыт человеческой жизни на других планетах, появляется у новорожденного в омоложенном состоянии. Судьбу человека определяет *Кава юмо* ('Бог судьбы'). *Сукчо/суксо* ('поручитель'), находясь на плече (*ваче*) человека и называемый *вачевал сукчо/суксо*, равносителен христианскому ангелу-хранителю и сопровождает мари всю жизнь. Вместе с человеком развиваются и его духи-покровители, представляемые в образе божества *Вуйўмбал Юмо* ('Верхний бог'), телесной души (*чон, йан*) и двойников – образных воплощений человека *орт* и *шырт*.

Отметим особо пристальный и глубокий анализ в монографии марийского литературно-художественного текста. Действительно, анализ текстов в их этнокультурологическом и филологическом (с точки зрения авторской концепции и поэтики) аспектах может составлять основу для реконструкции ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности, конкретных деяний и поступков.

Ценностная составляющая литературы представлена в авторской концепции мира и человека, которая, в свою очередь, открывается через выстраивание писателем художественной реальности (миромоделирование), персонажной системы, характерологической, хронотопной и повествовательной (взаимодействия субъектов сознания и речи) структуры. Нельзя не согласиться с высказанным в монографии утверждением, что литературное произведение, ввиду сложной организации его содержания, не ограничивается выражени-

ем одной какой-либо ценности; аксиосфера произведения – это «большой клубок» разнородных и разнонаправленных ценностей, их переплетение и даже конфликт (ценность/антиценность), через который чаще всего и постигается ценностное ядро авторской концепции.

Весьма интересны обобщающие размышления авторов монографии о единстве ценностных оппозиций в литературах народов Поволжья – марийской, чувашской, татарской. В частности, они пишут: «Композиционную основу большинства рассказов современных писателей Поволжья составляет противопоставление, основанное на контрастных образах и понятиях: старый и новый уклады жизни, родители и дети, традиционная и современная мораль, водяная и электрическая мельница, голоса девушек на сенокосе и шум машины и т. д. Антитеза определяется концептуально-смысловой оппозицией и предстает как прием или принцип композиции произведения. На первый план в рассказе народов Поволжья выходят две оппозиции. Первая – это “родители и дети”, реализуемая через ценностно значимые и эмоционально окрашенные мотивы брошенных, забытых или непонятых стариков и их занятых собой, бездушных (неблагодарных) детей. Вторая, более обобщенная, социально значимая оппозиция – традиционная и современная марийская деревня с диаметрально противоположными мировоззренческими и ценностными установками. В данном контексте легко соотносимы между собой рассказы разноразнонациональных писателей, в произведениях которых антитеза представлена как главный прием композиции: марийских (Геннадия Гордева, Валерия Бердинского,

Геннадия Алексеева, Юрия Артамонова и др.), чувашских (Арсения Тарасова, Дениса Гордеева, Светланы Азамат, Валентины Тарават и др.), татарских (Рифы Рахман, Зинура Хуснияра и др.)» (с. 120).

Важным результатом исследования в монографии представляется установление неразрывной связи аксиологической авторской концепции и поэтики композиции, например в нравственно-психологическом рассказе второй половины XX в. Авторы подчеркивают три варианта художественной конструкции в марийском нравственно-психологическом рассказе: ценностное противостояние героя и антигероя; ценностная антитеза во внутреннем мире рефлексиирующего персонажа; герой и антигерой + активно меняющийся антигерой.

По мнению авторов монографии, широкие возможности для исследования аксиосферы марийской литературы открывает образ-символ, прямо связанный с идейным миром произведения. Образная символика – это эффективный художественный прием обобщения действительности и способ выражения авторской концепции марийских писателей, в которой значительное место отведено универсальным, социально-нравственным, этническим, религиозным, эстетическим ценностям.

Для понимания символов в художественном творчестве в смысловом и функциональном значении необходимо соотнести их с идейно-композиционной структурой конкретного произведения; с культурно-исторической традицией, которой придерживается художник; с индивидуально-поэтической системой, взятой в синхронном и диахро-

ническом разрезах. Авторы доказывают, что символический образ в литературном произведении может быть формализован как образ-представление, когда символический смысл открывается через связь описаний (в авторских ремарках и речи героев) с сюжетом, характерами героев, общей эмоциональной тональностью пьесы; как образ-персонаж (символизация действующих лиц произведения), как словесный образ (троп).

Доминирующими типами символики марийской драматургии второй половины XX – начала XXI в. авторы называют природные образы-символы и дают их типологию: фитоморфная символика, зооморфные образы-символы, символические образы природных явлений и состояний. Многие из этих разновидностей природных образов-символов в случае их ориентации на народно-традиционную культуру, семантику обрядов и обычаев марийцев становятся народно-религиозными образами-символами.

На материале марийской прозы, поэзии и драматургии в монографии глубоко проанализированы аксиологические координаты в разных типах художественного времени и пространства и выявлены разнообразные авторские трансформации традиционной хронотопической структуры, позволяющие понять динамику аксиосферы марийской литературы XX–XXI вв. В марийской литературе представлены следующие типы хронотопа с соответствующими им ценностными кодами в авторской рефлексии: современность, историческое и ретроспективное время-пространство. Последний тип получает наибольшее развитие во второй половине XX – начале XXI в., когда ценностные координаты

современности все больше осмысляются в сопряжении с недавним прошлым или какими-то более удаленными драматическими историческими эпохами, например Великой Отечественной войной. Иллюстрацией может служить анализ размышлений повествователя и персонажа в рассказе И. Караева «Белая булка» об упадке духовности и нравственности в современной жизни, осмысленном писателем как противовес искренности и единства народа в военное время.

Авторы убедительно доказывают, что художественное пространство марийской литературы XX–XXI вв. – это система топосов-архетипов и современных локусов, взаимодействующих, взаимодополняющих, выражающих универсальное и национальное мировидение авторов, что центральный топос, как правило, стягивает в одно целое весь художественный мир произведения, актуализируя ту или иную ценностную концепцию автора.

Один из выводов исследования заключается в том, что аксиосфера литературного творчества народа мари – это система ценностных смыслов, представленных в словесно-художественной форме в виде комплекса универсальных ценностей и этнических ценностных ориентиров, что они пронизывают литературное творчество на всех этапах его развития, произведения разных видов и жанров и что актуализация тех или иных ценностей (универсальных, этнических) зависит как от социально-исторических условий, в которых развивается литература, так и от индивидуально-художественных пристрастий авторов.

В монографии отмечается, что в эпоху формирования национального самосознания народа мари (первая

треть XX в.) авторская концепция жизни и человека опиралась на нравственные ценности марийского народа, среди которых на первом месте были трудолюбие, воля и выдержка, составляющие основу духовно-нравственной культуры марийского народа. В марийской литературе второй половины XX в. значительное место занимали универсальные ценности, в частности связанные с человеческой жизнью, детством, семьей, духовно-нравственным самосовершенствованием и самоутверждением человека в обществе. В конце XX – начале XXI в. актуализируется социально значимая оппозиция – традиционная и современная марийская деревня с их диаметрально противоположными мировоззренческими и ценностными установками. При этом многие произведения

(лирические, эпические и драматические) содержат в себе ностальгию авторов по незыблемым ценностным приоритетам общечеловеческого и этнозначимого существования в мире (память о прошлом, жизнь в гармонии с природой, народная этика, семейные традиции, духовность, внимание, соучастие, долг, ответственность и др.), размышления о совершенствовании мира через память о прошлом.

Безусловный интерес представляют выводы о проблематике исторических романов начала XXI в., затрагивающей «терминальные» (желание жить в мире и согласии, безопасность и отсутствие конфликтов) и «инструментальные» (мужество, смелость, честность, вежливость) ценности марийского народа.

Выстраивая новаторскую историю марийской нацио-

нальной литературы, основанную на динамике художественной аксиологии, авторы приходят к научно обоснованному и значимому выводу: художественная аксиология народа мари развивалась в направлении от доминирования этнических ценностей на начальном этапе развития литературы в сторону универсальных в последующие этапы, к новой «волне» актуализации этнических ценностей на рубеже XX–XXI вв., но при сохранении и углублении интереса к универсальным ценностям, от прямых форм их художественного выражения к усложнению аксиологически ориентированной поэтики.

Монография «Аксиологическая парадигма марийской литературы XX–XXI веков» – это новое слово не только в марийской, но и во всей финно-угорской литературной науке.

**Альбина Федоровна Мышкина –**

*доктор филологических наук, профессор  
кафедры чувашской филологии и культуры  
Чувашского государственного университета  
имени И. Н. Ульянова,  
Чебоксары, Россия,  
alb-myshkina@mail.ru,  
<https://orcid.org/0000-0001-8560-9146>*

**Albina F. Myshkina –**

*Doctor of Philology, Professor,  
Department of Chuvash Philology and Culture  
I. N. Ulyanov Chuvash State University,  
Cheboksary, Russia,  
alb-myshkina@mail.ru,  
<https://orcid.org/0000-0001-8560-9146>*



# НОВЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ РУССКО-УДМУРТСКИЙ СЛОВАРЬ – ВАЖНАЯ ВЕХА ФИННО-УГОРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

# THE NEW ACADEMIC RUSSIAN-UDMURT DICTIONARY IS AN IMPORTANT MILESTONE IN FINNO-UGRIC LINGUISTICS

**Рецензия на книгу:** Русско-удмуртский словарь: в 2 т.: более 55 000 слов / Л. М. Ившин, С. А. Максимов, О. В. Титова, Л. Е. Кириллова, Л. Л. Карпова, Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, А. А. Шибанов; отв. ред. Л. М. Ившин; УдмФИЦ УрО РАН. – Ижевск, 2019. – Т. 1 (А–О). – 936 с.; Т. 2 (П–Я). – 1016 с.

**Book review:** Russian-Udmurt Dictionary: in 2 vol.: more than 55,000 words / L. M. Ivshin, S. A. Maksimov, O. V. Titova, L. E. Kirillova, L. L. Karpova, T. R. Dushenkova, A. V. Egorov, A. A. Shibarov; execut. ed. L. M. Ivshin; UdmFRC UB RAS. – Izhevsk, 2019. – Vol. 1 (A – O). – 936 p.; Vol. 2 (P – Ya). – 1016 p.

**Благодарности:** Рецензия написана при поддержке проекта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основе больших данных».

Создание академического фундаментального русско-удмуртского словаря было необходимым и крайне актуальным на протяжении нескольких последних десятилетий. В 1942 г. был издан «Русско-удмуртский словарь» под ред. А. Бутолина<sup>1</sup>, насчитывающий около 20 тыс. слов, в 1956 г. – новый более полный «Русско-удмуртский словарь»<sup>2</sup>, содержащий около 40 тыс. слов. С тех пор лексический состав русского языка существенно изменился: по-

явилось значительное количество слов, описывающих современные политические, экономические, научные, цифровые реалии. Между тем новых больших русско-удмуртских словарей издано не было. За прошедшие годы выходили краткие словари, в частности в 1995 г. «Краткий удмуртско-русский, русско-удмуртский словарь», составленный Р. Ш. Насибуллин и С. А. Максимовым<sup>3</sup>. Русско-удмуртская часть этого словаря содержит около 3,5 тыс. словарных ста-

тей, в которых представлены переводы наиболее употребительных слов. Издавались и специализированные словари, например «Удмуртско-русский и русско-удмуртский словарь лингвистических терминов»<sup>4</sup>, «Русско-удмуртский словарь географических терминов»<sup>5</sup>, «Русско-удмуртский и удмуртско-русский толковый словарь химических терминов»<sup>6</sup> и др. Но, безусловно, носители удмуртского языка, специалисты по удмуртскому языку, учащиеся, переводчики нуждались в ос-

<sup>1</sup> См.: Русско-удмуртский словарь / под ред. А. Бутолина. Ижевск, 1942.

<sup>2</sup> См.: Русско-удмуртский словарь: ок. 40 000 слов; с прил. краткого очерка грамматики удм. яз. М., 1956.

<sup>3</sup> См.: Краткий удмуртско-русский, русско-удмуртский словарь / сост. Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов; под ред. Л. И. Калининой. Ижевск, 1995.

<sup>4</sup> См.: Зверева Т. Р., Шибанов А. А. Кылтодон нимкылъёсын удмурт-жуч но жуч-удмурт кыллюкам = Удмуртско-русский и русско-удмуртский словарь лингвистических терминов. Ижевск, 2006.

<sup>5</sup> См.: Туганаев В. В., Воронцов П. И., Перовщиков А. П. Русско-удмуртский словарь географических терминов = Географи нимкылъёсын жуч-удмурт но удмурт-жуч кыллюкам: более 1 700 слов. Ижевск, 2003.

<sup>6</sup> См.: Конохов М. Н. Русско-удмуртский и удмуртско-русский толковый словарь химических терминов = Хими нимкылъёсын жуч-удмурт но удмурт-жуч кылбугор: ок. 1 800 слов / отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2002.



новополагающем издании, которое охватывало бы все области и сферы современной жизни. Таким изданием стал «Русско-удмуртский словарь», подготовленный авторским коллективом под руководством Л. М. Ившина и насчитывающий более 55 тыс. словарных статей. Этот словарь вышел в свет в 2019 г. к празднованию 100-летия государственности Удмуртии.

За основу нового справочника был взят «Русско-удмуртский словарь» 1956 г., каждая словарная статья которого была подвергнута критическому пересмотру: тщательно проверена и при необходимости расширена. Его словник был значительно переработан и дополнен в результате анализа словарей современного русского языка<sup>7</sup>. Важным достоинством нового словаря следует признать то, что у многозначных русских слов под номерами приводятся их значения с толкованиями и соответствующие удмуртские переводы. Впервые такие пометы появились в «Русско-удмуртском словаре» 1956 г. В предшествующем издании к русским словам под номерами просто давались удмуртские переводы, и лишь на основании примеров внимательный читатель мог предположить, к какому значению тот или иной перевод относится.

Для иллюстрации сказанного сравним словарную статью слова *виться* в разных словарях:

«Русско-удмуртский словарь» 1942 г.: ВИТЬСЯ 1. биниськыны. Хмель вьётся по яблоне. – Улмопу кузя туг биниське. 2. кудьыръяськыны, бабыльскыны. У него волосы вьются. – Солэн йырсиес

кудьыръяське. 3. поръяны. Орёл вьётся над горой. – Орзи гурезь вадьсын поръя. 4. пуниськыны. Верёвки вьются из пеньки. – Гозыос пышысь пунисько.

«Русско-удмуртский словарь» 1956 г.: **ВИТЬСЯ** 1. (*расти завитками*) биниськыса (пуниськыса) потыны, биниськыса (пуниськыса) будыны; бабыльскыны, бабылес луыны (*о волосах*); **хмель вьётся по дереву** туг писпу кузя биниськыса потэ; **у него волосы вьются** солэн йырсиес бабыльске; 2. (*крутиться, кружиться*) поръяны, берганы; **орёл вьётся над горой** гурезь вадьсын орёл поръя; **пыль вьётся** тузон поръя (берга); 3. (*о реке, дороге*) читыр-чутыр мыныны (кошкыны); **вьётся дальняя дорога** кыдёке сюрес читыр-чутыр кошке.

«Краткий удмуртско-русский, русско-удмуртский словарь» 1995 г.: **ВИТЬСЯ** несов. 1. (*расти завитками*) биниськыны, биниськыса будыны; 2. (*о волосах*) бабыльскыны, бабылес луыны; 3. (*крутиться, кружиться*) поръяны, берганы.

«Русско-удмуртский словарь» 2019 г.: ВИТЬСЯ несов. 1. (*расти каким-л. образом*) биниськыса (пуниськыса) будыны; **хмель вьётся по дереву** туг писпу кузя биниськыса тубе (будэ) 2. (*о бороде, волосах*) бабыльскыны, баб(ы)лес луыны, люпырскыны *диал.*; **у него рыжая борода вьётся** солэн горд тушез бабыльске 3. (*крутиться, кружиться*) поръяны, берганы; **орёл вьётся над горой** гурезь вадьсын (вадьсытй) орзи поръя 4. (*о реке, дороге*) читыр-чутыр мыныны (кошкыны), кырызж-мерыж мыныны (кошкыны); **вьётся дальняя**

**дорога** кыдёке сюрес читыр-чутыр кошке 5. (*вертеться возле кого-чего-л., неотступно ходить за кем-л.*) берганы; **ребёнок вьётся около матери** пинал анаез вёзын берга.

Заметим, что толкование значений русских слов, которые требуют разных переводов, отсутствует в большинстве словарей на других финно-угорских языках, на пример:

«Русско-коми словарь»: ВИТЬСЯ несов. 1) гартчыны; **хмель вьётся по жерди** – таг гартчö майöг гөгöр 2) читкыльтчыны, кудритчыны; **волосы вьются** – юрсиыс читкыльтчö, **рыжая борода вьётся прядями** – биавиж тошкыс кудритчö пратьясöн 3) бергавны, гöгравны, гартчыны; **собака вилась у ног** – пон гартчис кок гөгöр, **все девушки вились вокруг него** – став нывъяс бергалісны сы дорын, **орёл вьётся в небе** – енэжын гөгралö кутш, **пчёлы вились над головой** – юр весьтын бергалісны мазяс 4) чукльöдлыны; **между полей лентой вилась дорога** – муяс костті лента моз чукльöдліс туй, **по зелёным лугам вьётся серебристая речка** – веж видзяс кузя чукльöдлö эзысь ёль 5) вельясны; **вьюн вьётся** – нюглей вельясö, **змея вьётся** – кый вельясö<sup>8</sup>;

«Словарь горномарийского языка»: ВИТЬСЯ (вьюсь, вьешься): 1) *пйтёрнэлтәш*; 2) *вёдбёләлтәш*; 3) *кыйыргаш*; 4) *какляргыл кеаш*<sup>9</sup>.

Приведенный пример показывает, что по сравнению с предыдущими изданиями в новом «Русско-удмуртском словаре» даются переводы для большего количества значений русских слов. Однако все же следует отме-

<sup>7</sup> См.: Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2002; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений. 4-е изд., доп. М., 2006; Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985–1988. Т. 1–4.

<sup>8</sup> См.: Русско-коми словарь / под ред. Л. М. Безносикиной. Сыктывкар, 2003.

<sup>9</sup> См.: Саваткова А. А. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола, 2008.



тить, что значение 'веревки' выются из какого-то материала', которое было упомянуто в «Русско-удмуртском словаре» 1942 г. и встречается в текстах Национального корпуса удмуртского языка<sup>10</sup> (например, *гозы пунйськоды* 'вьёте верёвки'), в словаре 2019 г. не приводится.

В качестве перспективы нового издания данного словаря хочется рекомендовать коллективу авторов произвести максимально полный учет всех значений русских слов и проверку переводов по корпусу с целью выявления наиболее употребительных способов перевода и различия в семантике. Это особенно актуально для тех случаев, когда несколько удмуртских эквивалентов одного и того же значения приводятся в словаре через запятую, например: **ВИТЬСЯ** (*крутиться, кружиться*) порьяны, берганы. Анализ использования подобных слов в корпусе позволил бы установить, в каком случае в данном значении употребляется *порьяны*, а в каком – *берганы*. Так, судя по «Удмуртско-русскому словарю»<sup>11</sup>, *порьяны* в значении 'витьсЯ' употребляется только в сочетании с птицами. Если это подтвердится при анализе примеров из корпуса, то в словарную статью нужно будет внести уточнение.

Авторы «Русско-удмуртского словаря» 2019 г. постарались обоснованно уменьшить количество заимствованной лексики в качестве удмуртских переводов. В словарь включались лишь те заимствования, которые освоены и значимы в системе обозначений удмуртского языка. Прежде всего это заимствования, подвергшиеся в удмуртском языке структурным изменениям на фонетическом, морфо-

логическом, лексико-семантическом и стилистическом уровнях, и заимствования, которым нет эквивалента в удмуртском языке. Для каждого слова авторы попытались дать наиболее полный перечень собственно удмуртских эквивалентов, например:

«Русско-удмуртский словарь» 1942 г.: **берег** – ярдур, берег.

«Русско-удмуртский словарь» 1956 г.: **берег** – ярдур, дур.

«Краткий удмуртско-русский, русско-удмуртский словарь»: **берег** – ярдур, яр.

«Русско-удмуртский словарь» 2019 г.: **берег** – ярдур, вудур, -дур.

Согласно Национальному корпусу удмуртского языка, *вудур* и, особенно, *-дур* в сочетаниях, например *шур дур* 'берег реки', являются употребительными в удмуртских текстах разных периодов. *Яр* в новом «Русско-удмуртском словаре» в качестве удмуртского эквивалента слова 'берег' не приводится, потому что является заимствованием и дается как перевод лексемы: **яр** (*обрывистый крутой берег*) ме́ч ярдур, яр.

В ряде случаев для слов, которые в более ранних словарях имели в качестве перевода лишь русские заимствования или только литературные аналоги, в новом «Русско-удмуртском словаре» приводятся разговорные эквиваленты. Например, в качестве удмуртского перевода слова *февраль* в русско-удмуртских словарях 1942 и 1956 гг. дается только заимствование *февраль*, в «Кратком удмуртско-русском, русско-удмуртском словаре» – *тулыспал*, *февраль*, а в «Русско-удмуртском словаре» 2019 г. наряду с исконно удмуртским литературным переводом

*тулыспал* приводятся разговорные аналоги *кионсю-ан*, *кионсюантолзсь*. Последние пока отсутствуют в Национальном корпусе удмуртского языка, но употребляются в устной речи, что, с нашей точки зрения, повышает ценность рецензируемого труда, как и то обстоятельство, что авторами дополнительно привлечены материалы терминологических (биологического, географического, химического) и системно-тематического словарей удмуртского языка.

Словник «Русско-удмуртского словаря» 2019 г. увеличен примерно на 15 тыс. слов по сравнению с предыдущим изданием. Это расширение было осуществлено в основном за счет привлечения современной разговорной лексики и специальной терминологии таких сфер, как официально-деловая жизнь, наука, политика, торговля, религия, производство, финансы, экономика, а также архаичного и устаревшего лексикона, ставшего вновь востребованным. Например, слово *прислуга* (о девушке) переводится как *вар-ныл*. В словаре 1956 г. для перевода этого слова было приведено только русское заимствованное слово.

На основе анализа появившихся в последние годы лексикографических источников, публицистической и художественной литературы в рецензируемый словарь введено большое количество новых лексических образований, новых значений, отражающих живые языковые процессы в русской и удмуртской лексике и фразеологии последних лет, отсутствовавшие в более ранних русско-удмуртских словарях, например:

**вневедомственный, -ая, -ое** удысьсьор *неол.*, вне-

<sup>10</sup> URL: <http://udmcorpus.udman.ru/home> (дата обращения: 23.08.2021).

<sup>11</sup> См.: Удмуртско-русский словарь / отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008.

ведомственной; **-ая охра-на** 1) (*занятие*) удысьсьор возьмаськон 2) (*сотрудник*) удысьсьор возьмаськись;

**учебо-воспитательный, -ая, -ое** дышетон-вордон, дышетон-индылон *неол.* (в функции *опр.*) учебно-воспитательной; **-ая работа** дышетон-вордон уж, учебно-воспитательной уж.

Безусловно, новый «Русско-удмуртский словарь» будет весьма востребован как среди специалистов-филологов, учителей, переводчиков, журналистов – удмуртов, так и среди носителей русского языка, живущих в условиях двуязычия или интересующихся удмуртским языком. В качестве справочного издания он дает богатый материал, необходимый при разработке важных проблем взаимодействия русского и удмуртского языков.

В заключение нельзя не отметить высокий уровень развития цифрового описания удмуртского языка: наличие онлайн-версий двух лексикографических работ – «Русско-удмуртский словарь» (2019) и «Удмуртско-русский словарь» (2008)<sup>12</sup> – и Национального

корпуса удмуртского языка, обработанного с помощью парсера, созданного Т. А. Архангельским. В будущем это позволит создать словарь, аналогичный немецкому словарю<sup>13</sup>, где для каждого глагола будет указана модель управления, а для предлогов – в каком значении используется тот или иной падеж. Это особенно важно в сложившейся ситуации, когда подавляющее большинство молодых носителей языка являются билингвами и испытывают трудности с правильным использованием падежей.

Представляется также возможным дальнейшее расширение словника словаря за счет опоры на Национальный корпус русского языка<sup>14</sup>, в котором доступны проверка частотности использования слова и выборка наиболее частотных современных слов. Хочется обратить внимание авторов словаря и на наиболее употребительные устойчивые сочетания, состоящие из трех и более слов. Списки таких сочетаний доступны также в Национальном корпусе русского языка<sup>15</sup> (*более*

*или менее, до тех пор... пока, во чтобы то ни стало* и др.). Важно и указание удмуртских эквивалентов для наиболее частотных оборотов<sup>16</sup>, таких как *без всякого сомнения, в конечном счете* и др. Речь носителей русского языка претерпевает постоянные трансформации, наиболее употребительные обороты и выражения меняются, именно поэтому их выбор с опорой на постоянно пополняемый корпус русского языка представляется наиболее правильным решением. Как было сказано выше, и удмуртские эквиваленты в будущем важно проверять по корпусу, уточнять семантику их употребления, упорядочивать их подачу в словаре согласно частотности слов.

Высказанные пожелания ни в коей мере не умаляют значение опубликованного словаря, а лишь показывают перспективы того, как в будущем благодаря огромному заделу, созданному с помощью современных цифровых технологий, удмуртская лексикология может выйти на самый высокий мировой уровень.

<sup>12</sup> URL: <http://udmcorpus.udman.ru/dictionary> (дата обращения: 23.08.2021).

<sup>13</sup> URL: <https://www.duden.de/> (дата обращения: 23.08.2021).

<sup>14</sup> URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 23.08.2021).

<sup>15</sup> URL: <https://ruscorpora.ru/new/3grams.top.html> (дата обращения: 23.08.2021).

<sup>16</sup> URL: <https://ruscorpora.ru/new/obgrams.html> (дата обращения: 23.08.2021).

#### **Юлия Викторовна Норманская –**

*доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией «Лингвистические платформы» Института системного программирования им. В. П. Иванникова РАН, ведущий научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, Москва, Россия, julianor@mail.ru, <https://orcid/0000-0002-2769-9187>*

#### **Julia V. Normanskaya –**

*Doctor of Philology, Chief Research Fellow, Head of the Laboratory "Linguistic Platforms", V. P. Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Science, Lead Research Fellow, Department of Ural-Altaic Languages, Institute of Linguistic Russian Academy of Science, Moscow, Russia, julianor@mail.ru, <https://orcid/0000-0002-2769-9187>*



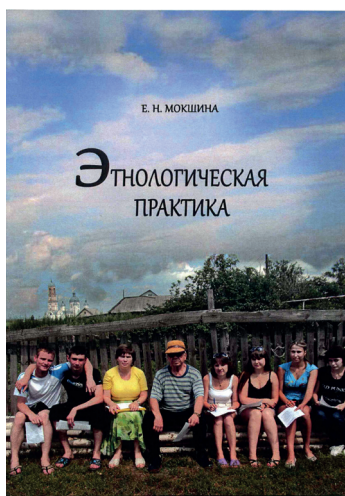
# СТУДЕНТАМ ОБ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

# FOR STUDENTS ABOUT ETHNOLOGICAL PRACTICE

**Рецензия на книгу:** Мокшина Е. Н. Этнологическая практика: учеб.-метод. пособие; под ред. проф. Н. Ф. Мокшина; Мордов. гос. ун-т. – Саранск: ЮрЭксПрактик, 2020. – 52 с.

**Book review:** Mokshina E. N. Ethnological practice: textbook; ed. by prof. N. F. Mokshin; Mordovia State University. – Saransk: YurExPractice, 2020. – 52 p.

В 2020 г. в Саранске в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарёва доктором исторических наук, профессором кафедры истории России Е. Н. Мокшиной было издано учебно-методическое пособие «Этнологическая практика». Оно содержит рабочую программу практики по получению первичных профессиональных умений и навыков (этнологической практики), которую студенты направления подготовки «История» (бакалавриат) очной и заочной форм обучения проходят по кафедре истории России, с указанием цели и задач; места в учебном процессе; требований к результатам; профессиональных компетенций; образовательных, научно-исследовательских и научно-производственных технологий обучения; содержания; итоговых оценочных средств для текущего контроля и промежуточной аттестации; учебно-методического, информационного и материально-технического обеспечения; методических рекомендаций по организации прохождения практики.



В приложении приводятся образцы оформления отчетной документации, а также этнографический вопросник, которые студенты заполняют во время прохождения и по итогам практики. Во вступительной статье автор рассказывает о роли этнологической (этнографической) практики в развитии творческих способностей и навыков научно-исследовательской работы студентов-историков.

Этнографические практики в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарёва регулярно

проводятся с 1964 г. За более чем полувековой период был собран значительный объем полевых материалов по этнической истории и современным этническим процессам у мордвы, ее духовной и материальной культуре, этноконфессиональной жизни, ономастике. Участниками практик были приобретены ценные экспонаты для этнографического музея, который был открыт в университете 19 декабря 1979 г. Не менее важно, что за это время был накоплен определенный опыт по привлечению студентов к этнографической работе, повышению их творческой активности.

Как сообщает автор, в составе этнографических экспедиций Мордовского государственного университета в разные годы работали многие известные ученые – представители научных и образовательных учреждений как нашей страны, так и из-за рубежа. В частности, в 1965 г. научный сотрудник Эстонского национального музея (г. Тарту) Э. Сарде побывала в с. Волгапино Ковылкинского и Подлясово Зубово-Полян-



ского района Мордовии, где собирала предметы домашней утвари и костюмы среди мордвы-мокши. В 1983 г. экспедиционную поездку к мордве совершил научный сотрудник этого же музея эстонский этнограф Х. Сарв, посетив Татарию, Башкирию и Самарскую область.

В 1980-е гг. Эстонским национальным музеем и Мордовским государственным университетом проводились комплексные этнографические экспедиции на территории Мордовии (эстонским отрядом руководил Х. Сарв, мордовским – профессор Н. Ф. Мокшин). Местами основной работы этих экспедиций были с. Мордовский Пимбур Zubovo-Polyanskogo и Старое Пшенево Ковылкинского района, где проживает мордва-мокша, с. Лобаски Ичалковского и Большое Маресево Чамзинского района с преимущественно эр-

зянским населением. Их неизменным участником был фотограф Эстонского национального музея Ю. Карм. В разные сезоны в экспедиции работали художники Л. Лепп, А. Сяре, М. Маркс и др. Некоторые сотрудники музея посетили и другие селения, например эрзя-мордовское село Сабаево Кочкуровского района (М. Миккор). У мордвы-мокши в основном собирались образцы национальной одежды и украшений, которые хорошо сохранились и используются по сей день женщинами старшего поколения. У мордвы-эрзи Мордовии главным образом собиралась утварь – одежда здесь не так хорошо сохранилась, как среди мокши или эрзянского населения Заволжья.

Как одна из существенных исторических дисциплин этнология (этнография) преподается студентам ряда

специальностей университета. Она призвана обогащать их кругозор знаниями о жизнедеятельности, истории, быте, культуре, нравах и обычаях разных этносов. Помимо решения этой, безусловно важной, задачи она выполняет еще и большую воспитательную функцию, участвуя в формировании мировоззрения студентов, их взглядов на многие проблемы современного мира, родной страны и малой родины – Мордовии, толерантности в межнациональных и межконфессиональных отношениях, патриотизма.

Учебно-методическое пособие предназначено для бакалавров-историков, однако оно может быть полезно также магистрам, аспирантам и преподавателям, специализирующимся по этнологии (этнографии), и интересно более широкому кругу читателей.

**Анатолий Александрович Ямашкин –**  
*доктор географических наук, профессор,  
заведующий кафедрой землеустройства  
и ландшафтного планирования  
Мордовского государственного университета  
им. Н. П. Огарёва,  
Саранск, Россия,  
yamashkin56@mail.ru,  
<https://orcid/0000-0001-9995-8371>*

**Anatoly A. Yamashkin –**  
*Doctor of Geographical Sciences, Professor,  
Head of Department of the Land Management  
and Landscape Planning,  
National Research Mordovia State University,  
Saransk, Russia,  
yamashkin56@mail.ru,  
<https://orcid/0000-0001-9995-8371>*





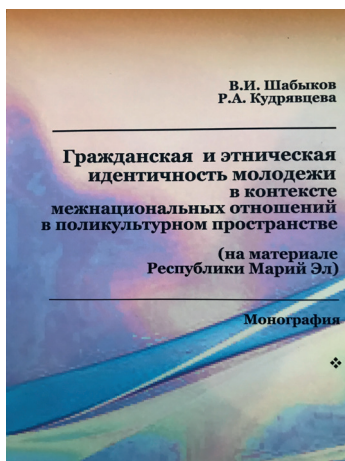
# СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

# SOCIOCULTURAL DYNAMICS OF IDENTITY OF MODERN YOUTH

**Рецензия на книгу:** Шабыков В. И., Кудрявцева Р. А. Гражданская и этническая идентичность молодежи в контексте межнациональных отношений в поликультурном пространстве (на материале Республики Марий Эл): моногр. / МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева; Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2020. – 183 с.

**Book review:** Shabykov V. I., Kudryavtseva R. A. Civic and ethnic identity of youth in context of interethnic relations in a multicultural space (based on the Republic of Mari El): monograph / MarNIIYALI named after V. M. Vasiliev; Mari State University. – Yoshkar-Ola, 2020. – 183 p.

**В** XXI в. человек оказался «на границах» множества социальных и культурных миров, абрисы которых все больше размываются. На глазах одного поколения происходит смещение ценностного сознания с выработкой новых ориентиров и усилением поиска культурной идентичности как народа в целом, так и отдельной личности. Монографическое исследование В. И. Шабыкова и Р. А. Кудрявцевой посвящено актуальной проблеме российской и мировой гуманитарной науки, малоизученной в Республике Марий Эл, – проблеме гражданской и этнической идентичности современной молодежи. Работа основывается на материале масштабного социологического исследования, проведенного в 2018 г. в Республике Марий Эл в рамках проекта РФФИ. Монография заметно раздвигает диапазон социологических исследований в регионе, пред-



ставляет широкой научной общественности богатейший аналитико-эмпирический материал для дальнейшей разработки проблем, связанных с общественным сознанием молодежи и с идентификационными процессами в современном обществе.

Важный аспект изучаемой проблемы – возросший интерес к региону, что является, с одной стороны, реакцией

на процессы глобализации, а с другой – следствием выстраивания разнообразного мира на иных основаниях. Сегодня во всем мире отдельная страна вызывает гораздо меньший интерес, чем отдельные регионы. В нашей стране соответствовать этому интересу сложно, поскольку каток советской эпохи – «мой адрес – не дом и не улица...» – особенно мощно прошелся именно по российским регионам. В указанном аспекте научная ценность рассматриваемой монографии определяется тем, что впервые в региональной социологической науке изучена проблема гражданской и этнической самоидентификации молодежи Республики Марий Эл в контексте межнациональных отношений в поликультурном континууме.

Актуальность исследования обусловлена также его связью с общими концептуальными тенденциями со-



временной этносоциологии и антропологии, исследующими вопросы сохранения и дальнейшего развития этнического многообразия Российского государства, формирования гражданской идентичности и гармонизации межнациональных отношений; необходимостью предотвращения нежелательных явлений в общественном развитии и эффективного управления национальными отношениями; соединением методикотехнологических возможностей разных гуманитарных наук и междисциплинарных подходов.

Авторами монографии осуществлен тщательный отбор методологического инструментария, представляющего собой синтез различных научных методов: диалектического, структурно-функционального, системного и собственно специфических методов социологического анализа. Глубоко продуманы основные показатели качественной характеристики гражданской и этнической идентичности молодежи Республики Марий Эл.

В работе выделены и охарактеризованы важнейшие и актуальнейшие для поликультурного социума составляющие гражданской и этнической идентичности, которые определили структурные элементы монографии. Первая глава посвящена проблемам гражданской идентификации современной молодежи Республики Марий Эл, вторая – проблемам ее этнической идентификации. Региональную идентичность, обычно выделяемую российскими учеными как самостоятельный тип, авторы монографии рассматривают в контексте гражданской идентичности, с чем вполне можно согласиться.

В качестве основных показателей для изучения

гражданской идентификации молодежи Республики Марий Эл выбраны следующие: типы гражданской рефлексии; понятие Родины; отношение к Российскому государству; мнение о государственном устройстве России; представление об истории России; гордость за гражданскую принадлежность; понимание гражданского единства, уровень межэтнической и межкультурной толерантности и установки толерантного поведения; отношение к миграционным/иммиграционным процессам и др.

Основными показателями для измерения уровня этнической самоидентификации послужили этнические автостереотипы: мотивы сближения с людьми своей этнической группы и степень их выраженности по позициям «язык», «народные обычаи», «черты характера, психология», «религия», «историческое прошлое» и «черты внешнего облика»; мысли респондентов, ассоциированные со своим народом.

Контекст межэтнических отношений идентификационного фактора общественного сознания молодежи Республики Марий Эл изучался авторами через следующие гетеростереотипы: отношение к языкам; интерес к истории и культуре народов; отношение к основным традиционным формам религии; чувство социальной безопасности народов; степень ориентированности на межэтническое общение; оценка состояния межнациональных отношений в республике и др.

Почти все составляющие гражданской и этнической идентичности молодежи проанализированы с учетом традиционных социологических факторов (пол, возраст, национальная принадлежность, уровень образования,

место жительства). Безусловный интерес вызывают анализ и интерпретация социологических данных в разрезе различных этноцензовых групп молодежи. Для сбора социологической информации авторы использовали метод формально-стандартизированного интервью. В ходе исследования были опрошены 752 жителя Республики Марий Эл в возрасте 15–29 лет (обучающаяся, работающая и неработающая молодежь).

Для сравнительного анализа исследуемой проблемной ситуации и в целях рассмотрения диахронических аспектов общественного сознания молодежи были привлечены материалы социологических опросов, проведенных Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, в том числе: «Религиозное сознание населения Республики Марий Эл» (1994, 2004), «Этнокультурная интеграция в Республике Марий Эл» (2006, совместно с Марийским государственным университетом), «Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл» (2011, 2015, 2018), «Языковая ситуация в Республике Марий Эл» (2012), «Социальный портрет студенческой молодежи» (2016) и др.

Выводы и заключения по всем аспектам рассматриваемой проблемы убедительны, доказательны, объективны, подтверждены детальным анализом конкретных данных социологических опросов. Несомненно, результаты исследования могут быть применены в работе управленческих структур республики. Очевидным его достоинством являются многочисленные таблицы – наряду с аналитическим ма-

териалом, содержащимся в главах и разделах работы, они представляют безусловную научную ценность.

Полученные в ходе исследования результаты имеют как научно-теоретическое, так и практическое значение. Они будут способствовать дальнейшему развитию марийской социологической науки, расширению ее тематического и парадигматического диапазона; могут использоваться при разработке учебных и учебно-методических по-

собий для вуза по соответствующим разделам социологии, культурологии, философии, педагогики, а также при подготовке учебных изданий по культурной регионалистике.

Данные монографического исследования В. И. Шабыкова и Р. А. Кудрявцевой свидетельствуют о том, что идентичность как коллективное культурное явление динамична и постоянно находится в стадии становления, формирования, изменения. Идентичность раскрыва-

ет не только прошлое, но и будущее народа, региона. Определенным образом интерпретированное прошлое и организованное по актуальным культурным основаниям настоящее региональной/этнической общности обуславливают современное содержание ее культурной идентичности. Другими словами, это рефлексия образа жизни и актуальных культурных проектов (практик), создающих реальные точки роста региональной/этнической культурной специфики.

**Галина Евгеньевна Шкалина** –  
доктор культурологии, профессор  
кафедры культуры и искусств  
Марийского государственного университета,  
Йошкар-Ола, Россия,  
[gshkalina@mail.ru](mailto:gshkalina@mail.ru),  
<https://orcid.org/0000-0002-0790-6409>

**Galina E. Shkalina** –  
Doctor of Cultural Studies, Professor,  
Department of Culture and Arts,  
Mari State University,  
Yoshkar-Ola, Russia,  
[gshkalina@mail.ru](mailto:gshkalina@mail.ru),  
<https://orcid.org/0000-0002-0790-6409>



# ВЕРШИНЫ КОРНЯМИ СИЛЬНЫ... (К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. М. ВАНЮШЕВА)

# THE TOPS ARE STRONG BY ROOTS ... (TO THE 85th ANNIVERSARY FROM THE BIRTH OF V. M. VANYUSHEV)

Пока ты жив –  
Нужны тебе всегда:  
Друзья, и хлеб,  
И чистая вода  
Да будет чистым  
Родниковый глаз!  
Да будет счастлива  
Земля у нас!

*В. Ванюшев*

**10** февраля 2021 г. исполнилось 85 лет патриарху удмуртского и восточно-финского литературоведения, доктору филологических наук, почетному профессору Удмуртского государственного университета, главному научному сотруднику Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН) Василию Михайловичу Ванюшеву. В историю культуры удмуртского и финно-угорских народов Поволжья он вошел как общественный деятель, крупный литературовед, фольклорист, поэт и драматург.

В. М. Ванюшеву свойствен широкий круг научных интересов, его деятельность носит междисциплинарный характер. Он по праву может называться просветителем, продолжателем дела

К. Герда, Г. Е. Верещагина – настолько разносторонен и широк диапазон его деятельности, которая «предусматривала всеобъемлющее изучение культуры своего народа: обычаев, обрядов, традиций, религиозных верований, языковых и фольклорных явлений, исторических фактов, этнографических реалий; сотрудничество с русскими и зарубежными учеными в области гуманитарных дисциплин; сбор материалов, их обработку»<sup>1</sup>.

Для исследователей нередко характерен биографический лаконизм. В данной статье авторы намеренно отходят от привычных клише с целью детального отображения формирования человека, его характера в суровых условиях действительности.

Жизненный путь В. М. Ванюшева тернист. Он родился 10 февраля 1936 г. в удмуртской деревне Нижняя Кусо-Какся, расположенной

на речке Воръявай, в северной части нынешнего Кизнерского района Удмуртской Республики. Тяжелое деревенское детство в непростое военное и послевоенное время сформировало в нем такие важные личностные качества, как трудолюбие, целеустремленность, ответственность за порученное дело, сердечность и отзывчивость, хорошие организаторские способности, любовь к знаниям и потребность в самосовершенствовании.

Время юности и взросления – это особая эпоха. Василий сполна познал тяжесть послевоенных лет, когда люди недоедали и даже голодали. Не хватало не только еды, но и одежды, ходили в домотканых штанах и рубашках, обносках, отцовских, не по размеру гимнастерках, в заплатанных брюках, рубашках, носили рваные фуфайки. Обувались в лапти, выдавшие виды рабочие ботинки, сапоги.

<sup>1</sup> См.: Рогачев В. И. Истоки (к проблеме историко-культурного и филологического наследия М. Е. Евсевьева). Саранск, 2002. С. 19.

Шло время, постепенно жизнь налаживалась. После окончания Кизенерской семилетней школы Василий Ванюшев в 1951 г. поступил и по 1955 г. учился в Можгинском педагогическом училище. Рядом с ним, среди его земляков, учителей было немало фронтовиков, израненных в боях. Ученики сверяли свою жизнь, свои дела по этим людям. Стыдно было не выполнять задания, пропускать занятия, плохо учиться.

Вернувшееся поколение победителей принесло с собой жизнеутверждающий оптимизм, ощущение счастья, полноты бытия. В послевоенном неудержимом марше, порыве энтузиазма люди совершили в разрушенной войной стране невиданный до тех пор в мире экономический рывок. Это была эпоха великих дел. Повседневный трудовой подвиг народа в спрессованное значительными историческими событиями время нашел отражение в сознании подрастающего поколения, сформировал и закалил характер В. Ванюшева.

Молодой человек, с отличием окончив удмуртское отделение педагогического училища, решил пойти дальше, не останавливаясь на достигнутом и поступил на факультет журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. На его юность и молодость выпали великие дела, творившиеся в послевоенном СССР. Страна в едином порыве устремилась вперед. Освоение целины, первые старты советских спутников в космос, строительство атомного ледокола «Ленин», полет первого человека в космос – все это не могло не повлиять на состояние души, на устремленность в будущее, реализацию своей мечты.

В 1960 г. Василий Михайлович вернулся из Москвы в Ижевск с дипломом журналиста и начал работать в редакции газеты «Советская Удмуртия» и двуязычной газеты «Комсомолец Удмуртии» – «Удмуртиысь комсомолец», где прошел путь от литературного сотрудника до редактора. Активность и заряженность молодого человека на дело не остались без внимания. Его деятельность получила высокую оценку, а сам он – направление в Москву, в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, в которой обучался в 1970–1973 гг. В. М. Ванюшев не переставал заниматься любимым делом и подготовил серьезное литературоведческое исследование. Представленная им к защите тема кандидатской диссертации «Проблемы национально-го и интернационального в младописьменных литературах Поволжья» со временем стала ключевой в исследовательской деятельности ученого. С этого времени он полностью встал на литературную стезю, подготовил и издал десятки статей, несколько монографий.

В 1973 г. В. М. Ванюшев начал работать в Удмуртском научно-исследовательском институте истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР (прежнее название УИИЯЛ) в должности старшего научного сотрудника, в дальнейшем являлся заведующим отделом литературы и фольклора, ученым секретарем, заместителем директора института по научной работе. С 2000 г. по настоящее время – главный научный сотрудник отдела филологических исследований УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН – одного из ведущих центров России по изучению культуры финно-угорских народов.



В. М. Ванюшев

V. M. Vanyushev

В. М. Ванюшев – по природе подвижник с просветительскими задатками, что находит проявление в повседневной работе. По его инициативе и под его руководством в УИИЯЛ была начата подготовка к изданию многотомного собрания сочинений Г. Е. Верещагина, внесшего существенный вклад в развитие удмуртской текстологии. В результате сплоченной работы сотрудниками института было опубликовано собрание сочинений Г. Е. Верещагина в шести томах, два из которых – в рамках реализации проекта РГНФ под руководством В. М. Ванюшева. Благодаря изданию его монографии, посвященной творческому наследию Г. Е. Верещагина<sup>2</sup>, имя первого удмуртского ученого и писателя зазвучало в широком региональном контексте. Получившее значительный резонанс в научных кругах исследование вывело подвижника удмуртской культуры Г. Е. Верещагина

<sup>2</sup> См.: Ванюшев В. М. Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья. Ижевск, 1995.

на всероссийский уровень, общефинскую орбиту, где он вместе с другими просветителями финно-угорских народов составляет культурный контекст эпохи.

За публикацию упомянутого научного издания В. М. Ванюшеву была присуждена Государственная премия Удмуртской Республики, он был избран действительным членом Международной педагогической академии.

Достойным итогом целенаправленной и системной работы по изучению удмуртской литературы и творчества Г. Е. Верещагина стало монографическое собрание избранных трудов В. М. Ванюшева «Вязь идей, времен, событий»<sup>3</sup>.

В русле научных и творческих интересов ученого находится эпическая культура удмуртского народа. Его эпос «Дорвыжы», созданный по рукописи М. Г. Худякова «Из народного эпоса вотяков: песни, сказания», является ценнейшим артефактом и переведен на финский и венгерский языки.

Наступило время, когда количество переходит в качество: в 1996 г. в Институте мировой литературы им. А. М. Горького В. М. Ванюшев успешно защитил докторскую диссертацию «Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья» и стал первым доктором филологических наук в удмуртском литературоведении.

Работы В. М. Ванюшева обращены к масштабным проблемам удмуртской литературы: прозы, поэзии, фольклора. Они представляют собой инновационные исследования на стыке нескольких смежных дисциплин: национальной

культуры, фольклористики и литературы, истории и философии, культурологии. Трудом ученого, сфокусированным на древних истоках удмуртской культуры, на вопросах формирования исторической поэтики, становления ранних литературных форм поэзии, присущи все черты академических исследований благодаря их актуальности, затрагиваемым проблемам, форме и содержанию, научному инструментарию и методологии, аналитическому характеру и глубине размышлений над материалом.

Исследования В. М. Ванюшева, посвященные истории зарождения и становления удмуртской литературы в контексте национальных литератур Урало-Поволжского региона, представляют эту историю как непрерывный, сложный процесс. В них раскрываются художественное своеобразие и особенности становления удмуртской литературы дооктябрьского периода. Излагаются принципы научного анализа литературы, что немаловажно при исследовании литературного процесса отдельного периода. В диссертации «Проблемы национального и интернационального в младописьменных литературах Поволжья», а также в монографии «Расцвет и сближение. О типологии соотношения национального и интернационального в удмуртской и других младописьменных литературах»<sup>4</sup> дается обоснование глубинным процессам связи этнической культуры и художественного слова, характеризуются главные парадигмы развития литератур. Ценность этих работ заключается в сравнительно-типологическом анализе художествен-

ных процессов, включении в исследовательскую орбиту помимо удмуртской мордовской, марийской, коми, чувашской литературы.

Имя В. М. Ванюшева известно не только в Удмуртии, но и далеко за ее пределами. Его фундаментальные труды нацелены на теоретико-эмпирическое изучение общего и особенного в развитии типологически близкородственных литератур с поздним литературогенезом, поиск и обоснование доминант межлитературности Урало-Поволжья, рассмотрение территориально-эстетических принципов. За время многолетней деятельности он установил широкие научные связи с литературоведами национальных республик и финно-угорских государств: Чувашии, Татарстана, Мордовии, Мари Эл, Коми, Финляндии, Венгрии, Эстонии и др., став объединяющим центром, вокруг которого выстраивалась созидательная работа по изучению культурных, гуманитарных процессов. Следствием этой деятельности явилось то, что исследователь побывал во всех республиках Поволжья, сблизился со многими учеными-литературоведами.

Немаловажно и то, что В. М. Ванюшев поддерживал академические связи с учеными Поволжья; совместно с ними рассматривал проблемы финно-угорских литератур; участвовал в многочисленных конференциях, дискуссиях, создавая атмосферу созидания, поисков, решения проблем в творческой обстановке. Он оказывал поддержку в подготовке кадров высшей квалификации для вузов Мордовии и всего Поволжья. Являлся членом диссертационных советов: при

<sup>3</sup> См.: Ванюшев В. М. Вязь идей, времен, событий: избр. тр. Ижевск, 2016.

<sup>4</sup> См.: Ванюшев В. М. Расцвет и сближение. О типологии соотношения национального и интернационального в удмуртской и других младописьменных литературах. Ижевск, 1980.



Мордовском государственном университете (Саранск, 1987–2000), Чувашском государственном университете (Чебоксары, 2001–2004), Удмуртском государственном университете (Ижевск, с 2002 по настоящее время), был заместителем председателя диссертационного совета при УИИЯЛ УрО РАН (2001–2003). По его инициативе в институте в 1997 г. открылась аспирантура по специальности 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (удмуртская литература). Под его непосредственным руководством успешно защищены пять кандидатских диссертаций.

В числе литературоведческих приоритетов Василия Михайловича было знакомство с мордовской литературой, с учеными-филологами А. В. Алешкиным, В. М. Макушкиным, Г. И. Горбуновым, Г. С. Девяткиным, А. И. Брыжинским, Е. И. Черновым, А. М. Шароновым, А. Д. Шуляевым, В. И. Деминым, Т. И. Кубанцевым и др. Он высоко ценил успехи мордовского литературоведения, долгое время был в личной дружбе с А. В. Алешкиным и В. М. Макушкиным, обмениваясь с ними научными идеями, переписываясь, созваниваясь, встречаясь на конференциях. Это сотрудничество продолжалось не одно десятилетие.

Будучи членом диссертационного совета в Мордовии, В. М. Ванюшев оппонировал кандидатские и докторские работы. В частности, в 2006 г. он провел успешное оппонирование докторской диссертации по мордовской литературе Т. И. Кубанцева «Становление творческой индивидуальности писателя в контексте национально-художественных традиций». Его выступления во

время защиты диссертаций всегда отличались актуальностью, глубоким знанием особенностей финно-угорских литератур, научностью, толерантностью к исследованиям молодых ученых.

В. М. Ванюшев – масштабный ученый. С 1998 по 2004 г. наряду с работой в УИИЯЛ он одновременно заведовал кафедрой удмуртской литературы и литератур народов России в Удмуртском государственном университете, где в 2004 г. был утвержден в должности профессора названной кафедры.

Широкий спектр проблем, разработанных исследователем, является важной частью удмуртского гуманитарного контекста. На его счету более 250 публикаций: монографий, статей, научно-методических и научно-популярных изданий, поэтических сборников, переводов, отражающих многогранные социокультурные процессы в Урало-Поволжском регионе. Он стоял у истоков разработки компаративистской проблематики в области национальных литератур Урало-Поволжья, посвятив ей большое число научных публикаций первоочередной важности, в частности три монографии: «Расцвет и сближение» (1980), «Вершины корнями сильны» (1987), «Творческое наследие Г. Е. Верещагина в контексте национальных литератур Урало-Поволжья» (1995). В. М. Ванюшев – создатель научной школы по изучению творческого наследия Г. Е. Верещагина, по праву признанной ведущими отечественными и зарубежными исследователями.

Многогранна и широка деятельность ученого. Он был научным редактором двухтомной «Истории удмуртской советской литературы» (1987–1988), собрания

сочинений в шести томах Г. Е. Верещагина (1995), способствовал изданию антологии удмуртской литературы на чувашском языке. В республиканских научных сборниках им опубликованы статьи о писателях Удмуртии и представителях финно-угорских литератур – Кузеева Герде, Кедр Митрее, М. Петрове, М. Коновалове, И. Куратове, Т. Кирдяшкине, С. Чавайне, Ш. Петефи, Я. Ухсае и др.

Для деятельности В. М. Ванюшева характерен всеобъемлющий, просветительский подход к проблемам духовной культуры, выражающийся в глубине размышлений над явлениями национальной культуры: «Как не может быть серьезно искусство, не уходящее своими корнями в самобытное народное творчество, так и без интернациональных связей, без постоянного обогащения за счет художественных находок других народов любое национальное искусство обречено на самоизоляцию, потерю ощущения времени, движения мира. Национальные корни и интернациональная устремленность составляют основу основ художественного творчества»<sup>5</sup>.

Все это разнообразие укладывается в канву основного направления деятельности профессора – сравнительно-типологического изучения национальных литератур; создания истории литератур народов Урало-Поволжья. Удмуртские коллеги-ученые неоднократно подчеркивали, что именно В. М. Ванюшев является основоположником компаративистики в области национальных литератур Урало-Поволжья, базирующейся на сравнительно-историческом и типологическом подходах к изучению литературного процесса. Его исследова-

<sup>5</sup> Ванюшев В. М. Расцвет и сближение. С. 7.

ния отличаются масштабной постановкой задач, стремлением выделять и решать фундаментальные проблемы изучения удмуртской литературы и словесности народов Урало-Поволжья.

География научных поездок ученого охватывает всю Россию и зарубежные финно-угорские страны. Результаты научных изысканий он представляет широкой научной аудитории, являясь постоянным участником всероссийских и региональных конференций, международных конгрессов и симпозиумов по финно-угроведению в России и за рубежом: в Будапеште (1975), Турку (1980), Сыктывкаре (1985), Дебрецене (1990), Ювяскюле (1995), Тарту (2000), Екатеринбурге (2016), Глазове (2018), Ижевске (2019).

Нельзя не сказать еще об одной важнейшей грани творческой деятельности В. М. Ванюшева, который известен и как талантливый поэт, писатель, публицист. Первые выпуски его стихов и рецензий на книги относятся к годам учебы в Можгинском педагогическом училище. В последующем литературно-художественные произведения автора начинают регулярно публиковаться отдельными изданиями.

Первая книга писателя «Нити времен» (1972) составлена из лирико-публицистических очерков. Творческие поиски Ванюшева-поэта связаны с выявлением глубинных корней национальной памяти, что нашло отражение в сборниках «Выжьюсы» («Родные корни», 1976), «Шунды но гудыри» («Солнце и гроза», 1980), «Шунды-Мумы» («Солнце-Матушка», 1990), «Аръёсын ваче син» («Лицом к лицу с годами», 1995), «Дорвыжы» (вольный перевод эпоса М. Г. Худякова «Из народного эпоса вотяков: песни, сказания», 2004),

«Удмурт Выжы Книга (Иднакарын) – Как будто Книга бытия (на Иднакаре)» (2006), «Яратисько адямиез яратыны» («Люблю любить людей», 2015).

В лучших традициях просветителей народов Поволжья – К. Герда, Г. Е. Верещагина, М. Е. Евсевьева, опираясь на фольклорные предания и легенды, писатель воссоздал картины жизни удмуртов в средневековый период. В его произведениях остро звучит тема гражданственности, социальной ответственности за происходящее в удмуртском обществе, за бедственное состояние удмуртского языка. Среди широкого спектра затрагиваемых им тем главной является тема патриотизма, сопряженная с размышлениями о судьбе удмуртского народа и родного языка. Отдельные стихотворения и сборники поэта переведены на английский, французский, русский, венгерский, финский, эстонский, татарский, чувашский языки.

В многожанровом творчестве Василия Михайловича отдельное место занимают произведения, написанные для юных читателей. Он является составителем антологии детских рассказов и сказок удмуртских писателей «Дедушкин родник» (1981), автором сборников стихотворений для детей «Вить чины – одйг кикур» («Дружных пальцев пятерня», 1983), «Солнечный каравай» (1983), «Меми гожтэт» («Мамино письмо», 2005), сборника рассказов «Зэмлыкэн кукыз кузьгес» («У правды ножки подлиннее», 2018). Помимо этого известен как переводчик Шандора Петефи, Евгения Евтушенко, Габдуллы Тукая и других поэтов.

Произведения В. М. Ванюшева публиковались в российских периодических изданиях: газетах «Литера-

турная Россия» и «Литературная газета», журналах «Дружба народов», «Урал», «Волга», «Театральная жизнь».

Важными отличительными чертами творческой личности являются ответственность перед своим народом, чувство времени, принадлежность своей эпохе. В. М. Ванюшев остро осознает необходимость как можно быстрее сформировать информационный блок научных материалов по филологии, истории и этнографии удмуртского народа, края, создать базу данных, где была бы сосредоточена вся полнота информации об этносе. В этом он абсолютно прав. Многие явления языка, фольклора, литературы, материальной и духовной культуры, бытовой обрядности канули бы в небытие, в безвременье 1990–2000-х гг., в период общественно-политических потрясений, если бы не подвижническая деятельность таких людей, как В. М. Ванюшев. И породить их уже было бы, по сути, невозможно. Ученый в этом плане смог опередить смутное время, которое «наждачной бумагой прошлось» по цивилизационным основам культуры народов сельской России.

Успехи и достижения В. М. Ванюшева по достоинству отмечены многими государственными и правительственными наградами, почетными званиями, среди которых орден Дружбы, Государственная премия Удмуртской Республики, Все чувашская национальная премия им. И. Я. Яковлева, Всеудмуртская национальная премия им. Кузеева Герда, ежегодная литературная премия Правительства Удмуртской Республики, звания «Заслуженный деятель науки Удмуртской Республики» и «Заслуженный работник культуры

УАССР», «Заслуженный работник культуры Чувашской Республики», «Народный писатель Удмуртской Республики».

Научная деятельность юбиляра – яркий пример служения крупного ученого,

мыслителя, просветителя своему народу, прогрессу, России, дальнейшему процветанию искусства слова. Ее масштаб и размах – свидетельство мощи духовной культуры удмуртского народа, способного генериро-

вать общечеловеческие ценности. Нельзя не служить этому народу, нельзя не отдавать ему сыновний долг – это доказывает В. М. Ванюшев на протяжении более полувека своей научной и творческой деятельности.

**Ольга Ивановна Налдеева –**

*доктор филологических наук, профессор  
кафедры родного языка и литературы  
Мордовского государственного педагогического  
университета имени М. Е. Евсевьева,  
Саранск, Россия,  
naldeeva\_oi@mail.ru,  
<https://orcid.org/0000-0003-4031-8905>*

**Владимир Ильич Рогачев –**

*доктор филологических наук, профессор  
кафедры литературы и методики обучения литературе  
Мордовского государственного педагогического  
университета имени М. Е. Евсевьева,  
Саранск, Россия,  
rogachev-v@bk.ru,  
<https://orcid.org/0000-0003-2830-8667>*

**Михаил Михайлович Акашкин –**

*кандидат филологических наук, доцент кафедры  
родного языка и литературы  
Мордовского государственного педагогического  
университета имени М. Е. Евсевьева,  
Саранск, Россия,  
akashkinmm@yandex.ru,  
<https://orcid.org/0000-0003-4854-6582>*

**Olga I. Naldeeva –**

*Doctor of Philology, Professor,  
Department of the Native Language and Literature,  
Mordovian State Pedagogical University,  
Saransk, Russia,  
naldeeva\_oi@mail.ru,  
<https://orcid.org/0000-0003-4031-8905>*

**Vladimir I. Rogachev –**

*Doctor of Philology, Professor,  
Department of Literature and Literature Teaching Methods,  
Mordovian State Pedagogical University,  
Saransk, Russia,  
rogachev-v@bk.ru,  
<https://orcid.org/0000-0003-2830-8667>*

**Mikhail M. Akashkin –**

*Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor,  
Department of Native Language and Literature,  
Mordovian State Pedagogical University,  
Saransk, Russia,  
akashkinmm@yandex.ru,  
<https://orcid.org/0000-0003-4854-6582>*

## К ЮБИЛЕЮ ЛАСЛО КЕРЕСТЕША

## TO THE ANNIVERSARY OF LÁSZLÓ KERESZTES

**В** ноябре 2021 г. 80-летний юбилей отметил известный венгерский ученый, один из ведущих финно-угроведов, доктор филологических наук, профессор кафедры финно-угорского языкознания Дебреценского университета Ласло Керестеш. Более 50 лет жизни он посвятил исследованию финно-угорских языков. Как один из выдающихся языковедов широко известен в Венгрии, России и других странах мира.

Ласло Керестеш родился 11 ноября 1941 г. в восточной части Венгрии, в г. Кишварда. После окончания гимназии в 1959 г. он поступил на венгерско-латинское отделение Дебреценского университета. Выбор профессии был не случаен, так как его отец, учитель латыни в гимназии, уже в юности привил ему любовь к языкам и лингвистике. Ласло был первым студентом Дебреценского университета, направленным в Финляндию на годичную стажировку. Полученные в Финляндии знания по финскому языку стали основой для всей его последующей карьеры. Лекции выдающихся лингвистов Хельсинкского университета (прежде всего Эрки Итконена и Аулиса Й. Йоки) оказали большое влияние на молодого студента и в конечном счете

укрепили его в выборе финно-угроведения.

После получения в 1964 г. диплома по специальности «Венгерский язык и литература» Л. Керестеш стал стажером на кафедре финно-угорского языкознания, а год спустя — ассистентом этой кафедры (вместе с Белой Калманом и Магдой Андраш не Кёвеши он стал третьим постоянным сотрудником кафедры). С 1972 г. он — старший преподаватель, с 1986 г. — доцент, с 1999 г. — профессор Дебреценского университета. В 1985 г. защитил кандидатскую диссертацию по истории мордовского консонантизма. В 2005 г. вышел на заслуженную пенсию, в 2013 г. был удостоен звания почетного профессора. В период с 1969 по 1975 г. работал лектором венгерского языка в Хельсинкском университете, с 1981 по 1984 г. — в Университете Ювяскюля (Финляндия). В 1994 г. как победитель международного гранта был назначен профессором кафедры финно-угристики в Университете Осло (Норвегия), а в 2000 г. вернулся в Венгрию, в родной университет.

В 1988 г. Ласло Керестешу было поручено возглавить кафедру финно-угристики, заведующим которой он оставался вплоть до 1994 г. (до отъезда в

Осло). В 1990 г. было открыто направление подготовки «Финский язык», что явилось своего рода результатом отличной работы по организации и проведению в Дебреценском университете VII Международного конгресса финно-угроведов. Наряду с должностью лектора финского языка, существующей в университете с 1971 г., Л. Керестешу в 1992 г. удалось добиться введения должности лектора эстонского языка. В 1998 г. юбилар вновь возглавил кафедру и занимал эту должность до выхода на пенсию. С 2002 по 2009 г. он был руководителем докторской программы по финно-угорскому языкознанию при докторантуре по лингвистике Дебреценского университета. Три докторанта под его руководством успешно защитили диссертации и получили докторскую степень.

Ласло Керестеш, являясь сотрудником небольшой кафедры, преподавал различные дисциплины. Многие поколения студентов посещали его проникнутые глубоким смыслом и логикой лекции по сравнительной фонетике и морфологии финно-угорских языков, спецкурсы по истории отдельных финно-угорских языков, практические занятия по финскому, ман-



сийскому, мордовским и саамскому языкам. За более чем полувековую педагогическую и научно-исследовательскую деятельность ученый опубликовал свыше двухсот трудов, среди которых монографии, учебники, словари, статьи и другие работы. Основной круг его научных интересов: мордовское языкознание, мансийское языкознание, саамское языкознание и литература, финский как иностранный язык, венгерский как иностранный язык.

В начале научной деятельности юбиляр занимался мансийским (вогульским) языком. В 1960-е гг. он принимал участие в составлении словаря мансийского языка по материалам полевых исследований венгерского языковеда Б. Мункачи (словарь был издан Белой Калманом в 1986 г.). В 1964 г. защитил диплом по теме «Лексика говорения и мышления в обско-угорских языках», обзор по которому был опубликован в журнале «Nyelvtudományi Közlemények» («Лингвистические публикации») в 1967 г. Также им написано несколько работ о звуковой системе кондинского диалекта мансийского языка, подготовлен раздел о мансийском языке, который вошел в книгу об уральских языках под редакцией Д. Абондоло (1998).

Одним из основных результатов литературоведческой и переводческой деятельности Ласло Керестеша и по сегодняшний день остается изданный в соавторстве с талантливой переводчицей Анной Беде сборник стихов «Aranylile mondja tavasszal. Lapp költészet» («Золотистая ржанка запоет весной. Саамская поэзия», 1983). В антологию впервые вошли переведенные на венгерский язык стихи многих

## Публикации по мордовскому языкознанию<sup>1</sup>

### Монографии

- Geschichte des mordwinischen Konsonantismus II. Etymologisches Belegmaterial. *Studia Uralo-Altaica* 26. Szeged 1986. 212 l.  
Geschichte des mordwinischen Konsonantismus I. *Studia Uralo-Altaica* 27. Szeged 1987. 244 l.  
Chrestomathia Morduinica. Tankönyvkiadó. Budapest 1990. 204 l.  
Development of Mordvin Definite Conjugation. MSFOu 233. Helsinki 1999. 266 l.  
Bevezetés a mordvin nyelvészethe. Debreceni Egyetemi Kiadó. Debrecen 2011. 147 l.  
Основы мордовского языкознания. Debrecen University Press. Debrecen 2017. 186 l.

### Научные статьи

- A mordvin mássalhangzórendszer kialakulása. *Magyar Nyelvjárások* 17 (1971): 51–60.  
Mordvan konsonantiston kehitys. CUFU–3/I. Tallinn 1975. 504–509.  
Palatalizáció és megőrző tendencia a mordvinban. *NyK* 85 (1983): 361–368.  
Über eine morphonologische Erscheinung im Mordwinischen. Dritte Tagung für uralische Phonologie. 28. Juni – 1. Juli 1984 in Eisenstadt. Programm. Institut für Finno-Ugristik der Universität Wien. 24.  
X. Паасонен и классификация мордовских диалектов. *NyK* 87 [= 86] (1984): 357–365.  
H. Paasonen und die Klassifikation der mordwinischen Dialekte. CUFU–6. Тезисы II. Szikativkar 1985. 9.  
Kriterien zur Klassifizierung der Dialekte des Mordwinischen. In: *Dialectologia Uralica*. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Band 20. Wiesbaden 1985. 173–185.  
Die Stellung des Mordwinischen in der finnisch-volgaischen Einheit. (Festschrift für István Futaky). *FUM* 10 (1986): 189–201.  
Über eine morphonologische Erscheinung im Mordwinischen. In: *Studien zur Phonologie und Morphonologie der uralischen Sprachen*. *Studia Uralica*. Band 4. Wien 1987. 234–239.  
A mordvin nyelvjárási č ~ š megfelelésről. (Bereczki Emlékkönyv) *Uralisztikai Tanulmányok* 2. Budapest 1988. 207–213.  
Mordvalaista kielitieteen tutkimusta. *Viritäjä* 92 (1988/1): 184–188.  
Morphonologische Aspekte in der Klassifizierung der mordwinischen Dialekte. In: *Internationales Symposium “Uralische Phonologie” in Hamburg*, 4.–8. September 1989. 105.  
X. Паасонен и классификация мордовских диалектов. CUFU–6/2. Szikativkar 1990. 94–96.  
Исследования венгерских ученых о мордовских языках. *Вестник Мордовского университета*. Саранск 1991/1. 29–31; *Труды*, вып. 105. Саранск 1991. 77–83.  
A finn-permi ág szétválásának kronológiai kérdései. *FUD* 2 (1991): 81–86.  
Klemm Antal mordvinisztikai munkássága. In: *Tanulmányok a magyar nyelvtudomány témaköréből*. Szerk.: Kiss Jenő és Szűts László. AK. Budapest 1991. 346–349.  
Morfológiai szempontok a mordvin nyelvjárások osztályozásában In: *Rédei-Festschrift*. Wien – Budapest 1992. 255–261.  
Budenz József mordvinisztikai munkássága. In: *Régi és új peregrináció*. III. Budapest – Szeged 1993. 1328–1332.  
On the Question of the Mordvinian Literary Language. (Rez.: О проблеме литературного мордовского языка). In: *Zur Frage der*

<sup>1</sup> URL: <https://finnugor.arts.unideb.hu/keresztespubl.php>; <http://finnugor.arts.unideb.hu/fud/fud28/fud28.pdf> (дата обращения: 22.12.2021).



- uralischen Schriftssprachen (Red.: G. Zaicz), *Linguistica Series A Studia et dissertationes*, 17. Budapest 1995. 47–55.
- The Development of the Determinative Conjugation in Mordvin. CIFU–8/II. Jyväskylä 1995. 56–57.
- A mordvin irodalmi nyelv kérdéséről. Ünnepi könyv Mikola Tibor tiszteletére. Szeged 1996. 170–174.
- Determinatiivisen taivutuksen kehitys mordvan kielessä. CIFU–8/III. Sessiones sectionum Phonologia & Morphologia. Jyväskylä 1996. 134–139.
- Morphonologische Aspekte in der Klassifizierung der mordvinischen Dialekte. FUM 18/19 (1996): 61–66.
- A mordvin determinatív igeragozás kialakulása. (Doktori értekezés tézisei.) Oslo–Debrecen 1997. 16 l.
- A szám- és személykategória kérdései a mordvin determinatív igeragozásban. In: Oekeeta asijoo. Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Seppo Suhonen sexagenarii 16. V. 1998. MSFOu 228. Helsinki. 228–235.
- Questions of the Development of Mordvin. In: Zur Entwicklungsgeschichte der uralischen Sprachen. Red. J. Pusztay. Specimina Sibirica XIV. Savariae. [Szombathely] 1998. 43–76.
- Образование объектного спряжения в мордовских языках. FUD 6 (1999): 57–91.
- Gondolatok a mordvin determinatív igeragozás kialakulásáról. NyK 96 (1999): 93–108.
- Die determinierte Konjugation im Mordvinischen und die Urgeschichte. In: C. Hasselblatt, P. Jääsalmi-Krüger (Hrsg.). Europa et Sibiria. Gedenkband für Wolfgang Veenker. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Band 51. Harrasowitz, Wiesbaden 1999. 235–242.
- On the suffix-free forms and the most problematic suffixes in the Mordvin definite conjugation. In: *Linguistica*. CIFU–9/II (2000): 108–109.
- A személyrag nélküli és a legproblematisabb alakok a mordvin determinatív igeragozásban. FUD 7 (2000): 37–48.
- On the suffix-free forms and the most problematic suffixes in the Mordvin definite conjugation. CIFU–9/V (2001): 75–82.
- Questions of the person and number in Mordvin definite conjugation. In: Pusztay, János (Hrsg.), *Zur (morpho-) syntax der uralischen Sprachen*. Specimina Sibirica 16. Szombathely 2001. 17–26.
- Laza morfológiai szerkezetek a mordvinban. In: Büky László – Forgács Tamás (szerk.), *A nyelvtörténeti kutatások újabb eredményei II.* Szegedi Tudományegyetem Magyar Nyelvészeti Tanszék. Szeged 2001. 93–97.
- Nyelvújítási törekvések az új mordvin bibliafordításokban. Mikola-emlékkönyv. Néprajz és Nyelvtudomány 41/1 (2001): 129–132.
- Nyelvújítási törekvések az új mordvin bibliafordításokban. *Finnugor Világ* 6/4 (2001): 11–14.
- Efforts aiming at language reform in the new Mordvin Bible translations. In: Blokland, Rogier – Hasselblatt, Cornelius (eds), *Finno-Ugrians and Indo-Europeans: Linguistic and Literary Contacts. Proceedings of the Symposium at the University of Groningen*, November 22–24, 2001. *Studia Fenno-Ugrica Groningana* 2. Maastricht 2002. 192–196.
- A mordvin névszó predikatív ragozása: ősi vonás vagy külön nyelvi fejlemény? In: Bakró-Nagy Marianne – Rédei Károly (szerk.), *Ünnepi kötet Honti László tiszteletére*. Budapest 2003. 234–242.
- Finno-Ugric cross-language analyses: Hungarian compared with Mordvin. In: Fernandez-Vest, Jocelyne (red.), *Les langues uraliennes aujourd' hui – The Uralic languages today*. Paris, Editions Honoré Champion, 2005. 369–379.
- Neological aspirations in a few recent Finno-Ugric Bible translations. CIFU–10/4. Joškar-Ola 2008. 65–71.

современных саамских поэтов.

Неоценим вклад юбиляра в разработку и издание учебников, учебно-методической и справочной литературы для студентов, изучающих венгерский и финский языки как иностранные. С финскими соавторами Оути Каранко-Пап и Ирмели Книивилы он готовил материалы по финскому языку для серии “Tanuljunk nyelveket!” («Изучаем языки!»). Первая часть книги “Finn nyelvkönyv” («Грамматика финского языка») выдержала три издания (1985, 1987, 1995), вторая часть для продвинутого уровня вышла в свет в 1990 г. Этим публикациям предшествовало неоднократно переиздававшееся учебное пособие, подготовленное совместно с финскими коллегами Оути Каранко-Пап и Марией Вилкуна. Оно числится в списке обязательной литературы для студентов венгерского отделения Дебреценского университета.

Работая лектором венгерского языка в Финляндии (1969–1975, 1981–1984 гг.), Ласло Керестеш преподавал венгерский язык, литературу, историю и культуру венгерского народа для студентов финского отделения. В ходе преподавательской деятельности он столкнулся с проблемой нехватки грамматики венгерского языка на финском языке и восполнил этот пробел учебником “Unkarin kieli” («Венгерский язык»), вышедшим в свет в 1974 г.

В 1990-х гг. Дебреценский летний университет переживал период подъема, после смены политического строя в Венгрии увеличилось число иностранцев, желающих изучать венгерский язык. Ученый был приглашен для написания учебников по преподаванию венгерского языка. Летним универси-

тетом был запланирован и начат выпуск серии “Hungarolingua”. В 1992 г. была опубликована “Gyakorlati magyar nyelvtan” («Практическая грамматика венгерского языка»), которая переиздавалась дважды – в 1995 и 2002 гг. Позднее пособие Л. Керестеша вышло в свет на многих языках мира: английском (1992, 1995, 1999), немецком (1992, 1999), итальянском (1997), эстонском (1997), французском (1998), японском (2006).

Будучи профессором Университета Осло, Ласло Керестеш вместе с коллегой Уве Лундом подготовил Норвежско-венгерско-норвежский словарь (Norsk-ungarsk-norsk lommeordbok. Norvég-magyar-norvég zsebszótár. Oslo, 2002, 2005), острая необходимость в котором ощущалась при преподавании венгерского языка норвежским студентам. На протяжении пяти лет ученый читал лекции по финно-угристике на английском, финском и норвежском языках.

Юбилар часто бывал в заграничных командировках (в Финляндии, Норвегии и других странах), где его всегда тепло и с любовью встречали друзья, коллеги, члены Финско-венгерского общества. Своей работой он внес неоценимый вклад в развитие преподавания и изучения венгерского языка как иностранного в зарубежных вузах. Являясь почетным членом общества «Хунгарология», в состав которого входят представители разных стран Европы, Л. Керестеш принимал активное участие в создании школы хунгарологии в Университете Ювяскюля.

Круг научных интересов Ласло Керестеша широк и разнообразен. Центральное место в его научной деятельности занимает мордовское языкознание. Ученый является одним из ведущих

The questions of Finno-Ugric literary languages in the light of the latest Bible translations. In: Csúcs, Sándor et al. (red.), Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba 2010. Pars I. Oriationes plenariae. CIFU–11/I: 127–168.

Вопросы литературных языков финно-угорских народов в плане новейших переводов Библии. In: Csúcs, Sándor et al. (red.), Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba 2010. Pars I. Oriationes plenariae. CIFU–11/I: 169–192.

Образование объектного спряжения в мордовских языках. (Újraközlés.) In: Zaicz, Gábor (ed.), Uralistics from Hungary – Уралистика из Венгрии. CIFU–11/CD. Piliscsaba 2010. 88–97.

Morféma-alternációk a moksa-mordvin határozatlan névragozásban I. FUD 18 (2011): 99–116.

Amordvin réshangok keletkezésének tanulságai. In: Winkler, Eberhard et al. (Hrsg.), Lapponicae investigationes et uralicae. Festschrift zum 65. Geburtsdag von Lars-Gunnar Larsson. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Band 82 (2012): 93–98.

Morféma-alternációk a moksa-mordvin határozatlan névragozásban II. FUD 19 (2012): 101–122.

Morféma-alternációk a moksa-mordvin határozott és birtokos személyragozásban. FUD 20 (2013): 109–152.

A moksa-mordvin birtokos személyragozás átalakulása. In: Nobufumi Inaba – Jorma Luutonen – Arja Hamari – Elina Ahola (toim.), Juuret marin murteissa, latvus yltää Uraliin. Juhlakirja Sirkka Saarisen 60-vuotispäiväksi. MSFOu 270. Helsinki 2014. 140–147.

Смешение структур в личных окончаниях притяжательного склонения мокша-мордовских диалектов. FUD 22 (2015): 111–122.

A mordvin birtokos személyragozás anomáliái (nyelvtörténeti elemzés). In: Forgács Tamás – Németh Miklós – Sinkovics Balázs (szerk.), A nyelvtörténeti kutatások újabb eredményei 9. Szegedi Tudományegyetem Magyar Nyelvészeti Tanszék. Szeged 2017. 165–172.

#### Рецензии

М. А. Келин – М. В. Мосин – Д. В. Цыганкин: Мокшень кялень нюрхкяня этимологический словарь. NyK 88 (1986): 320–321.

Mordvin nyelvészeti egyetemi kézikönyvek (Ismertetés.): 1) Д. В. Цыганкин (отв. ред.) и др.: Эрзянь кель. Морфология. Республиканской типографиясь Красный Октябрь. Саранск 2000. 280 с. – 2) Н. С. Алямкина (ред.): Мокшень кяль. Морфология. Красный Октябрь типографиясь. Саранск 2000. 234 с. – 3) Alekszandr Feoktiszov: A moksa mordvin nyelv alapjai (oktatási segédanyag). Budapesti Finnugor Füzetek 9. Budapest 1999. 68 l. – 4) Tuula Nevala – Mihail Mosin: Suomalais-ersäläinen keskusteluopas. / Туула Невала – Михаил Мосин: Финнэнь-эрзянь кортамолезкс – Финско-эрзянский разговорник. Мордовской книжной издательствась. Саранск 1998. 108 с. FUD 7 (2000): 144–147.

Ilse Lehiste et al.: Erzya prosody. (Ismertetés.) FUD 12 (2005): 161–162.

Dennis Estill: Diachronic change in Erzya word stress. (Ismertetés.) FUD 12 (2005): 163–167.

Arja Hamari: The negation of stative relation clauses in the Mordvin languages. (Ismertetés.) FUD 15 (2008): 212–216.

Jack Rueter: Adnominal Person in the Morphological System of Erzya. (Ismertetés.) FUD 18 (2011): 192–195.

В. П. Цыпайкина: Темпоральность в мордовских языках и принципы ее описания. (Ismertetés.) FUD 18 (2011): 195–196.

М. Д. Имайкина: Неень шкань эрзянь келесь. Фонетика (Учебник). (Ismertetés.) FUD 19 (2012): 228–230.

Н. С. Алямкина – О. Е. Поляков: Мокшень кяль. Синтаксис (Учебник). (Ismertetés.) FUD 19 (2012): 231–234.

исследователей истории мордовских языков, перу которого принадлежат шесть монографий по мордвинистике. Его труд "Geschichte des mordwinischen Konsonantismus I–II" («История мордовского консонантизма I–II»; Сегед, 1986, 1987) стал базовым в области исторической фонетики. Вторая часть работы представляет собой этимологический словарь, включающий 557 словарных статей. Монография "Development of Mordvin Definite Conjugation" («Образование объектного спряжения в мордовских языках»; Хельсинки, 1999) содержит подробное описание объектного спряжения – сложного языкового явления в мордовских языках. "Chrestomathia Morduinica" («Мордовская хрестоматия»; Будапешт, 1990) – одно из основных пособий по мордвинистике для студентов финно-угорского отделения. Уже после выхода на пенсию ученый обобщил результаты своих исследований по мордовским языкам в труде "Bevezetés a mordvin nyelvészethez" («Основы мордовского языкознания»; Дебрецен, 2011), а в 2017 г. опубликовал данную работу на русском языке под названием «Основы мордовского языкознания» (Дебрецен, 2017).

Помимо указанных выше изданий Л. Керестеш является автором более полусотни статей по мордовскому языкознанию. Его работы посвящены вопросам изучения именного (лично-притяжательного) склонения, литературных языков и обновления мордовских языков, классификации мордовских диалектов, а в последнее время – переводов Библии. На XI Международном конгрессе финно-угроведов в г. Пилишчаба (Венгрия, 2010 г.) он выступил с пленарным докладом по проблемам перевода

Библии на финно-угорские языки.

Уже будучи известным финно-угроведом, автором весьма значимых трудов по мордовскому языкознанию и владея мордовскими языками, ученый мечтал побывать в Мордовии, услышать живую мордовскую речь, собрать ценнейший материал для дальнейших научных исследований. Его мечта осуществилась летом 1989 г., когда он в составе группы венгерских ученых и аспирантов под руководством Эникё Сий, адъюнкта Будапештского университета им. Лоранда Этвёша и доцента кафедры финно-угорской филологии МГУ им. М. В. Ломоносова А. И. Кузнецовой прибыл в Мордовию для участия в диалектологической практике с преподавателями и студентами мордовского отделения филологического факультета Мордовского государственного университета. Экспедиция проходила в нескольких эрзянских селах Кочкуровского района (Сабаво, Мордовское Давыдово, Мурань).

В 1991 г. Л. Керестеш со студентами Дебреценского университета (Каталин Сабо, Эва Хайду) и финскими коллегами (Арья Алквист, Мерья Сало, Риго Грюнталь, Дэнис Эстилл) вновь посетил Мордовию для сбора полевого диалектологического материала в селах Большеберезниковского района. Веселая жизнь в палаточном лагере, беседы с местными жителями – носителями живой разговорной речи, живописная природа Присурья оставили яркие впечатления в памяти венгерского профессора и всех участников экспедиции.

Осенью 1991 г. в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарёва состоялся первый зональный симпозиум «Литератур-

ные языки восточных финно-угорских народов: нормы, проблемы и перспективы развития», на который профессор Керестеш был приглашен в качестве почетного гостя. На форуме обсуждались вопросы развития и функционирования литературных языков восточных финно-угорских народов.

Вместе с профессором на симпозиуме присутствовал его ученик, начинающий ученый Шандор Матичак, который благодаря наставнику стал с большим желанием заниматься изучением мордовских языков и в дальнейшем посвятил свою жизнь финно-угроведению. Среди научных трудов Ш. Матичака работы по мордвинистике (мордовская ономастика, морфология, перевод и язык Библии) занимают одно из первых мест.

В ходе научной командировки в Мордовский государственный университет Ласло Керестеш читал лекции по финно-угриктике, проводил практические занятия по венгерскому языку для преподавателей и студентов филологического факультета, знакомился с вузом и городом, беседовал с коллегами, обсуждая насущные вопросы финно-угроведения.

Научные и дружеские связи, которые завязались у ученого из Венгрии с мордовскими коллегами, поддерживались в течение долгих лет. В частности, профессор Д. В. Цыганкин по приглашению Ласло Керестеша не раз посещал Дебреценский университет для чтения курса лекций по мордовскому языкознанию и проведению практических занятий по эрзянскому языку. Также неоднократно оказывались помощь и всестороннее содействие студентам финно-угорского отделения Мордовского уни-

верситета в получении стипендий Дебреценского летнего университета. Один из авторов этих строк выражает благодарность профессору за предоставленную возможность принять участие в курсах по венгерскому языку и культуре в Дебреценской летней школе, которая является одной из старейших (основана в 1927 г.) и самых престижных в Венгрии.

Юбиляр был членом редакционной коллегии нескольких научных журналов: "Nyelvtudományi Közlemények" (Будапешт), "Linguistica Uralica" (Таллин), "Finnisch-ugrische Forschungen" (Хельсинки), "Hungarologische Beiträge" (Ювяскюля). Он является основателем, главным редактором и рецензентом научного периодического журнала кафедры финно-угорского языкознания Дебреценского университета "Folia Uralica Debreceniensia".

Л. Керестеш – активный участник, а в настоящее

время почетный член многих научных организаций: Международного комитета конгрессов финно-угроведов (ICFUC); Венгерского национального комитета ICFUC (председатель, 2004–2010); Венгерского комитета по уралистике; комитета Международного общества венгерских исследований; Общества венгерского языкознания; Общества Регули. Он также является почетным членом зарубежных обществ: Финно-угорского общества (Хельсинки), Финского литературного общества (Хельсинки), Общества Калевалы (Хельсинки), Мордовского общества родного языка "Вайгель" (Саранск). В 1990 г. ученый был генеральным секретарем VII Международного конгресса финно-угроведов (Дебрецен). В 1998 г. был избран почетным доктором Университета Упсалы (Швеция).

Многолетний и многогранный труд Л. Керестеша

получил широкое признание как в Венгрии, так и в Финляндии. В 1995 г. он был награжден орденом Белой Розы Финляндии за заслуги в области финского языка и культуры, в 2013 г. – Офицерским крестом Ордена за заслуги перед Венгерской Республикой.

Ласло Керестеша отличают последовательность, целеустремленность в научных поисках, широкий кругозор, энциклопедическая эрудиция и стремление к совершенству. Он является источником неиссякаемой творческой энергии, примером профессионализма и трудолюбия и вызывает глубочайшее уважение и признательность коллег и учеников.

От всей души поздравляем юбиляра и желаем ему крепкого здоровья, благополучия, творческих успехов и талантливых последователей!

Шумбрачи ды уцяска  
Тонеть, вечкевикс профес-  
сор!

#### **Шандор Матичак –**

*доктор филологических наук, профессор,  
заведующий кафедрой финно-угорского языкознания  
Дебреценского университета,  
Дебрецен, Венгрия,  
maticsak.sandor@arts.unideb.hu,  
<https://orcid.org/0000-0001-9313-1162>*

#### **Нина Валентиновна Казаева –**

*кандидат филологических наук,  
доцент кафедры финно-угорского языкознания  
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва,  
Саранск, Россия,  
nikazaeva@yandex.ru,  
<https://orcid.org/0000-0002-9206-7223>*

#### **Sándor Maticsák –**

*Ph. D {Philology}, Professor,  
Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics,  
University of Debrecen,  
Debrecen, Hungary,  
maticsak.sandor@arts.unideb.hu,  
<https://orcid.org/0000-0001-9313-1162>*

#### **Nina V. Kazaeva –**

*Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor,  
Department of Finno-Ugric Philology,  
National Research Mordovia State University,  
Saransk, Russia,  
nikazaeva@yandex.ru,  
<https://orcid.org/0000-0002-9206-7223>*



Рецензируемый научный журнал «Финно-угорский мир **Finno-Ugric World**» основан в 2008 г. и считает своей миссией всемерное распространение знаний о финно-угорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусств, истории родного края.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников. Проводится научное рецензирование поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки.

К рассмотрению принимаются оригинальные работы (научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы), тематически связанные с проблемами финно-угорского мира. Набор материалов осуществляется по следующим научным направлениям:

«Филологические науки» – **10.02.00 Языкознание;**

«Исторические науки» – **07.00.00 История и археология;**

«Культурология» – **24.00.00 Культурология.**

Учредителем и издателем журнала является федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

С 2012 г. журнал входит в утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор:

**Макаркин Николай Петрович**, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения.

Научные редакторы:

**Мосина Наталья Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Филологические науки»;

**Корнишина Галина Альбертовна**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Исторические науки»;

**Бояркин Николай Иванович**, доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Культурология».

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и Литвы.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich's Global Serials Directory



The peer-reviewed academic journal “**Finno-Ugric World**” was founded in 2008. It seeks to develop Finno-Ugric studies, Finno-Ugric languages, literature, folk culture and arts, and the history of the native land.

The names and content of the journal's sections correspond to the groups of specialties of academic staff in accordance with the Nomenclature of Specialties of Academic Personnel. The journal follows a double-blind peer review process to maintain its high standard of the editorial expert assessment.

The journal seeks papers and book reviews on various aspects of Finno-Ugric Studies. It covers the following research areas:

“Philology” – **10.02.00 Linguistics**;

“History” – **07.00.00 History and Archeology**;

“Cultural Studies” – **24.00.00 Cultural Studies**.

The founder and publisher of the journal is Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”.

Since 2012, the journal is included in the “List of Russian peer-reviewed academic journals approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to publish research results of Dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences”.

Editor in Chief:

**Nikolay P. Makarkin**, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies

Editorial Board:

**Natalya M. Mosina**, Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Philology”;

**Galina A. Kornishina**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, National Research Ogarev Mordovia State University, section “History”;

**Nikolay I. Boyarkin**, Doctor of Art History, Professor, Leading Researcher of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Cultural Studies”.

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary, Estonia, France and Lithuania.

The journal is indexed and archived:

Russian Science Citation Index (RSCI) on the Web of Science platform

Russian Science Citation Index (RISC)

European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich's Global Serials Directory

Главный редактор *Н. П. Макаркин*

Заместитель главного редактора *А. В. Родняков*

Научные редакторы:  
*Н. И. Бояркин, Н. М. Мосина, Г. А. Корнишина*

Редактор *Е. С. Руськина*  
Верстка и дизайн *Л. В. Калачина*  
Корректор *Т. И. Кильдюшкина*  
Перевод *О. С. Сафонкина*

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Рукописи не возвращаются.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, размещенных в журнале, допускается только с разрешения редакции

*На обложке: 1-я стр. – рисунок «Остяк на реке Обь»  
из книги «Этнографическое описание народов России», 1803, ч. 1;  
4-я стр. – творческая работа П. Миничкина «Кормление светил», 2020, бумага, акварель*

---

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Assistant Editor *A. V. Rodniakov*

Editorial Board:  
*N. I. Boyarkin, N. M. Mosina, G. A. Kornishina*

Editor *E. S. Ruskina*  
Layout design *L. V. Kalachina*  
Correction by *T. I. Kildiushkina*  
Translation by *O. S. Safonkina*

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed journals to publish research results of the dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences

The Editorial board reserves the right not to return manuscripts.  
Editorial opinion may not coincide with the views of the authors of articles

Articles reprinting is allowed only with the permission of the Editors

On the cover: page 1 – drawing “*Ostyak on the Ob River*”  
from the book “*Ethnographic Description of the Peoples of Russia*”, 1803, part 1;  
page 4 – work of P. Minichkin “*Feeding the luminaries*”, 2020, paper, watercolor